

ОГОНЁК
№ 23 ИЮНЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На весенних этюдах.

Фото А. Горячева.

На первой странице обложки: Азербайджан. Сумгаитский алюминиевый завод. Идет обработка электролизной ванны.

Фото И. Тункеля.

На последней странице обложки: Мингечаур — молодой город Азербайджанской республики. Центральная площадь.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 23 (1564) 2 июня 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДОГОНИМ И ПЕРЕГОНИМ!

Земли подмосковного колхоза «Путь Сталина», что в Химкинском районе... Добротные постройки, тучные стада, телевизионные мачты, веселый стук молотков возле леса, где растут новые жилые дома колхозников, асфальтовые дороги от фермы к ферме, «поющие» голоса автомобильных моторов. Прислушаемся, о чем ведут разговор люди на ферме.

— Нынче народ трудится с душой и любой цели достигнет. Вот-вот будем иметь мяса, молока и масла столько же, сколько и заокеанские Соединенные Штаты, а то и больше! — говорит доярка Александра Михайловна Жукова.

Она обслуживает тринадцать коров. В минувшем году от каждой надоила по 5 049 килограммов молока, а на текущий год взяла обязательство надоить по шесть тысяч.

Доярка А. М. Жукова.

Свинарка М. И. Живина.

Успешно трудятся и ее подруги. Скоро вступят в строй два механизированных кормоцеха, тогда каждая доярка сможет иметь до 25—30 подопечных буренок. И дело не только в механизации и лучших кормах. Дело в том, что, как сказала Александра Михайловна, народ душу вкладывает в свое дело.

Ведь разве без души добьешься такого: в 1953 году колхоз дал на каждые сто гектаров земельных угодий 202 центнера молока, в минувшем году — в четыре раза больше, а на шестидесятый намечает 1 131 центнер!

— Догоним Соединенные Штаты Америки, без всякого сомнения догоним,— заявляет председатель колхоза Василий Васильевич Орел. Он называет несколько убедительных цифр, беря каждую из них на сто гектаров угодий: в 1953 году мяса получили 29 центнеров, а в текущем будем иметь 134 центнера. Сейчас в колхозе 270 коров, 700 свиней и 40 000 штук птицы. Есть все основания для дальнейшего быстрого увеличения производства мяса, молока, масла.

Об этом говорили и зоотехник И. Н. Лазуренков, и свинарка М. И. Живина, и птичница А. А. Лабутина — все, с кем пришлось нам побеседовать.

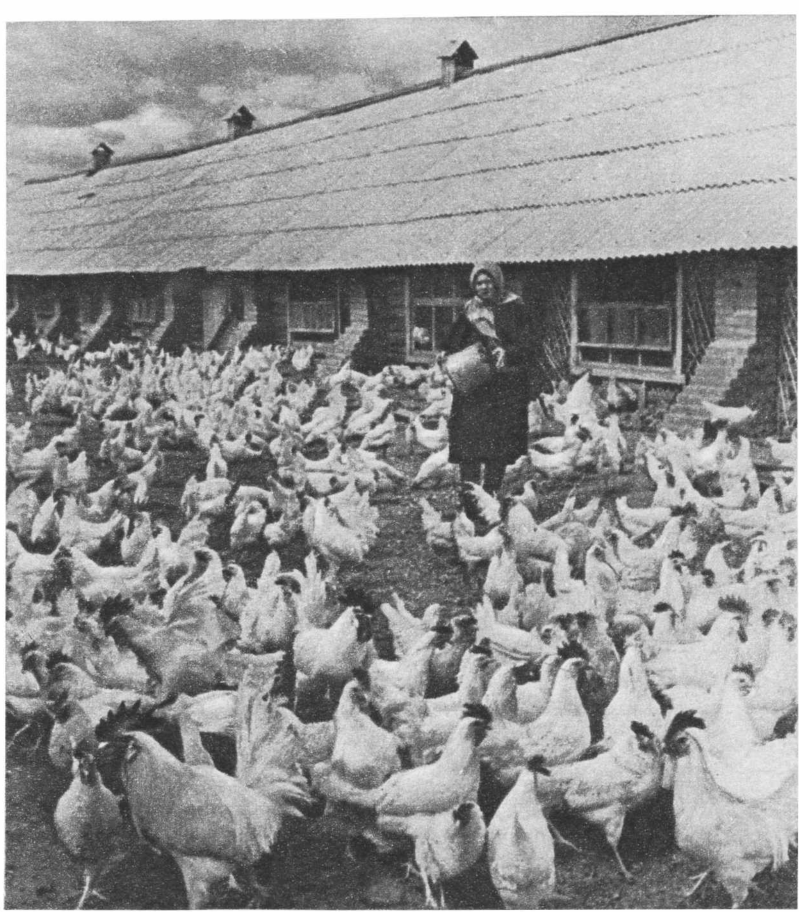
Мария Ивановна Живина держала на руках поросенка и заботливо кормила его молоком из соски.

— Вот приболел, теперь выхаживаю его на «пустышке». У меня ведь обязательство: вырастить по 10 поросят от каждой свиноматки.

И добавляет с улыбкой:

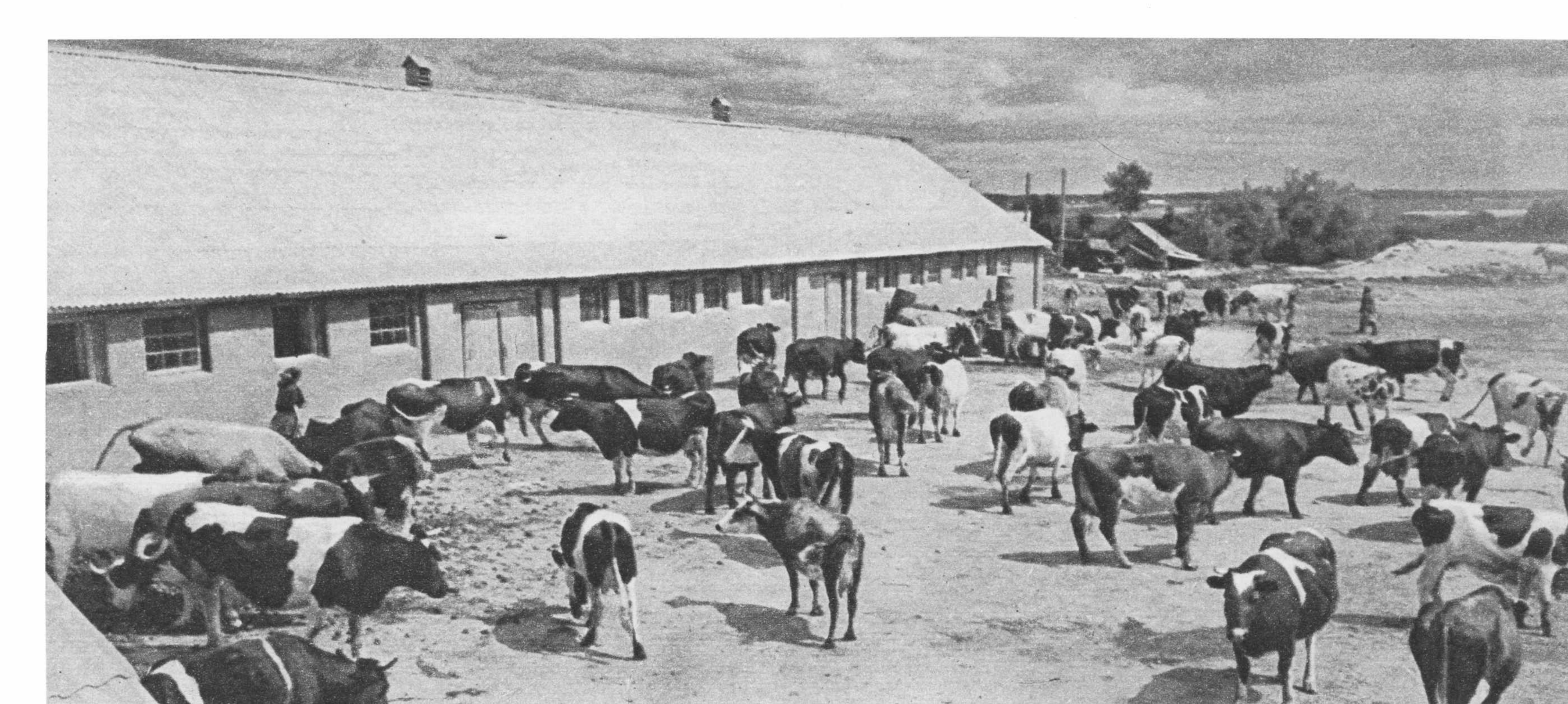
— Это мой вклад в ту торпеду под капитализм, о которой говорил в Ленинграде Никита Сергеевич Хрущев.

Труженики колхозного села единодушны: призыв партии — догнать уже в этой пятилетке Соединенные Штаты Америки по производству мяса, молока, масла на душу населения — будет претворен в жизнь!

Птицеферма.

Фото Я. Рюмкина.

На скотном дворе.

В Ханое на аэродроме Жиа-Лам.

Пребывание К. Е. Ворошилова в Демократической Республике Вьетнам

ЗВЕЗДЫ ВЬЕТНАМА

А. СОФРОНОВ **Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

...Совсем немного прошло времени — всего 13 дней,— как прилетел К. Е. Ворошилов в Джакарту, но за это время была вписана новая глава в отношения двух народов. Наши народы стали ближе, больше узнали друг друга. Выступления Климента Ефремовича, его задушевная сердечность тронули в Индонезии многих, и даже те, кто не очень поощрительно смотрел на приезд советских гостей, теперь признают: да, все оказалось хорошо. Удивительная сердечность царила в день проводов К. Е. Ворошилова на аэродроме, она ощущалась и в речи президента Сукарно и в шумных возгласах жителей Джакарты.

К. Е. Ворошилов и Хо Ши Мин едут с аэродрома.

Вот уже закончены речи. К. Е. Ворошилов, его спутники и провожающие подходят к самолету. Мы не слышим слов, произносимых перед прощанием, но ясно видим: вот Ворошилов обнял Сукарно, Сукарно заключил в дружеские объятия Рашидова, Сукарно пожимает руки Елютину и Федоренко... Перед Климентом Ефремовичем — дети президента Сукарно: маленькая девочка и стриженный наголо мальчик. Климент Ефремович целует их. Не успел он выпрямиться, как ему подносят цветы студенты Джакарты. Мы не слышим слов, мы только видим, но как все ясно...

Климент Ефремович, взволнованный, входит в самолет; хорошо встречали, но как провожают! Гудят турбины. Проносятся мимо толпы людей. Аэродром. Город с красными черепичными крышами. Зеленовато-синяя вода пролива. Черные острова с желтыми отмелями...

Начинается будничная пассажирская жизнь. Командир корабля Константин Петрович Сапелкин выдает специально отпечатанные удостоверения о пересечении экватора. Сам себе он не может подписать такой документ. Удостоверение ему заверяет Климент Ефремович. Он пишет: «Свидетельствую (без клятв), что сие совершено с нашим участием. 19/V—57 г. Борт «ТУ-104». К. Ворошилов».

Климент Ефремович посылает по радио прощальную телеграмму президенту Сукарно. Пишется текст поздравительной телеграммы товарищу Хо Ши Мину в связи с днем его рождения.

Климент Ефремович подходит к дремлющему в кресле профессору-терапевту Владимиру Харитоновичу Василенко и берет его за руку.

— Пульс?

Василенко открывает глаза и улыбается,— очевидно, его пациент чувствует себя неплохо, если так мило шутит. Василенко все же проверяет пульс у товарища Ворошилова. Привычным взглядом следит за движением секундной стрелки.

— Семьдесят шесть,— говорит Василенко, опустив руку Климента Ефремовича.

— Семьдесят шесть лет и пульс семьдесят шесть, полное совпадение,— шутит маршал...

Самолет начинает снижаться. Вот уже и Бирма. В открывшуюся дверь врывается горячий воздух. Приветливо улыбаясь, у самолета стоят премьер Бирмы У Ну и другие члены бирманского правительства. Слышен чей-то голос:

— Здесь сегодня сорок один градус тепла.

— Да, прижимает,— говорит Ворошилов, вместе с премьером У Ну направляясь в ресторан аэропорта.

В Рангуне все пересаживаются на «ИЛы», так как в Ханое аэродром не приспособлен для приема «ТУ-104».

...До захода солнца предстоит прилететь в китайский город Куньмин — столицу провинции Юньнань. Полет слегка осложняется — предлагают надеть кислородные приборы. Надо пройти над грозовым фронтом. Но, что называется, на лету летчики меняют решение: крутой вираж — и через несколько минут над нами вновь чистое голубое небо.

Вот горы словно отстают от самолета. Впереди широкая долина, большое горное озеро. Падает стрелка показателя высоты. Но и тогда, когда колеса самолета касаются асфальта, стрелка застревает на 1 900 метрах. На этой высоте лежит город Куньмин. Нас встречает довольно прохладный воздух.

— У вас весна?

— У нас почти всегда весна — 260 дней в году. Наш город так и называют городом вечной весны,— говорят нам китайские друзья, протягивая душистые букеты цветов.

А по аэродрому гремит буря оваций. Это встречают Климента Ефремовича жители провинции Юньнань...

Полученные накануне сведения говорили о том, что в Ханое очень жарко, больше сорока градусов в тени при повышенной влажности. Но чем ближе самолет подходит к Ханою, тем больше туч стелется над землей. Хочется увидеть эту новую землю, а ее нет, она скрыта облаками. Только возле самого Ханоя самолет выныривает из облаков. Идет дождь, мокрые поля, мокрые крыши, лужи на дорогах.

На аэродроме масса людей. Люди укрываются от дождя плащами, натягивая один плащ на несколько человек.

Быстро подходит товарищ Хо Ши Мин. Он в светлой одежде. Климент Ефремович выходит из самолета, обнимает Хо Ши Мина, спрашивает:

— Получили ли нашу телеграмму?

— Получил. Сердечно благодарю вас,— говорит товарищ Хо Ши Мин.

...Дорога в город. У обочин стоят крепкие, мускулистые парни в синих и защитного цвета спецовках. Рабочий класс Вьетнама. Многие из них с винтовками в руках отвоевывали своему народу свободу. Сейчас они улыбаются и машут руками. Шумно приветствуют гостей крестьянки в широких шляпах из пальмовых листьев. В коричнево-черных одеждах стоят они у дороги, и столько тепла и света излучают их видевшие немало горя глаза!

Ханой. Желтые каменные здания окаймлены густой зеленью высоких деревьев. В центре много парков и садов, много озер с живописными берегами. Одно из них носит поэтичное название Хоан-Кием, что в переводе значит Возвращенный меч. Легенда рассказывает, что некогда император Ле Тхай То, прогуливаясь по берегу этого озера, нашел меч. Этот чудесный меч помог императору объединить разобщенный народ и победить врагов. Позднее, когда все это уже свершилось, император однажды проплывал по озеру на лодке, к которой приблизилась большая черепаха. Все очень испугались. Император замахнулся волшебным мечом, но меч неожиданно выпал из рук, а черепаха подхватила его на лету и утащила под воду. Мудрецы растолковали императору это событие так: небо поручило ему освободить родину и послало для этого волшебный меч. Но когда надобность миновала, небеса напра-

На встрече с представителями национальных меньшинств.

вили мудрую черепаху взять оружие обратно... С тех пор озеро стало называться озером Возвращенного меча. В центре его виднеется старая, покрытая темным мхом пагода, которую называют Пагодой черепахи...

В первый же день К. Е. Ворошилов нанес визит президенту Хо Ши Мину. В бывшем дворце французского генерал-губернатора собрались государственные, общественные и религиозные деятели.

— Спасибо вам за теплую встречу, за радушие,— говорил Климент Ефремович, отвечая на приветствия.— Вы являетесь работниками еще молодого, но уже известного всему миру государства. У вас светлые задачи — сделать вашу страну богатой, народ счастливым. Мне хочется пожелать вам успехов в этом благородном деле. Ведь когда человек знает, за что бороться,— его хоть убей — он не предаст своего дела... Мне ведь тоже доставалось, меня били в полицейских участках.

— Это верно, меня тоже били,— говорит товарищ Хо Ши Мин.

— За одного битого двух небитых дают,— шутит Климент Ефремович.

Хо Ши Мин в знак согласия кивает головой.

Товарищ Хо Ши Мин знакомит Климента Ефремовича с присутствующими. Хо Ши Мин объясняет, что во Вьетнаме не принято здороваться за руку. Вьетнамское приветствие несколько напоминает индийское — сложенные ладони прижимаются к груди. Клименту Ефремовичу трудно сразу привыкнуть к этому. Он то и дело протягивает руку, потом спохватывается, прижимает руки к груди. Все вокруг весело улыбаются...

Известно, что во Вьетнаме много католиков. К Клименту Ефремовичу подходит уже немолодой католический священник Ву Суон Ки. Он говорит:

— Я хотел сказать несколько слов о наших католиках. Американские империалисты пытаются действовать через католиков. В 1952 и 1956 годах наши католики побывали в Советском Союзе и увидели, что в Советском Союзе католики хорошо живут. Вернувшись на родину, делегации рассказали об этом, и теперь наши католики не верят американской пропаганде, они любят, поддерживают и будут поддерживать свое государство, свой демократический строй. Примите от лица верующих пожелание здоровья и счастья.

Климент Ефремович благодарит священника за теплые слова. Увидев скромно сидящую в кресле худенькую женщину в темном платье, он шутливо спрашивает товарища Хо Ши Мина:

— А почему у вас молчат женщины?

— Это член Постоянного Комитета Национального собрания товарищ Нгуен Тхи Тхук Виен,— говорит Хо Ши Мин.

Женщина подходит к Клименту Ефремовичу.

— Я рада приветствовать вас от имени вьетнамских женщин,— говорит она.— Я одна из тех, кто помогает мужчинам строить нашу страну. В самые трудные для нас дни мы вспоминали о борьбе советского народа и о советских женщинах. Мы знали, что им было тоже тяжело. Мы думали о них, и это придавало нам силы.

Нгуен Тхи Тхук Виен помолчала немного и заговорила совсем тихо:

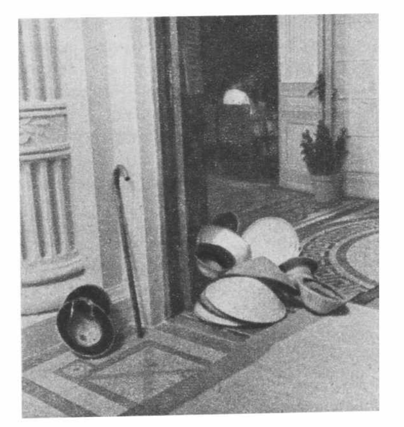
— Я читала много советских книг. Тогда у нас еще не было возможности видеть людей вашей страны. Тогда были только книги... Но я была благодарна советскому народу за все, что было написано в этих книгах. — Она снова остановилась, затем подняла на Ворошилова черные, немного печальные глаза и твердо сказала:— Я желаю вам здоровья, товарищ председатель, и многих лет жизни. Передайте, пожалуйста, когда вернетесь, что все вьетнамские женщины любят Советский Союз.

Нгуен Тхи Тхук Виен поклонилась и направилась на свое место, но быстро поднявшийся Ворошилов удержал ее за рукав, крепко пожал руку и, обращаясь к Хо Ши Мину, горячо воскликнул:

— Эта женщина выше всех нас на несколько голов! Выше всех. Мы всем обязаны в жизни женщине-матери...

Первый вечер в Ханое. Мы возвращаемся после приема. Немного схлынул дневной нестерпимый жар, легче стало дышать. Люди вышли на улицы. У озера Возвращенного меча слышатся песни, весело перекликается молодежь. Открылись магазины. В читальнях сидят юноши, шелестя страницами журналов и газет. Невероятно громок хор цикад. Кажется, будто рядом все время работает фабрика, размалывающая бамбук.

На следующий день во дворце президента собрались представители народностей Вьетнама. На мраморных ступенях дворца горками лежали широкие шляпы из пальмовых листьев. Шляпы были брошены небрежно, но по-хозяйски. В зале, отраженные десятками зеркал, в широких креслах сидели крестьяне, рабочие, интеллигенция. Крестьяне приехали сюда в выжженных солнцем, пропитанных потом коричневых рубашках. Многие из них сняли легкую поношенную обувь. Здесь были люди с лицами, изувеченными ранениями и ожогами. Это были воины. Здесь собрался трудовой народный Вьетнам, делегации трудящихся из провинций, представители национальных меньшинств. Самому старшему из них, седобородому Тхонгу, было 78 лет, самому младшему — 19.

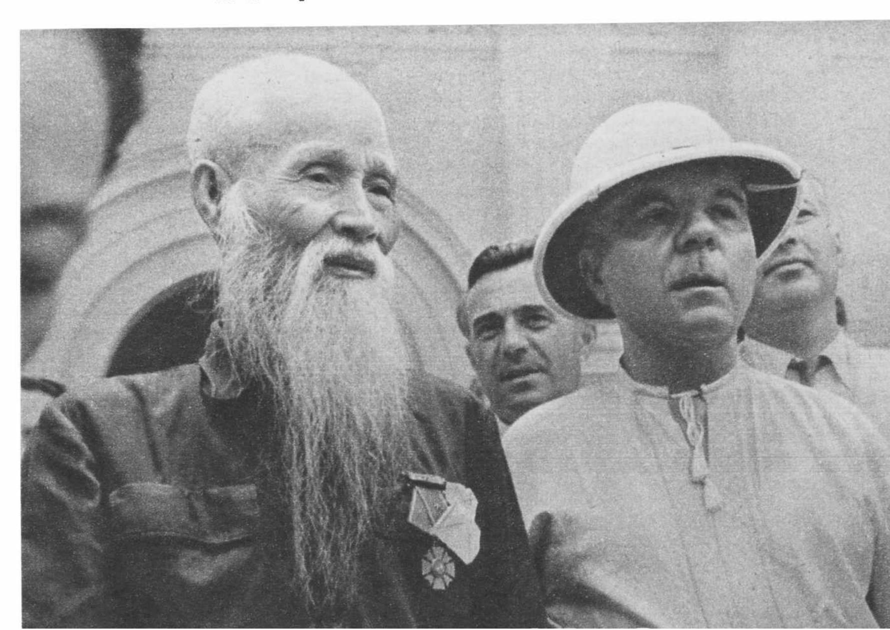

Товарищ Хо Ши Мин представил Клименту Ефремовичу посланцев разных провинций.

— Это доктор Данг Ван Нгы,— говорил он, подведя гостя к человеку в белом.— Самоотверженный человек. Врач. Во время войны, в самое трудное время, он сам изготовлял пенициллин для бойцов революционной армии. Многие наши бойцы обязаны ему жизнью.

Затем Хо Ши Мин познакомил Климента Ефремовича с семидесятивосьмилетним Тхонгом. Воро-

К. Е. Ворошилов с 78-летним Тхонгом.

Ш. Р. Рашидов выступает на митинге в Хайфоне.

Ло Ти Сень и Тхи Хао (справа).

шилов обнял его, они расцеловались.

Ханойские матери преподнесли Клименту Ефремовичу его портрет, отлично вышитый шелком. Климент Ефремович все время пристально всматривался в лица сидящих около него крестьян и рабочих. Он повернулся к товарищу Хо Ши Мину.

— Я скажу несколько слов.

— Товарищ Ворошилов будет говорить,— сообщил Хо Ши Мин.

Климент Ефремович поднялся.

— Мы приносим вам братскую благодарность за то, что вы все, дорогие товарищи, пришли засвидетельствовать свои чувства к Советскому Союзу, мы передадим нашему народу, многонациональному и единому, вашу любовь и добрые пожелания. То, что мы имеем возможность видеть вас,— это большая радость. И то, что вы имеете возможность сидеть здесь,— товарищ Ворошилов широким жестом показал на мраморные стены и зеркала,— это тоже большая радость для вас и для нас. Раньше вас сталкивали лбами, разъединяли, но ничего не помогло. Вы здесь, вы вместе, несмотря ни на что... А ведь прошло всего лишь три года, как здесь кончилась война. Всего три года...

Товарищ Хо Ши Мин что-то тихо говорит Клименту Ефремовичу.

— Ничего, ничего...— улыбается Ворошилов.— Я постою.— И он снова обращается к залу: — Я хочу вам сказать о нашей стране. Нам было трудно. Из сорока лет восемнадцать лет, почти половину времени, нам приходилось воевать, отбиваясь от тех, кто хотел отнять у нас свободу, или восстанавливать разрушенное войной. Мы отбивались, хоронили наших покойников, восстанавливали дома. И мы побеждали. Потому что мы были едины, потому что наши народы — одна семья. И мы не боимся тех, кто сегодня нам угрожает войной... Я должен сказать, что скорее они нас побаиваются... Будьте едины, дорогие друзья! Мы начинали одни. Но у вас теперь есть такие друзья, как великий Китай, Советский Союз. Вам легче жить. Скажу вам: я очень рад, что мне пришлось сорок лет назад принимать активное участие в Октябрьской революции. Я ведь сам происхожу из шахтерского Донбасса, и у нас там было немало всяких иностранных концессионеров: французов, бельгийцев, немцев. Когда свершилась Октябрьская революция, они всех нас считали сумасшедшими, авантюристами... Но история посмеялась над ними. Где они и где мы? — Климент Ефремович помолчал, широко улыбаясь.— Мы недавно были в Китае. Каким он стал независимым и могучим, как много сделал он за такой короткий срок! И вы должны знать: ваш народ любят, ценят за мужество, за героизм, за трудолюбие. Вы добьетесь больших успехов. Но главное — это идите по революционному пути, по пути коммунизма. Этот путь верный. Он приведет всех нас к великому будущему. Больших успехов вам, дорогие товарищи!

Переводчик не успевал записывать речь. Видя, что он пропускает при переводе некоторые важные места, товарищ Хо Ши Мин сам начал излагать речь Климента Ефремовича. Затем, обращаясь к собравшимся, он спросил:

— Сколько лет мы живем без войны?

— Три года,— словно эхо, отозвался весь зал.

— Будем жить так, как Советский Союз и Китай?

— Будем! — снова единодушно ответил зал.

— Помните,— говорит Хо Ши Мин,— о Советском Союзе. Эта речь для нас пример. Посмотрите на товарища Ворошилова. Шестьдесят лет своей жизни он отдал делу революции, делу трудящихся.

Последние слова Хо Ши Мина заглушаются аплодисментами. Все поднимаются с мест. Встреча закончена. Крестьяне и рабочие выходят на широкую лестницу. Там они фотографируются с товарищами Ворошиловым и Хо Ши Мином.

Почти все разошлись, но около дворца, окруженные журналистами, остались две женщины. Одна молодая, красивая, мать двух детей, крестьянка Тхи Хао. У нее смелые черные глаза. Она участница борьбы с войсками французских колонизаторов.

— Передайте советским женщинам,— говорит она, обращаясь к нам,— что мы желаем здоровья их детям, советским пионерам. Это не только мое пожелание, но и пожелание Ло Ти Сень,— указывает она на женщину в национальном костюме.— Она не знает вьетнамского языка, но она живет неподалеку от Дьен Бьен Фу, она тоже помогала борьбе с колонизаторами.

...В день, когда товарищ Ворошилов посетил строящийся в пригороде Ханоя механический завод, товарищи Рашидов и Елютин отправились в город Хайфон. Мы их сопровождали; сто с небольшим километров этой дороги многое рассказали нам.

По обе стороны дороги лежат рисовые поля. За деревянными плугами, по колено в воде, напрягаясь, идут крестьяне за буйволами. Рис созрел, его косят серпами. Обмолоченный рис насыпают на дорожный асфальт. Страшно печет солнце. Укрыв голову и плечи широкой шляпой, крестьяне не уходят с поля. Босиком по раскаленному асфальту, перекинув через плечо упругую палку, лишь отдаленно напоминающую коромысло, крестьянки носят рис и овощи. И только маленькие ребятишки свободны от дел. Они сидят, а кто и просто лежит на мокрых и скользких спинах буйволов, спрятавших головы в озеро или арыки.

По пути в Хайфон мы проехали по двум большим мостам. Около них тоже трудились люди. Меняли шпалы, подвозили рельсы.

Среди мирных сельских пейзажей бросались в глаза строения, не имеющие никакого отношения к мирному труду. Это были капитально построенные французскими колонизаторами бетонные доты с пустыми амбразурами. Но сами доты не были пусты. От амбразуры к амбразуре тянулись веревки. На них сушилось белье. В открытые двери можно было увидеть нехитрый домашний скарб. В дотах жили крестьяне. Здесь когда-то была война. Люди лишились крова. Не сразу все восстанавливается...

После митинга в Хайфоне, на котором по поручению К. Е. Ворошилова выступил Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР товарищ Рашидов, мы побывали на Хайфонском цементном заводе. Восторженно встретили рабочие дорогих гостей. Всего два года назад из Хайфона окончательно вытряхнули колонизаторов. Но какой порядок на заводе! Я всматривался в лица инженеров и рабочих. Нелегкая у них дорога, но есть пример, есть могучие друзья...

Ночевать мы отправились к берегу Тонкинского залива, на бывшие дачи французских колонизаторов. Неподалеку в залив впадает Красная река, вода здесь кирпично-глинистого цвета. На песчаных пляжах, отдыхая, лежали вьетнамские пограничники. Некоторые из них бросались в лохматые гребни набегавших на берег волн. На высоком мысу, остро вдававшемся в залив, виднелась серая сторожевая крепость. Над ней развевался алый вьетнамский с большой пятиконечной звездой флаг.

Сравнительно недолог был визит К. Е. Ворошилова во Вьетнам. Но эти дни показали, какие крепкие узы дружбы связали народы Советского Союза и Демократической Республики Вьетнам. Прощаясь на Ханойском аэродроме, Климент Ефремович пожелал успехов республике в воссоединении всего Вьетнама мирным путем.

Тепло, по-братски обнялись Климент Ефремович и Хо Ши Мин.

— До встречи,— говорит Климент Ефремович.

— До новой встречи,— говорит Хо Ши Мин.

— Счастливого вам пути,— желает товарищу Ворошилову советский посол в ДРВ М. В. Зимянин.

Товарищ Ворошилов поднимается на верхнюю ступеньку, пропускает своих спутников и только тогда, широко взмахнув рукой в последнем приветствии, входит в самолет сам.

Ханой. По телефону.

Тепло, по-братски обнялись К. Е. Ворошилов и Хо Ши Мин.

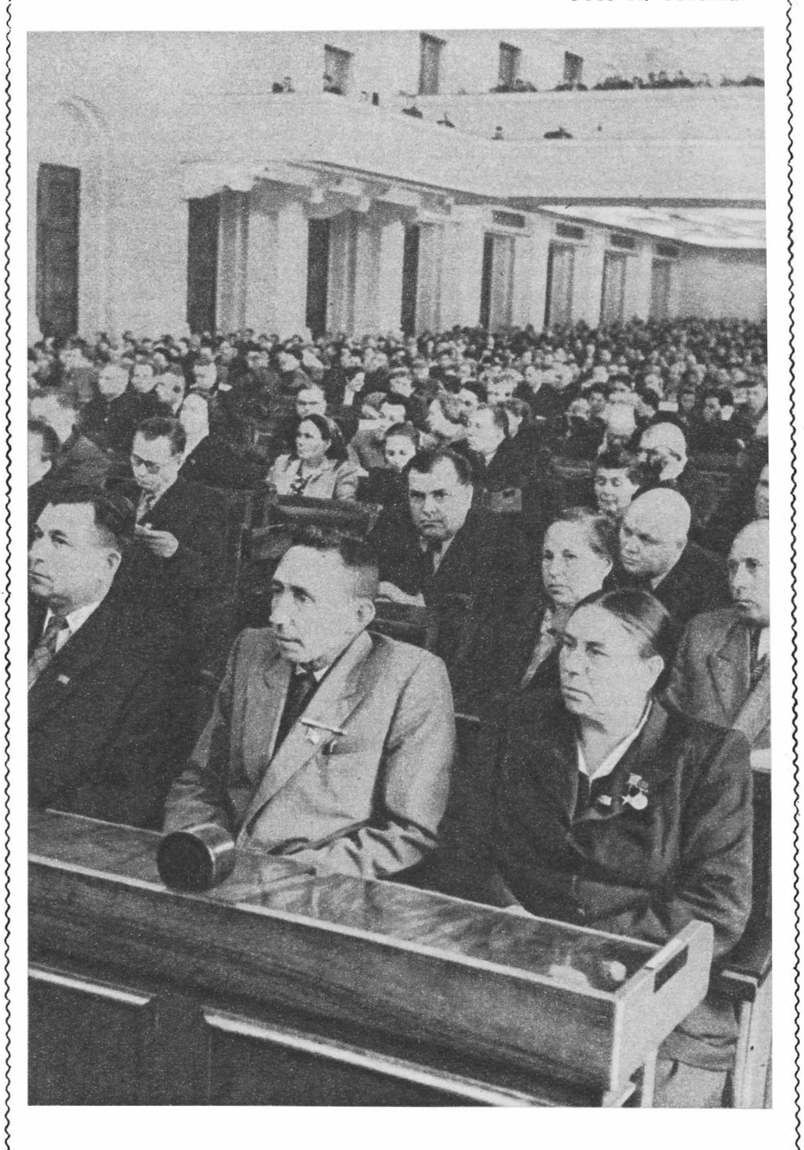
Пекин, 26 мая 1957 года. Председатель Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дун и Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов на Пекинском аэродроме.
Фото М. Домогацких.
(Снимок принят по фототелеграфу.)

ЧЕТВЕРТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

В Москве, в Большом Кремлевском дворце, проходила четвертая сессия Верховного Совета РСФСР четвертого созыва. Сессия обсудила доклад Председателя Совета Министров РСФСР депутата М. А. Яснова о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством в РСФСР.

На снимке — в зале заседаний. На переднем плане — депутаты (Тульская область): директор Веневской МТС А. С. Бизюков, крепильщик шахты № 7 В. Д. Горбунов и председатель колхоза «Победа» Герой Социалистического Труда А. М. Глашкина.

Фото А. Гостева.

ПРОЩАНИЕ С ПЕКИНОМ

Снова Пекин. Почти три недели мы не были в столице Китая. За это время буйно распустилась зелень. Весело шумят молодые рощицы над городом.

В Пекине отдых — два дня. Тепло встреченный руководителями нового Китая, вышел К. Е. Ворошилов из самолета. Во время короткой остановки в Ханькоу он снова видел мост через Янцзы. Накануне 1 Мая мост еще не был соединен. Сейчас его сплошная громада висела над быстрыми водами Янцзы. По мосту сновала автодрезина...

В Пекине Климент Ефремович, захватив своих спутников, отправился к Великой китайской стене и провел там несколько часов. Удивляя всех энергией и неутомимостью, он быстро взбирался по крутому склону, разговаривал с крестьянами, интересовался составом цемента, более двух тысяч лет скрепляющего могучее сооружение...

Но вот настало утро прощания. Чистые тихие улицы Пекина. На арках, воздвигнутых шесть недель назад в честь приезда К. Е. Ворошилова в Китайскую Народную Республику, сменили плакаты. Сердечно и просто читаются слова: «Дорогие советские гости, всего вам хорошего!».

На аэродроме тысячи жителей Пекина. У всех в руках цветы. Шелковые разноцветные флаги трепещут на сильном ветру. Вот показывается вереница автомашин. Из них выходят товарищи Мао Цзэ-дун, Ворошилов, Чжу Дэ, Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лай, П. Ф. Юдин... Гул приветствий проносится по аэродрому. Климент Ефремович и Мао Цзэ-дун направляются к небольшой трибуне. Очень сильный ветер. Мао Цзэ-дун плотнее надвигает серую кепку, Климент Ефремович придерживает свою накаленную тропическим солнцем соломенную шляпу... Они поднимаются на возвышение и останавливаются перед микрофонами. Товарищ Мао Цзэдун произносит задушевные слова о дружбе, о великом единстве советского и китайского народов. На аэродроме становится тихо, только слышно звучное трепетание шелковых знамен.

Чувствуется, как пережито каждое слово, произносимое Климентом Ефремовичем. Да, великая это дружба — дружба народов Китая и Советского Союза — основа дружбы всех народов, вступивших на путь строительства социализма.

Гремят овации. И вот начинается последний, прощальный обход товарищами Мао Цзэ-дуном и Ворошиловым всех, кто пришел сегодня на аэродром. Это было самым волнующим моментом проводов на Пекинском аэродроме. Климент Ефремович и Мао Цзэдун подошли к молодежи. Из первого ряда вышли девушки с букетами цветов, которые они и передали Мао Цзэ-дуну и Ворошилову. Еще несколько шагов... Уже новая группа передает цветы идущим рядом Мао Цзэ-дуну и Ворошилову. Затем вскипает новая волна. Климента Ефремовича обнимают, целуют, а он едва успевает передавать цветы своим спутникам. Приветственные возгласы, улыбки, сияющие глаза...

До самого самолета ведет эта дорога цветов и дружбы. Но вот и самолет. Около него все останавливаются. Климент Ефремович и Мао Цзэ-дун обнимают друг друга.

— Спасибо вам, дорогой, за все! — говорит Климент Ефремович.

— Спасибо вам за то, что приехали, спасибо! — взволнованно произносит Мао Цзэ-дун.— Горячий привет Москве.

— До скорой встречи! — говорит, обнимая Ворошилова, маршал Чжу Дэ.

Товарищ Ворошилов пожимает руки и обнимает Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лая и П. Ф. Юдина.

Последний приветственный взмах руки.

Впереди — Улан-Батор.

Впереди — Москва!

По телефону.

Штурм космоса

Е. РЯБЧИКОВ

«Командируйте меня на Марс!»

Конверты. Много конвертов — белые и синие, голубые и зеленые, узкие и ромбовидные, квадратные и треугольные. Вскроем любой из них. «Хочу быть первым человеком, командированным на Марс»,— читаем письмо. «Говорят, нужны для полета на Луну люди,— написано в другом,— я хотел бы совершить этот полет в научных целях». «Я молод, физически подготовлен и не сробею,— уговаривает ученых П. Горин.— Командируйте меня на Марс».

Знаменательно появление таких писем в редакциях газет и журналов, в Академии наук СССР, в планетариях и аэроклубах — полет на Луну или Марс энтузиасты воспринимают как живую действительность наших дней.

Любой ценой, даже ценой своей жизни, люди готовы помочь науке проникнуть в космос. Невольно вспоминаешь слова выдающегося русского ученого Константина Эдуардовича Циолковского. «Было время,— писал он,— и очень недавнее, когда идея о возможности узнать состав небесных тел считалась даже у знаменитых ученых, мыслителей безрассудной. Теперь это время прошло.

С момента применения реактивных приборов начинается великая эра в астрономии — эпоха более пристального изучения неба». И тогда «герои и смельчаки проложат первые воздушные трассы — Земля — орбита Луны, Земля — орбита Марса и еще далее: Москва — Луна, Калуга — Марс».

Созданная К. Э. Циолковским теория реактивного движения внесла полный переворот в авиацию: на смену эре самолетов винтовых пришла эра самолетов реактивных. Полеты со сверхзвуковой скоростью на огромных высотах — реальность сегодняшнего дня. Исключительных успехов достигла ракетная техника. Все это и создало практическую возможность повести наступление на космос.

На родине основателя новой науки — астронавтики — Константина Эдуардовича Циолковского, у нас, в Советском Союзе, созданы при планетариях кружки юных астронавтов, при Центральном аэроклубе имени В. Чкалова — секция астронавтики, при Академии наук СССР — специальная междуведомственная комиссия, руководящая всеми работами в области астронавтики. Советские ученые принимают деятельное участие в международных конгрессах астронавтов. Сравнительно недавно с большим интересом Парижская конференция по ракетам слушала сообщение представителя СССР доктора физико-математических наук С. М. Полоскова на тему «Исследование верхней атмосферы при помощи ракет».

Запуск ракет в Советском Союзе производится давно. С помощью ракет получены важные сведения о верхних слоях атмосферы, произведено фотографирование Земли с больших высот.

На ракетодроме

Пуск ракет производится со специальных стартовых устройств — ракетодромов. Железобетонные площадки, особые направляющие конструкции обеспечивают запуск ракеты по заданной траектории. Обслуживающий и научный персонал в момент запуска ракеты находится в бетонированных подземных убежищах. Но вот раздается страшный взрыв, и в предрассветной мгле, рассекая сумрак огненным хвостом, в небо устремляется ракета.

Ракета может подняться на значительную высоту, но, лишенная специальных приборов, она ничего не сообщит ученым. Следовательно, ракету нужно снабдить приборами и не только поднять их, но заставить передавать полученные сведения на Землю.

— Как проводятся научные наблюдения с помощью ракет? Удалось ли поднять в «преддверие» космоса живые существа? — спрашиваю я С. М. Полоскова.

— Отличительной особенностью наших работ, — рассказывает С. М. Полосков,— является то, что многие измерительные приборы мы помещаем не на самой ракете, а на отделяющемся контейнере-автомате, обеспечивая при этом спасение его при помощи парашюта.

Делается это так: с двух сторон ракеты устанавливаются закрытые специальными обтекателями мортиры; на заданной высоте они выстреливают контейнером-цилиндром.

Вот он, контейнер,— высокий, в рост человека, цилиндр, в котором находится так называемый «программный механизм», управляющий приборами, включающий и выключающий их. В контейнере помещаются измерительные приборы, аккумуляторные батареи, милли- и микроамперметры, часы, мотор, приводящий в движение всю автоматику, и фотоаппарат с бронированной кассетой. Сконструирована кассета так, что открывается она лишь в момент съемки и сохраняет пленку даже в том случае, если контейнер разобьется при ударе о землю.

Верхняя, открытая часть цилиндра, свободно омываемая воздухом, отведена для размещения в ней манометров и стеклянных баллонов. Они нужны для взятия проб воздуха.

С. М. Полосков показывает, как до отправки ракеты в космос из баллонов емкостью в 500 и 3 тысячи кубических сантиметров выкачивается мощными насосами весь воздух и создается глубокий вакуум. Вот из герметической части контейнера через специальные устройства протягиваются в верхнюю часть провода. Ими соединяют стеклянные баллоны и манометры с «программным механизмом» и источниками питания. Затем к верхней, ажурной части контейнера присоединяют парашют. Теперь все готово к «выстрелу».

Через некоторое время после старта контейнер отделяется от ракеты, и на заданной высоте автоматически открывается специальный кран. В стеклянный баллон попадает воздух верхних слоев атмосферы. Он очень разрежен, и в баллоне его оказывается ничтожно малое количество — какие-нибудь тысячные доли миллиграмма, но их вполне достаточно для спектрального анализа.

Чтобы состав воздуха внутри баллона был таким же, как и в наружной атмосфере, пробу берут в тот момент, когда скорость «выстреленного» контейнера снижается до 50—70 метров в секунду. Достигнув «потолка», контейнер падает, и, когда до земли остается десять—двенадцать километров, над падающим контейнером автоматически раскрывается парашют. Для предохранения контейнера от сильного удара о землю его снабжают хорошим амортизатором — гофрированным конусом, который при толчке складывается гармошкой и смягчает удар. Кроме того, на конусе имеются особые штыки, вонзающиеся в землю. Они сохраняют вертикальное положение высокого цилиндра: в таком состоянии его легче обнаружить среди кустов и трав.

Но вот баллон, опустившийся с большой высоты на землю, найден и доставлен в лабораторию. Теперь нужно извлечь из него воздух. Мне показывают, как это делается: баллон наполняют ртутью, и она вытесняет воздух в узкую трубочку. К внешним электродам капилляра подводят высокочастотное напряжение, и тогда в нем начинает светиться газ. В то же мгновение спектрограф фотографирует спектр свечения. Готовые снимки сличают с эталонными фотографиями спектров тех газовых смесей, состав которых уже заранее известен. Так удается определить состав воздуха на больших высотах.

— Но от метода получения проб воздуха в стеклянные баллоны на больших высотах,— замечает С. М. Полосков,— приходится отказываться: на высоте более 100—150 километров воздух настолько разрежен, что его чрезвычайно трудно получить в количестве, нужном для анализа. Для этого необходимо делать огромные баллоны, не помещающиеся ни в контейнере, ни в самой ракете. На помощь приходит небольшой прибор — радиочастотный масс-спектрометр. Установленный в контейнере, он непрерывно и автоматически ведет определение состава атмосферы в большом диапазоне высот. Его показания могут фотографироваться или передаваться по радио.

Значительный интерес представляют исследования солнечного спектра на больших высотах. Какова структура солнечного излучения, каков его спектр? На этот вопрос нельзя ответить, наблюдая Солнце с земной поверхности. Атмосфера, в особенности имеющийся в ней озон, не пропускает к Земле всего солнечного излучения.

Большая часть ультрафиолетовых лучей поглощается в слое озона и не доходит до земли. Следует сказать, что вся органическая жизнь на Земле развилась, приспособляясь к определенному составу солнечного излучения, и если бы ультрафиолетовые лучи Солнца со всей своей энергией достигли земной поверхности, многие животные и растения погибли бы.

Однако для исследования различных процессов на Солнце необходимо знать полный, неискаженный спектр его излучения. Для этого нужно поставить спектрограф на ракету и вынести его за пределы большей части земной атмосферы. Измерения спектра с помощью ракет уже дали очень интересные сведения о солнечном излучении.

Ракеты позволили получить важные сведения о космических лучах — стремительных потоках ядерных частиц, несущихся в мировом пространстве, — и установить природу первичного космического излучения. Само собой разумеется, что с помощью ракет ученые получили снимки земной поверхности, сделанные с высоты в несколько сот километров.

Альбина, Малышка и Козявка

Полеты ракет на большие высоты со временем утратили характер необычайности.

Помимо изучения верхних слоев атмосферы, важно было исследовать, как влияет высота и самый полет в ракете на живой организм. Особый интерес представляет жизнь без силы тяжести, как в будущих межпланетных кораблях.

...Перед нами веселые, шустрые псы — Альбина, Малышка и Козявка. Любой, посмотрев на них, не нашел бы в этих животных ничего особенного и удивительного. Между тем Альбина, Малышка и Козявка отличаются от всех четвероногих: они поднимались на ракетах в стратосферные дали. Более того, они дважды летали в преддверие космоса.

А. В. Покровский рассказывает:

— Мы отобрали после тщательного обследования девять собак для первого этапа исследований. Прежде чем отправить собак в космос, их держали в барокамере, поднимали на самолете, помещали в установленной на стенде ракете. Пока проводились разнообразные наземные и воздушные эксперименты, приборы и киноаппараты последовательно регистрировали состояние животных — пульс, температуру, дыхание. Кроме того, проводились электрокардиография и рентгенография всех девяти собак.

Первый старт высотной ракеты с живыми существами дан был у нас, в Советском Союзе, несколько лет назад. Произошло это так.

Собак и всю необходимую аппаратуру мы поместили в герметическом отсеке головной части ракеты,— продолжает свой рассказ А. В. Покровский.— Две собаки с помощью специальной системы привязных ремней укреплялись на лотках. В герметической кабине благодаря особой системе очищения воздуха собаки имели необходимые для жизни условия.

Все мы спустились глубоко под землю к пульту управления. За пять минут до восхода солнца включили рубильник, и мощная сигарообразная ракета с оглушительным ревом и гулом, оставляя за собой огненную полосу, устремилась в небо. Через несколько мгновений ракета достигла высоты, недоступной самолетам. Однако наблюдатели не теряли ее из поля зрения.

День еще не начинался, земля скрывалась в предрассветной тьме, но ракета, поднявшаяся на огромную высоту, была уже ярко освещена лучами солнца и казалась сверкающей звездой. Наконец она достигла заданной высоты в 100 километров. Вдруг от движущейся крошечной звездочки отделилась еще меньшая звездочка — микроскопическая слепящая искорка. Это покинула ракету герметическая кабина с пассажирами — с двумя собаками,— первыми живыми существами, достигшими порога космоса.

Кабина падала с огромной высоты, совершая своеобразный затяжной прыжок. Лишь в трех километрах от земли автоматически открылся парашют, и кабина с собаками благополучно опустилась на землю. Цилиндр быстро отыскали, выпустили собак, извлекли приборы. Альбина привычно виляла хвостом и, как всегда, лизала руки. Изучение киноленты и показаний приборов убедило нас в том, что во время полета поведение животных и их физиологические функции существенным образом не изменились: собаки чувствовали себя хорошо.

Ободренные успехом, мы решили перейти ко второму этапу исследований. Решено было поместить собак уже не в герметической, а в открытой кабине. Для них приготовили специальные скафандры с шлемами без кислородной маски. Объем кабины оставался прежним — 0,29 кубического метра.

Для проведения новых исследований взяли 12 собак, в том числе Альбину, Козявку и Малышку.

Тренировка собак проводилась ежедневно в течение почти двух месяцев. С каждым днем увеличивалась продолжительность нахождения животных в скафандрах. В полет были отобраны лишь те собаки, которые в течение последних семи или десяти дней спокойно переносили трехчасовое пребывание в скафандре. Собак перевезли на стартовую позицию за четыре часа до пуска ракеты. Как и при первых испытаниях, запуск производился за несколько минут до восхода солнца. Собак поместили в открытую кабину и включили кислородное питание.

А. В. Покровский показывает катапультную тележку — легкое, но очень прочное сооружение, в котором размещают баллоны с кислородом. В задней части устанавливают аппаратуру для автоматической регистрации состояния животного в полете. Научная аппаратура позволяет автоматически регистрировать частоту дыхания и пульс собаки, ее температуру, максимальное и минимальное артериальное давление.

Пуск ракеты на втором этапе исследований не отличался от предыдущих стартов. На заданной высоте от корпуса ракеты отделилась ее головная часть, в которой находились животные.

Во время полета с помощью клапана-регулятора в скафандрах поддерживалось необходимое давление в 440 миллиметров ртутного столба. Примерно на высоте в 90 километров, еще в начале свободного падения, происходило катапультирование — выбрасывание — собаки, находившейся в правой тележке. Вот Альбина отделилась от нее. Свободное падение собаки в скафандре продолжалось не более трех секунд: открылся парашют. Раскачиваясь на стропах, собака с высоты 85 километров спускалась примерно час.

Головная часть ракеты, освободившись от правой тележки, продолжала свободно падать. На высоте в 35 или 50 километров, в зависимости от характера испытаний, когда скорость падения достигала 1 000—1 150 метров в секунду, происходило выбрасывание — катапультирование — второй собаки.

А. В. Покровский знакомит с автоматически действующей на ракете киноаппаратурой. Во время полета ракеты, до катапультирования тележек, съемка идет с помощью зеркал, методом отражения. Установить киноаппарат прямо перед шлемом скафандра с животным пока невозможно из-за малых размеров конструкции отсека.

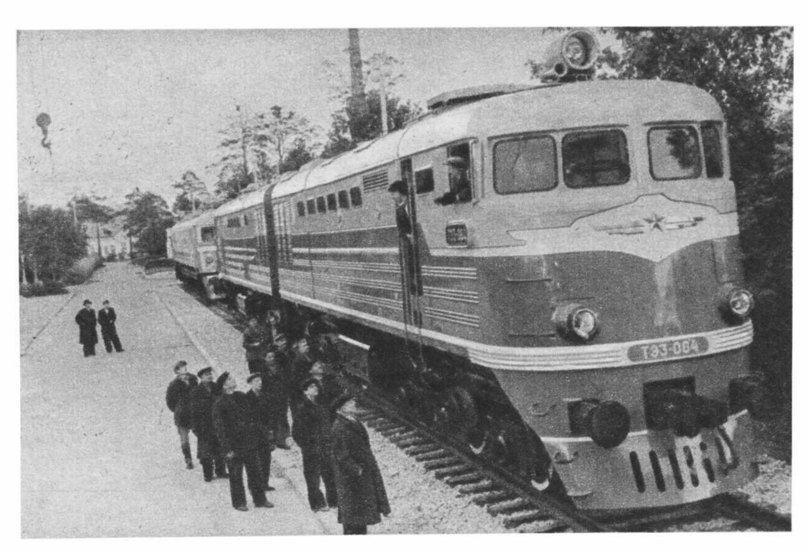
Полеты следовали один за другим. В каждый рейс отправлялись по две собаки.

— Эти полеты дали много полезного науке,— замечает А. В. Покровский.— Американские ученые поднимали в ракетах маленьких обезьян, причем обезьян удавалось посылать только под наркозом. Думаю, что в таком случае трудно получить полную и точную картину поведения животных и состояния их организма на больших высотах.

Собаки вполне удовлетворительно переносили сложные испытания во время полетов на ракетах и при спуске в скафандре. Ни одна из них не погибла от кислородного голодания или воздействия внешней среды. Скафандры сохраняют жизнь животных в ракетном полете до высоты 110 километров, при катапультировании и спуске на парашюте с высоты 85 километров и при свободном падении с высоты 50 километров до 4 тысяч метров.

Все это убеждает, что полет человека в космос возможен. Конечно, еще рано говорить сейчас о рейсах на Луну или на Марс, о создании гигантских спутников — городов с оранжереями и пересадочными станциями для полетов астронавтов на другие планеты, но в космос уже пробита брешь, а народная мудрость гласит: «Лиха беда — начало».

ПРИЕЗЖАЙТЕ НА ВСХВ!

Впервые на Всесоюзной промышленной выставке демонстрируется тепловоз «ТЭ-3».

Фото А. Гостева.

2 июня открывается Всесоюзная сельскохозяйственная и Всесоюзная промышленная выставки.

Корреспондент «Огонька» обратился к директорам этих двух выставок с просьбой рассказать, что нового будет показано в павильонах в нынешнем году.

Директор ВСХВ Б. Н. БОГДАНОВ

— Как и прежде, передовым колхозам будут посвящены целые стенды. Они покажут, как наша страна подошла к реальной возможности в ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения. Таков, в частности, стенд, посвященный прославленному колхозу «Коминтерн», Мичуринского района, Тамбовской области.

Много интересного в разделе животноводства. Посетители увидят значительно больше, чем прежде, животных и птиц. Несомненный интерес вызовет корова-рекордистка Шпанка, принадлежащая колхозу имени Микояна, Переяслав-Хмельницкого района, Киевской области, которую будет демонстрировать известная доярка Прасковья Демиденко. Эта корова симментальской породы дала за 300 дней более десяти тысяч килограммов молока, при высокой жирности — 4,05 процента. Таким образом, Шпанка дает по одному килограмму сливочного масла в день!

Поучительны экспонаты, отражающие успехи в области овцеводства, ярко иллюстрирующие задачи, поставленные ЦК КПСС и Советом Министров СССР по дальнейшему развитию овцеводства и увеличению производства шерсти. Наши гости увидят барана, привезенного из совхоза «Красный чабан», Херсонской области, который дает за настриг 30,6 килограмма шерсти. Этого количества достаточно, чтобы соткать материал для семи мужских костюмов.

Впервые на ВСХВ будет организован аукцион по продаже племенных животных. Намечено в течение сезона распродать около пятисот высокоценных племенных бычков, восемьсот баранов, много жеребцов. Расширяется также продажа племенных цыплят, выведенных в инкубаторах выставки.

Участниками выставки в этом году будет около 400 тысяч передовиков сельского хозяйства страны. В связи с подъемом сельскохозяйственного производства и всенародным движением за резкое увеличение производства мяса, молока, масла и других продуктов повышены показатели, дающие право быть участниками выставки.

Директор Всесоюзной промышленной выставки В. Э. НОВАКОВСКИЙ

— Мы покажем около 500 новых машин и более 700 новых приборов. Среди них 40-тонный самосвал Минского автомобильного завода, «Москвич» грузопассажирский на двух пассажиров и 250 килограммов груза и «Москвич» с ручным управлением для инвалидов, новый автобус для туристов львовского завода.

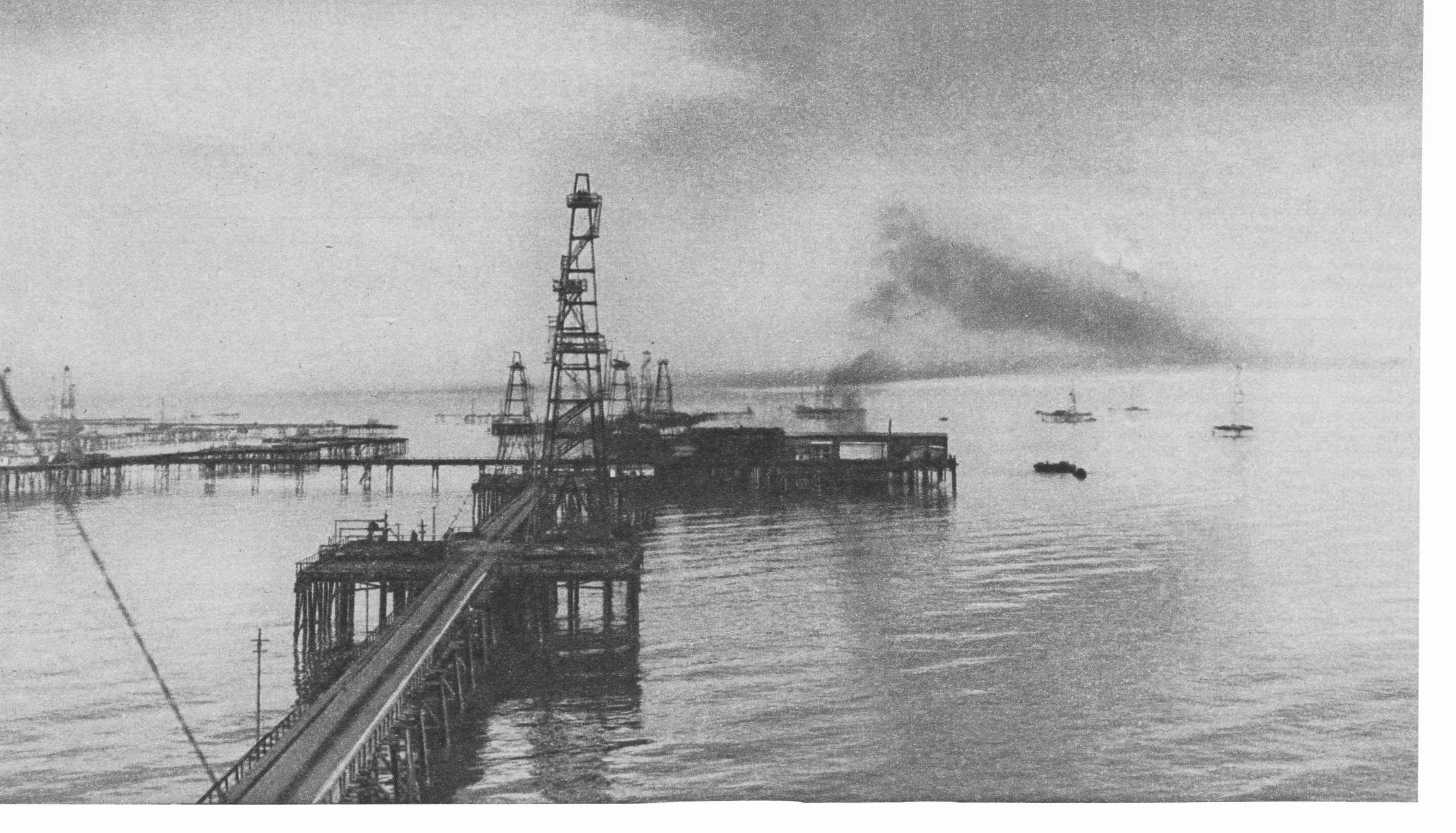
Большой участок выставки напоминает железнодорожный узел: на рельсах стоят, поблескивая свежей краской, тепловозы и вагоны. Их выпускает Ленинградский завод имени Егорова. Особенно выделяется удобством и красотой внутренней отделки вагон первого класса, такие вагоны сейчас испытываются на линии.

Посетителей, несомненно, заинтересует павильон, где демонстрируются телевизоры и радиоприемники. Мы показываем телевизор «Темп-3», имеющий 12 каналов для приема телепередач, радиоприемник величиной с ладонь, смонтированный на полупроводниках, он назван «Фестивальным».

К открытию Всемирного фестиваля молодежи выставка обогатится еще двумя экспонатами: прославленным самолетом «ТУ-104» и двухместным вертолетом конструкции Камова.

Депутат Верховного Совета СССР доярка колхоза имени Сталина, Больше-Токмакского района, Запорожской области, М. И. Сардак привела свою питомицу в коровник ВСХВ.

СОВЕТСКИЙ АЗЕРБАЙДЖАН СЕГОДНЯ

Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР
Мирза ИБРАГИМОВ

Азербайджан — древняя страна. Ее народ имеет многовековую историю. Он создал много замечательных памятников культуры, науки, искусства. Еще в XII веке великий сын Азербайджана Низами Ганджеви написал знаменитые поэмы под названием «Хамсэ» («Пятерицы»). Произведения Низами вошли в сокровищницу мировой поэзии. В его стихах азербайджанский народ выражал свои чаяния и мечты о свободе, о счастливой жизни. Прошлое народа полно горечи и страдания, героизма и самоотверженной борьбы за национальную независимость, за прогресс.

Великая социалистическая революция освободила азербайджанский народ от векового социального и национального гнета, открыла перед ним широкую дорогу национального возрождения и всестороннего развития. За советские годы Азербайджан, всего на протяжении 37 лет, из отсталой окраины царской России превратился в цветущую социалистическую республику, в один из крупнейших экономических и культурных районов страны. Нынешний Азербайджан — яркий пример торжества ленинских идей, национальной политики Коммунистической партии, идеологии дружбы и братства народов. Достижения азербайджанского народа — неотделимая часть великих побед нашей Родины в строительстве коммунизма.

Обратимся к географии Советского Азербайджана. За годы Советской власти захолустные городки, деревушки и местечки неузнаваемо преобразились, выросли и превратились в электрифицированные, благоустроенные промышленные города, рабочие поселки и колхозные деревни.

Заботливая рука и созидательный труд советского человека умножили природные богатства и естественную красоту Кировабада, Нухи, Нахичевани, Ордубада, Кубы, Ленкорани, Закатал, утопающих ныне в зелени.

На пустовавших ранее землях появились новые очаги индустрии — Сиазань, Нефтечала, Ждановск и многие другие. Там, где лежала иссушенная зноем степь, протянулись прямые асфальтированные улицы в красивом зеленом уборе, появились просторные площади, скверы, сады молодого города Мингечаура. Буквально на пустом месте созданы крупные совхозы с дворцами культуры, школами, библиотеками: «Карачала», имени Кирова, имени Орджоникидзе, имени Чкалова, «28-е апреля» и другие. Все они электрифицированы, имеют радиоузлы и медицинские пункты, амбулатории, связаны с районными центрами шоссейными дорогами, телефоном, телеграфом. Не похожа географическая карта республики на карту дореволюционных времен!

Вот большой промышленный город Сумгаит! Он построен недалеко от Баку, на берегу бурного Каспия, на голом месте. А на реке Кошкар-чай, в отрогах Малого Кавказского хребта, возник Дашкесан — центр железорудной промышленности республики.

Сумгаит и Дашкесан — это города с крупными предприятиями тяжелой индустрии.

Строительство новых промышленных центров в Азербайджане, подготовка для них национальных кадров специалистов и рабочих — конкретное воплощение ленинской национальной политики, яркий пример братской помощи, которую оказывает нам великий русский народ.

Глубочайшие преобразования произошли в сельском хозяйстве республики. На полях колхозов и совхозов Советского Азербайджана сейчас работает свыше 100 тысяч тракторов, комбайнов, культиваторов и других новейших сельскохозяйственных машин и орудий. В республике 105 МТС. Многие процессы труда в сельском хозяйстве механизированы. К началу 1920 года в Азербайджане было всего 11 агрономов и 300 техников, обслуживавших хозяйства помещиков. Ныне в колхозах, совхозах и МТС благотворно трудятся свыше 10 тысяч специалистов сельского хозяйства с высшим и средним образованием!

Еще в 1921 году великий Ленин писал коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму». С большим вдохновением выполнял азербайджанский народ эти указания Ленина. В нашей республике действуют большие ирригационные каналы, новые инженерно-оросительные системы, гидротехнические сооружения, мощные насосные и перекаточные станции. Только в пятой пятилетке в республике построены оросительные каналы протяженностью в 2 770 километров, много водоемов, тысячи километров коллекторно-дренажной сети.

Азербайджанский народ познал радость возрождения и расцвета своей национальной социалистической культуры под знаменем Советов. Произведения азербайджанских писателей и поэтов, творчество композиторов и мастеров искусств пользуются огромным успехом у родного народа, их любят в братских республиках СССР, в странах народной демократии. Наш народ по праву гордится творениями выдающегося композитора Узеира Гаджибекова и любимого поэта Самеда Вургуна, неповторимое национальное своеобразие которых помогает полнее и ярче выразить светлые коммунистические идеалы века.

Советский Азербайджан может с гордостью назвать тысячи имен профессоров и научных сотрудников — азербайджанцев. Плодотворная научная работа ведется в Академии наук Азербайджанской ССР и научно-исследовательских учреждениях республики.

Могучим форпостом, ярким маяком социализма и мира возвышается в год сорокалетия Октября на рубежах Востока свободный, цветущий Советский Азербайджан!

Широко раскинулась площадь Молодежи — один из живописных уголков Баку. Радует взор своеобразной архитектурой здание музея имени Низами.

«Огонек».

Студенты Политехнического института, самого молодого вуза Азербайджана, расходятся по домам после занятий.

Редкий прохожий не остановится у этих полок-витрин. Здесь целый книжный магазин под открытым небом.

Много в Баку парков и садов, но этот уютный и тихий сквер имени Карла Маркса особенно полюбился пожилым людям.

Бакинские яхтсмены вышли в море.

НЕФТЯНЫЕ КАМНИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Первыми в Азербайджане встречают восход солнца люди, работающие на «Нефтяных камнях». О необычном металлическом острове, выросшем далеко от берега на Каспии, написано немало книг. Недавно на экраны кинотеатров вышел фильм бакинской студии «Черные скалы», повествующий о пионерах этого морского нефтяного промысла. Первыми смотрели картину жители «Нефтяных камней». В гости к ним приехали режиссеры, операторы, артисты.

Были горячие споры, добрые пожелания, товарищеские советы.

— Напишите о сегодняшнем дне «Нефтяных камней», — попросила писателя Мехти Гусейна молодая нефтяница.

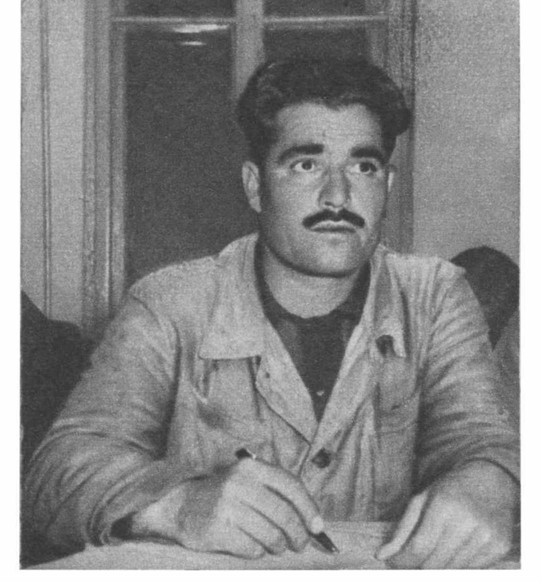
...Сегодня «Нефтяные камни» — это почти треть всей нефти, добываемой в Азербайджане. Это 120 километров металлических эстакад.

Это улицы с добротными, фундаментальными двухэтажными домами.

Это город молодых и пытливых, упорно постигающих секреты нелегкого морского нефтяного дела людей.

Как-то уютнее стало на острове, когда здесь появились голуби.

Юсуф Каримов, буровой мастер, студент второго курса открытого на острове филиала бакинского нефтяного техникума.

Ярким утром, когда воздух над Каспием чист и даль яснà, хорошо видны вереницы морских нефтяных буровых, уходящих к самому горизонту. Как в сказке, будто по мановению волшебной палочки, встали металлические островки над морем. И впрямь далеко в море шагнул город!

К нефтяникам моря приехали гости — писатели и кинорежиссеры.

ДОСТОЙНЫЙ СОР

А. КИКНАДЗЕ

Фото И. Тункеля.

Невольно проникаешься почтением к этому заводу, когда узнаешь, что он потребляет электроэнергии в два раза больше, чем все население Баку. Директор САЗа М. Шарифов сообщает еще одну любопытную деталь:

— Такого завода нет ни в одной стране Ближнего и Среднего Востока.

Заканчивается монтаж последних установок Сумгаитского завода синтетического каучука.

Школьницы Сумгаита участвовали в городском фестивале. Довольные и несколько смущенные, они покидают стадион после удачного выступления.

Выдалась минута отдыха в цехе алюминиевого завода. Касум Пирвалиев (слева), Вахад Байрамов и Тофик Гусейнов — первые мастера цветной металлургии Азербайджана.

АТНИК БАКУ

Участницы художественной самодеятельности трубопрокатного завода оператор Женя Старжинская (справа) и чертежница Тоня Чумакова.

Директору можно верить: в недавнем прошлом консульский работник, М. Шарифов хорошо знает эти страны.

САЗ — это Сумгаитский алюминиевый завод. Что такое Сумгаит, вряд ли нужно подробно объяснять. Этот молодой город, выросший в 40 километрах от Баку, уже хорошо известен в стране. Не много сыщешь на карте мира городов со столь интересной судьбой!

Безвестный полустанок в степи с десятком—другим одноэтажных домиков стал ныне достойным соратником Баку в борьбе за индустриальное могущество нашей страны.

Азербайджанская нефть, азербайджанский хлопок... Мы давно привыкли к сочетаниям этих слов. А теперь в республике есть и алюминий, и сталь, и каучук. И все эти три столь не похожие друг на друга производства сосредоточены в одном городе. Имя его — Сумгаит — стало символом стремительного экономического развития Азербайджана в послевоенные годы.

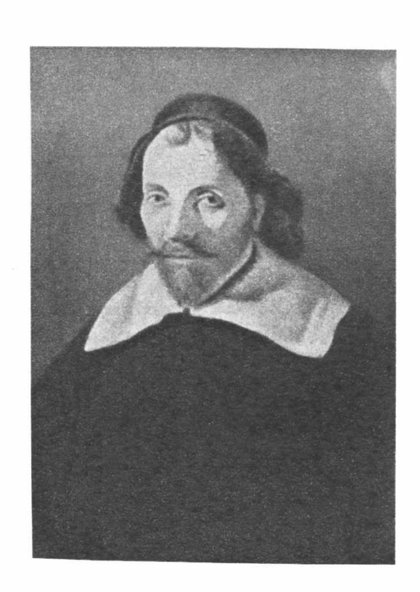
Каучук... Нет в Азербайджане тропических лесов, где произрастают растения с драгоценным млечным соком. Нет плантаций гваюлы и кок-сагыза, дающих каучук. Здесь делают каучук из газа. Из того самого газа, которым «коптили небо» нефтеперерабатывающие заводы старого «Черного города» — бывшей окраины Баку.

Теперь газ идет по трубам в Сумгаит. Из него вырабатывают спирт. Если бы делали спирт из зерна, то на него ушла бы половина всего урожая полей Азербайджана. Но получить из газа спирт — это еще полдела. Надо получить каучук.

В цехах «второй очереди» все готово к выработке каучука. СК — так именуется завод синтетического каучука — в этом году полностью вступает в строй.

Уильям Гарвей

300 лет назад, 3 июня 1657 года, в предместье Лондона умер замечательный английский ученый Уильям Гарвей. С его именем связано одно из великих достижений физиологии — открытие кровообращения — и превосходное для того времени описание развития зародышей птиц и млекопитающих. Годы жизни Гарвея — это расцвет эпохи Возрождения, когда схоластика уходящего в прошлое средневековья была окончательно побеждена человеческим гением, разбуженным от многовекового сна. Современниками Гарвея были Бэкон и Декарт, Галилей и Кеплер, Кампанелла и Гоббс, Шекспир и Мильтон, Ван Дейк и Рембрандт.

У. ГАРВЕЙ.
С портрета, приписываемого Рембрандту.

У. Гарвей родился 1 апреля 1578 года в Фолькстоне, на юго-восточном побережье Англии. Окончив Кембриджский университет, молодой Гарвей отправился на континент. В Падуанском университете его учителем был Фабриций из Аквапенденте, известный в истории науки в тех же областях, что и Гарвей: Фабриций описал клапаны в венозных сосудах и изучал развитие цыпленка в яйце. Однако Гарвей неизмеримо превзошел своего учителя. Вернувшись в Лондон, он занялся практической медициной, отдавая одновременно много сил и времени научным исследованиям.

Долгие годы физиолог изучал кровеносную систему, производя вскрытия и ставя опыты на живых животных. В 1615 году Гарвей прочел лекцию о движении крови в сердце и сосудах, в которой изложил свои взгляды на процессы кровообращения. После дальнейшей тщательной проверки он только через 13 лет опубликовал результаты своих исследований в небольшом сочинении, озаглавленном «Анатомические исследования о движении сердца и крови у животных». В нем Гарвей опытным путем опроверг существовавшие в то время совершенно превратные представления о путях движения крови. Точными наблюдениями, измерениями и опытами Гарвей показал, что кровь, выходящая из сердца, не «загустевает», превращаясь в «мясо», и не создается наново в печени, как думали раньше, а снова возвращается к сердцу, проходя два круга: большой — из левого желудочка по всему телу в правый, и малый — из правого желудочка через легкие в левый.

Гарвей проследил направление движения крови по артериям и венам и выяснил роль венозных клапанов, препятствующих обратному движению крови по венам. После гениального открытия Гарвеем непрерывного кругообращения крови разъяснилась загадка одного из важнейших процессов, совершающихся в теле животного и человека.

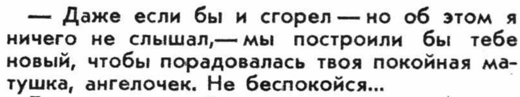
На склоне лет Гарвей занялся обработкой своих наблюдений над зародышевым развитием и изложил их результаты в книге «Исследования о зарождении животных». Он убедился, что в яйце курицы нет заранее сформированных частей будущего зародыша. Все эти части возникают заново, причем ранее других появляются у зародыша сердце и кровеносные сосуды. Гарвей видел возникновение зачатков головного мозга и глаз, закладки позвонков, мышц туловища и конечностей. С явлением зародышевого развития ученый связывал и явление наследственности, то есть передачи от родителей к детям различных признаков строения и жизнедеятельности. Сравнивая развитие птиц (курицы) и млекопитающих (косули), он пришел к крупнейшему биологическому обобщению той эпохи, выраженному в виде краткого изречения: «Все живое из яйца».

Подлинного начала развития млекопитающих, яйцевой клетки, Гарвей не видел (яйцо млекопитающих открыл петербургский академик К. М. Бэр, почти на 180 лет позднее). Совершив свое гениальное обобщение, Гарвей тем самым стал одним из основоположников новой науки — эмбриологии, в построении которой такую выдающуюся роль сыграли ученые нашей страны: русские академики К. Ф. Вольф во второй половине XVIII века, Х. И. Пандер и К. М. Бэр в начале XIX века, а затем А. О. Ковалевский и И. И. Мечников в конце прошлого столетия.

Имя Уильяма Гарвея и его бессмертные открытия навсегда останутся в памяти благодарного человечества.

Профессор Л. БЛЯХЕР

Хлеб-соль

Рассказ

Анна ЗЕГЕРС

Рисунки А. ВАСИНА.

Это было осенью. После долгих недель засухи пошел наконец дождь. День клонился к вечеру. Лужи отливали розоватым цветом.

В этот час Бела Макаи въезжал в маленький уездный городок. По дороге он нигде не останавливался. Он даже не почувствовал запаха, поднимавшегося от вспаханной земли.

Он приказал своему шоферу Яношу остановить машину.

Им не пришлось никого расспрашивать. На главной улице, возле корчмы, толпилось множество людей. Машина Макаи пришла не первой. Из стоявшего рядом грузовика уже выгружали бутылки, консервы, гусей, окорока, и все это тащили через двор на кухню. «Эгей!» — кричал кто-то пронзительно на середине прямой, как свеча, улицы. Несколько парней вышли из толпы перед корчмой и побежали на крик. Бела Макаи и Янош пристально смотрели на окна корчмы, за которыми метались чьи-то тени. Казалось, они прислушиваются к песне, отчетливая, немного грустная мелодия которой выделялась среди нестройного гула пьяных голосов. Потом Макаи выскочил из машины. Янош хотел последовать за ним, но Макаи приказал:

— Сейчас же разыщи мне Короди!

Люди за спиной Макаи подались назад, но многие вытягивали шеи, чтобы ничего не пропустить. Когда Макаи обернулся, какой-то мужчина в воскресном костюме и белом полосатом галстуке неистово захлопал в ладоши.

Макаи был среднего роста, но строен и подтянут. Ему было лет тридцать пять — сорок, но выглядел он моложе. Его лицо побледнело от волнения. Кто-то в толпе спросил:

— Кто это?

Ему ответили:

— Сразу видно, кто это.

На пороге Макаи остановился: в нос ему ударил спертый воздух. Сдвинув брови, он сурово смотрел на переполнивших зал людей. Кроме большого стола, там было еще множество столиков: одни — заваленные бумагами, другие — уставленные бутылками и стаканами.

Словно ветер всколыхнул колосившееся поле: к нему сначала повернулись головы сидящих поближе, затем тех, кто сидел подальше, и, наконец, всех. Кто-то посредине зала поспешно вскочил, расталкивая людей, задевая столики, опрокидывая бутылки, и бросился к нему на шею. Другие теснились, чтобы обнять вошедшего. Сидевшие за большим столом медленно встали. Макаи, подтянутый и собранный, неторопливо проследовал по узкому, освобожденному для него проходу к большому столу. Там сразу же нашлось для него место. Кто-то его целовал, усаживал рядом с собой. Старчески холодной была тянувшая его рука.

Штефан Серени был двоюродным дедом Макаи со стороны матери. На его застывшем лице живыми казались лишь одни усы. У семьи Серени — об этом Бела Макаи знал еще с детства — было в пять раз больше земли, чем у его собственной, но род Макаи был древнее. Правда, уже в течение нескольких поколений род этот представлял лишь один мужчина. Старший брат Макаи разбился, упав с лошади. Это, как говорили, было приметой: с единственным наследником ничего не случится, пока земля не перейдет к его сыну.

Штефан Серени спросил:

— Ты был уже в Бёлёни?

— Я только что приехал,— ответил Макаи.— Дядя Пал приедет завтра утром. Он ведет переговоры в Будапеште. Я не хотел его дожидаться.

— Это я понимаю,— сказал Серени.

— Я Дьердь Комлоши,— вмешался в разговор пожилой, но еще моложавый мужчина, которого Макаи не знал.— Я двоюродный брат твоей бедной матери, я был шафером на ее свадьбе. Добро пожаловать, сын мой! Поезжай в Бёлёни, но лучше не один. Мы организуем тут для вас хороший отряд, если ты не хочешь ждать, пока наши люди из Шомьё прибудут сюда. В Бёлёни все кипит. Ты едешь прямо в пекло.

— Я хочу побывать там, пока не приехал дядя Пал,— тихо проговорил Макаи.

— Это я понимаю,— сказал старик Серени.

А Комлоши добавил:

— Когда мы, твой отец и я, вернулись с первой мировой войны, отец твой очень боялся за Юлишку; ведь он тогда еще не знал, что она уже в безопасности в Вене. Ты ведь знаешь, что коммуна бесчинствовала тогда целых пять месяцев. Но тогда его тесть позаботился и навел порядок. Жандармы расположились в обоих поместьях; здесь, в Дороге, стоял румынский батальон. Так вот, твой отец заплакал от радости, увидев, что дом его в Бёлёни не сгорел; больше того, ваша нянька, которая нянчила еще Юлию, вышла ему навстречу с хлебом-солью.

— Разве теперь дом наш сгорел? — спросил Макаи.

Дьердь Комлоши заметил его волнение. Улыбнувшись, он сказал:

— Даже если бы и сгорел — но об этом я ничего не слышал,— мы построили бы тебе новый, чтобы порадовалась твоя покойная матушка, ангелочек. Не беспокойся...

Тем временем Янош ехал по городу, стараясь вести машину как можно медленнее, чтобы вдоволь наглядеться на все после поездки из Парижа в Женеву, из Женевы в Мюнхен, из Мюнхена в Вену, из Вены в Будапешт, из Будапешта в Дорог.

Когда они доставили в Будапешт дядю Пала, брата Юлии Макаи, он дал им письмо к некоему Короди в Дороге: тот-де поможет устроить твое и мое возвращение в Дорог, в поместье. Завтра утром я тоже приеду.

Сам Янош еще во время войны возил дядю Пала, управляющего имением, в магазин на рынке. Янош еще помнил и Короди, этого пройдоху с выпяченным животом. У него был хороший магазин сельскохозяйственных машин, и управляющие Макаи и Серени вели с ним большие дела. На него можно было положиться.

На него можно было положиться и после 1945 года. «Я все еще держусь на поверхности. Послушайте только, дорогой господин, что расскажет вам податель сего о том, что у нас происходит». Такие известия поступали каждый год то по почте из Вены, то через кого-либо из приезжих.

Янош подумал о том, что в Дороге все еще водятся красивые девушки. Но тут пришлось остановить машину. Возле дома, откуда его окликнули, образовался затор. Как ни вытягивал Янош шею, он не мог ничего разглядеть. Три девушки, крепко взявшись за руки, пробирались через толпу. Янош остановил одну из них:

— Что здесь происходит?

Девушка глянула прямо в его смеющиеся глаза, откинула назад голову, ее маленький круглый нос вздернулся, выпятилась маленькая круглая грудь.

Она сказала:

— Схватили Тибора Барна. Он сидел в бочке. Сегодня утром, когда накрывали столы к вашему приезду, его не заметили. Только сейчас, когда стали там убирать...

Янош спросил:

— Что, Тибор — еврей?

— Тибор-то? Нет. Он из потребкооперации. Господи, какие грубые наши парни! Вам надо было бы приехать сюда на прошлой неделе. Тогда повесили Шандора, правда, правда, повесили! Это тот Шандор, что был секретарем райкома. Потом приехал его тесть, Густав Герэ из Агфалу. Как раз пошли наконец дожди, а он как ни в чем не бывало приехал к Короди — получить из ремонта машины для уборки картофеля. А они, наши парни, привязали к его автомашине Шандора, его зятя, который был уже мертв. И Густав тащил Шандора из города, и все не мог понять, чему они смеются...

Янош спросил:

— Чему же?

— Говорю же я вам, что он и понятия не имел ни о чем,— сказала девушка.

Подруги позвали ее:

— Жофи!

«Этот Короди,— подумал Янош,— видно, до сих пор возится с картофелеуборочными машинами».

Люди уже разошлись. На улице, там, где убили Тибора, поблескивали розоватые лужицы. Но небо уже потемнело — ночь ли наступала, или собиралась гроза.

Янош испытывал чувство гордости, когда ему впервые позволили сюда приехать. Он был сыном крестьянина, немного постарше Бела Макаи. Юлия Макаи питала к нему симпатию, и ему разрешили учиться на шофера. Юлия была счастлива, когда двенадцать лет назад он, здоровый парень, исполнительный и верный, стал на фронте денщиком ее единственного сына. Бела Макаи был тогда почти совсем еще мальчик.

Янош вынес на руках обливавшегося кровью молодого барина, сделал это на глазах у русских. Но Бёлёни они больше уже не увидели. Барыню отыскали только в Вене. Пал Серени, ее брат, который теперь вернулся вместе с ними на родину, вез ее тогда по тому же маршруту: Мюнхен — Женева — Париж. В маленьком невзрачном домике в Сен-Коу Янош исполнял всевозможные обязанности:

садовника, повара, слуги, шофера. Потом барыня умерла.

Городок кончался почти сразу же за базаром. То, что считалось главной улицей, была просто шоссейная дорога. Пахло вспаханной землей. Теперь пришло время и Яношу подышать родным воздухом. Таких красивых девушек, как эта Жофи, найдешь только здесь... Конечно, в смерти барыни виноваты эти красные негодяи, вроде Тибора и Шандора.

Предприятие Короди — то ли магазин, то ли мастерская — находилось возле рыночной площади. На вывеске было написано: «Ремонт сельскохозяйственных машин». Можно было заметить, что кто-то поцарапал надпись, а некоторые буквы замазал краской.

Янош вошел в мастерскую. Он ожидал встретить пройдоху Короди с его выпяченным животом, но навстречу вышел молодой, незнакомый ему человек. Он был худощавый, загорелый.

— Скажи-ка, Короди еще здесь?

— Короди? Да.

— Это его мастерская?

— Его мастерская? Как бы не так! Он теперь в новой. Через два дома отсюда.

— Мне нужно с ним поговорить.

— Ничего не выйдет. Он болен.

— Я должен ему кое-что передать. Если он узнает об этом, наверно, позовет меня.— С усмешкой Янош добавил: — Пойди к нему и скажи, что господа Серени и Макаи послали меня к нему. Господин Бела уже здесь. Господин Пал приедет завтра рано утром.

Молодой человек пристально смотрел своими серыми, холодными, непроницаемыми глазами в лицо Яноша. Он произнес холодно, но достаточно вежливо:

— Я его зять. Жених, значит, его внучки Терез. Иожеф Ковач.

— Передай ему письмо,— сказал Янош.— Я пока подожду.

Иожеф Ковач сразу же ушел. Через несколько минут он вернулся. С ним пришла Терез, его невеста. Она была еще красивее, чем те девушки, которых Янош видел на главной улице.

— Мой дедушка с места сдвинуться не может! — воскликнула Терез.— Так, значит, и господа снова здесь! Значит, они везут с собой свиту, может быть, человек сорок — пятьдесят! И они едут в Шарошхаза!

Янош посмотрел на нее и сказал:

— Да. Но молодой барин Бела, который уже здесь, в гостинице, не хочет ждать, пока его дядя Пал отправится в Шарошхаза. Он хочет еще сегодня вечером поехать со мной в Бёлени.

— Пусть едет,— сказал Иожеф Ковач.

— Значит, господин Пал завтра же поутру попытается поговорить с твоим дедом.

— Пусть попытается,— сказал Иожеф Ковач.

Янош еще некоторое время продолжал говорить, потому что красивая девушка прислушивалась к его словам, изредка кивая головой. Иожеф Ковач внимательно смотрел на него своими серыми глазами.

Он топнул ногой, когда Янош уехал.

— Этот проклятый Короди! Эта свинья! Чтоб его удар хватил!

Терез зажала ему рот. Иожеф был вне себя от ярости.

— Он с давних пор связан с ними. Здесь занимается доносами, а туда посылает списки людей, на которых господа могут положиться. Пишет, что ремонтные работы для машинно-тракторной станции он выполнял только под угрозой террора... Теперь мне надо ехать.

— Опять?

— Должны же они знать, кто приезжает. Те, кто в Бёлени, еще не потеряли окончательно голову, должны решить, что делать дальше.

— Послушай, Иожеф,— сказала девушка,— если ты поедешь, я поеду с тобой.

Иожеф Ковач работал теперь слесарем-механиком. Когда Макаи убежали, он спал в конюшне у старика Андраша, а днем пас за него скотину. Родители Иожефа давно умерли, за ним присматривал старший брат Балинт; заботилась о нем и тетка Мария. У них были две маленькие дочери. Когда пришла Советская Армия, Балинт взял Иожи из конюшни. Андраша поместили в городской приют для престарелых. Юци, кухарка, плакала, потому что в доме на озере была устроена школа. Раньше Макаи обедали там со своими гостями.

Трудно было понять, чем жили раньше люди, которым теперь, чтобы жить, нужно было немного земли. Балинт тоже получил небольшой надел. Иожеф, его младший брат, стал ходить в школу; пошли в школу и две дочери Балинта. Грузовик, полный книг и тетрадей, останавливался у здания школы, потом отправлялся дальше, в соседнюю деревню.

Раньше крестьяне из Бёлени и не подозревали, что у них есть какие-то права. Теперь же они громко требовали того, на что имели право, и выражали нетерпение, когда их требования выполнялись недостаточно быстро. Когда человек предъявляет свое право на хорошую жизнь, не все сразу идет в гору, как этого бы хотелось: сначала бывает немножко лучше, потом опять похуже, потом снова получше. Была создана тракторная станция. Она помогала крестьянам. Иожеф присматривался к работавшему там молодому слесарю и понял, чего он хочет сам. Окончив школу, он пошел учиться ремеслу. Балинт гордился своим братом.

Сам он не учился грамоте, зато умел рисовать. С помощью Иожефа он нарисовал даже вывеску для сельсовета, куда его выбрали, а потом, тоже с помощью Иожи,— вывеску для производственного кооператива «Красная звезда», в который вошли десять семей.

Но случилась засуха. Печальная картина. Люди мрачно смотрели на звезду, нарисованную Балинтом, словно она была виной их бед. Иожеф в ту пору учился уже в городе Шомьё. Он стал красивым парнем. Он рвался к учению, жадно глотал книги. Любил свою партию. Как ребенок, который не верит, что его мать может ошибиться, он не допускал мысли, что партия может совершить ошибку. Партия привела его в школу, дала возможность обучаться ремеслу. Он получил от партии книги, ботинки, одежду, землю для брата, пирог по воскресеньям и ежедневно столько мяса, сколько раньше они едали, может быть, раз или два в году, когда у тетки Марии случалась такая возможность. У Иожефа была теперь профессия, и он понимал, что такое промышленность. Он понимал, почему надо строить заводы.

Когда он вернулся домой, он испугался. Брат не пел больше песен. Большая часть земли осталась незасеянной. Скотина ходила голодная, неухоженная. Тетка Мария, когда они остались одни, сказала, что кооператив не поднимется. Она плакала. Когда пришел Балинт, он выбранил ее за это.

— Неужели это правда? — спросил Иожеф.

— Да,— коротко бросил Балинт и добавил: — Скажи об этом твоим, в городе.

Иожи тихо возразил:

— В городе... Они такие же мои, как и твои.

— Да, я знаю,— сказал старший брат и погладил Иожефа по голове. И, охваченный знакомым теплым чувством, подумал о всем хорошем, что выпало на долю этого мальчика.

Иожеф вернулся в город, в мастерскую. Брат не мог написать ему, но чем сильнее Иожеф чувствовал неблагополучие, тем сильнее его тянуло домой.

Уже по приезде он заметил, что кое-что изменилось. Крестьянин Шимон Немет посмотрел на него и вместо «Добрый день, Иожи, наконец-то опять приехал!» с ненавистью бросил: «Ну, вот еще и этот явился!» Даже сосед Габор Кёвеш отвернулся, чтобы не отвечать на его приветствие. Иожеф застал тетку Марию одну. Она не плакала. Последние следы ее моложавости исчезли.

— Кооператив стал намного меньше,— рассказывала она.— Балинт не смог ничего сделать. Теперь у нас только шесть семей. В том числе Хорват и Фехер.

— Почему со мной не здоровается Габор Кёвеш? Почему нас ненавидит Шимон Немет?

— Мы не виноваты в этом. Нам сказали: «Вы, шестеро, держитесь крепко вместе! Ваши земли останутся ядром!» Нужно было както удовлетворить тех, кто решил выйти из кооператива: не хотели оставаться, и не надо. Но их обидели. Кёвешу приходится теперь каждый день тратить полтора часа, дважды объезжая чужую землю, чтобы добраться до своей. А Немету — проезжать мимо поля Эгрешей, своих исконных врагов.

Потом пришел брат, взял Иожефа под руку и показал ему участок невозделанной земли у озера. Часть этой земли принадлежала кооперативу, а другая, большая часть — единоличникам. Балинт откровенно сказал Иожефу, о котором был очень высокого мнения с тех

пор, как тот стал читать книги и газеты и посещать курсы, что ни кооператив, ни единоличники не дают денег на удобрение и орошение этой земли. Иожеф молчал. Но на сердце у него было тяжело.

Тяжелое чувство так и не покинуло его, хотя в следующий приезд Балинт и Мария выглядели заметно бодрее. Поставки за прошедший год были отсрочены и для членов кооператива и для единоличников. По тому, как Немет спросил его: «Ну, что новенького?»,— Иожеф понял, что возбуждение утихло. Теперь Немет гораздо спокойнее относился к тому, что приходится ехать через поле Эгрешей к своему,— быть может, их древняя вражда именно в силу этого немного утихомирилась. Кёвеш хотя и ругался, что каждый день ему надо делать лишний крюк, но уже примирился с такой тратой времени.

Казалось, все старые раны уже залечились, но Иожеф видел, что кожица, которая затянула их, была еще довольно тонка.

Она сразу же прорвалась в октябре прошлого года. Не только на рубцах, о которых знал Иожеф, но и на тех, о которых он забыл уже и думать. Нашелся кто-то в деревне, кто тем временем выискивал старые, уже забытые обиды, как собака кости. Например, Форгач, новый директор машинно-тракторной станции, и его заместитель Антал — они давно знали друг друга. До войны Форгач был налоговым инспектором. А теперь, когда все перевернулось и проходили новые выборы, кто-то выкрикнул имена Форгача и Антала, и открытым голосованием они были выбраны в комитет. Вереш был заодно с ними. Его случайно прислали сюда из окружного центра на инспектирование, потом он застрял в соседней деревне, в бывшем поместье Серени, и снова появился здесь, как только начались волнения.

Красную звезду, нарисованную Балинтом Ковачем, сорвали. Семьям членов кооператива пришлось теперь днем и ночью по очереди охранять свои сараи, чтобы они вдруг не запылали. Но члены кооператива не могли помешать Верешу с группой его людей — Сабо и Санто были в их числе — внезапно ворваться в контору, приютившуюся в чистеньком, окрашенном в светлый цвет сарайчике, и сжечь все бумаги. Ту часть кооперативного имущества, которую нельзя было предать огню, и сельскохозяйственный инвентарь поделили с такой поспешностью, словно все это принадлежало помещику. Каждому жителю деревни было обещано столько земли, скота, удобрений и машин, сколько ему понадобится. Было сказано, что на оплату всего этого дается рассрочка на десять лет.

Незадолго до этих событий Иожеф Ковач поступил в ремонтную мастерскую в Дороге. Это его очень радовало. Во-первых, ему теперь было ближе до Бёлёни; во-вторых, на одном из праздников он влюбился в Терез. Терез и ее мать, работавшая бухгалтером, всегда презирали старика Короди, особенно с тех пор, как он начал пытаться стать на короткую ногу с ними, их друзьями и товарищами. Его единственный сын погиб на войне. В прежние времена он не обращал никакого внимания на свою сноху, бухгалтершу, только к внучке он питал еще некоторую симпатию. Теперь Короди держал язык за зубами, когда Иожи и Терез уходили вместе. Иожеф еще недолго жил в Дороге, его там почти не знали. На рынок приезжали теперь крестьяне не из Бёлёни, а из деревень юго-западнее города. К тому же со времени приезда сюда Иожефа вообще не было настоящего рынка; многие оставались дома потому, что и в их деревнях начались волнения. Но многие все же приезжали, привозили кое-какие продукты и, как всегда, использовали это время для ремонта машин. Ведь овощи-то созревали, земля продолжала родить.

Так услышал Иожеф Ковач о том, что и в Бёлёни тоже началось.

С тех пор как вспыхнула такая яростная ненависть, каждый человек в деревне, хоть и по разным причинам, ложился спать с топором. Там, где появлялся Балинт, на него таращили глаза, словно он нес в руке древко с развевавшимся красным знаменем. Он и его товарищи постоянно ожидали нападения.

Антал и Форгач с машинно-тракторной станции спали, положив под подушку револьверы. Вначале им удалось запугать трактористов — этому они когда-то основательно научились. Они ко всему придирались, стали на всех покрикивать, обсчитывали при выдаче зарплаты. Габор Кёвеш тоже спал с топором. Он так страшно изругал своего соседа Балинта, что теперь боялся его мести. Крестьяне Сабо и Санто одинаково боялись коммунистов и преследований Вереша, который еще в сентябре, будучи инспектором, совал всюду свой нос. Клин земли между речкой и озером хоть и вдавался в их поле, но, когда здесь были Макаи, управляющий никогда не разрешал им рыть канавы для орошения. Он даже помешал им получить ссуду на приобретение водопроводных труб, потому что рассчитывал прикарманить их землю... Недавно Сабо крикнул Хорвату, члену кооператива: «Твоя звезда-то тю-тю!». А тот ему в ответ: «Звезду можно снова нарисовать. Ты лучше подумай, что станет с твоими трубами, если приедет барин!»

У Сабо и Санто была своя земля, как помнили в деревне, с самых давних пор и во времена Макаи тоже...

...О многом рассказал Комлоши своему родственнику Бела Макаи. О многом, но не обо всем. Ведь ему было известно о многих событиях — тоже не обо всех,— которые произошли в бывших имениях Серени и Макаи. Слушая все это, Бела побледнел. Его брови сдвинулись от гнева, а на губах заиграла улыбка удовольствия. Серени неожиданно для своего старческого возраста горячо и убедительно сказал:

— Если Пал завтра приедет и мы наберем полный грузовик своих людей, то вся эта нечисть разом исчезнет.

Бела Макаи вскочил и захлопал в ладоши. Старая служанка, бывшая прежде горничной у Серени, почтительно склонилась перед ним.

— Что угодно барину?

— Позови Яноша!

Бела Макаи не произнес по дороге ни слова. С плотно сжатыми губами он смотрел по сторонам. Дождь утихал, но луна почти все время была затянута тучами. Янош оборачивался иногда назад, чтобы в однообразии ночной равнины обратить внимание Макаи на какую-нибудь точку, которую он замечал прежде своего хозяина. Сначала он показал Макаи озеро Шарошто, куда, как они оба знали, впадала речка немногим больше крупного ручья. Показал на дом, стоявший на берегу, поодаль от имения и других строений и изб; дом был окружен садом, который был когда-то радостью и гордостью барыни и украшал узенький полуостров, похожий на мыс. Там раньше был причал для лодок. Для яхт озеро было слишком мало.

Этот дом раньше предназначался для гостей. Но даже если гостей и не было, Юлия охотно проводила здесь весь день с детьми, с воспитательницей или домашним учителем: играли на пианино, в различные веселые игры для старых и молодых, читали книги, рвали цветы.

— Не торопись,— сказал Бела Макаи Яношу.

Как вода в лунном свете, его сердце задрожало от воспоминаний.

Теперь этот дом был школой и не только для детей Бёлёни. Сюда приходили дети и из Агфалу и Кёвешфалу, где прежде не было школ. По договору с машинно-тракторной станцией зимой забирали детей со сборного пункта и отвозили в школу и обратно. Поэтому детям зимой школа нравилась из-за этих поездок, а летом — из-за сада. Новый учитель очень любил ботанику.

Это был не тот учитель, который после прихода Советской Армии обучил грамоте целое поколение,— к нему принадлежал и Иожеф Ковач. Тот учился теперь на литературном факультете Будапештского университета, получал стипендию. Иожеф все еще переписывался с ним.

Иожеф и Терез пришли в Бёлёни еще до рассвета. Зашли только на минутку к тетке Марии; та едва успела расцеловать девушку, которую видела впервые. Потом они отправились в Шарошхаза, бывшее поместье Серени.

С той поры, как в деревне началось брожение, Балинт укладывался спать, положив топор возле кровати. Но он никогда не был так ошеломлен, как сегодня. С новостями, полученными от Иожефа, он пошел прежде всего к Карою Шебешу, члену партии.

По дороге ему пришла в голову мысль — зайти к своему зятю Петеру. Петер был мужем его младшей дочери, упрямой девчонки, которая очень рано вышла замуж. Жили они у родителей Петера; родители эти, батрачившие когда-то у Макаи, ухитрились захватить при разделе земли хороший участок, правда, поменьше, чем у других, так что им не завидовали. Но они-то знали, что участок расположен очень удачно: они могли пользоваться водой с участка Сабо. К удивлению всей деревни, они не особенно противились браку своего сына с дочерью Балинта. Правда, намерение Петера вступить в кооператив всегда вызывало у них яростный отпор. Они считали, что благоразумнее переждать время и ни с кем пока не портить отношений.

Когда сорвали красную звезду, они испугались: ведь их могут упрекнуть в том, что сын взял жену из семьи Балинтов. Поэтому старик кричал снохе:

— Ноги твоих родственников у меня больше не будет!

Услышав в темноте голос Балинта, он предостерегающе подтолкнул жену: он очень боялся этого сильного, в последнее время мрачного человека, с которым был в ссоре. Но Балинт только крикнул что-то Петеру и двинулся дальше. Петер бросил отцу:

— Макаи возвращается. Он вот-вот будет здесь! — и помчался к своему другу Иштвану.

Иштван был кузнец. Его отец тоже был кузнецом и приятелем Золтана, который работал раньше кузнецом в имении у Макаи. Отец же Иштвана кузнечил на деревне, он подковывал простых лошадей, а не кровных с конного завода Макаи.

Иштван знал, что инспектор Вереш вместе с такими крестьянами, как Санто и Сабо, и с директором машинно-тракторной станции

Форгачем ведет против него травлю. Только боясь необыкновенной физической силы Иштвана, они оставили в покое его кузницу. Но Вереш подкупил подручного Иштвана, чтобы тот доносил ему, кто заходит в кузницу и когда Иштван остается один. Подручному нужны были деньги, он ухаживал за дочерью одного крестьянина из Шарошхаза. Пылая любовью к этой девушке и желая любой ценой завоевать ее сердце, он подслушивал по приказанию Вереша разговоры между Иштваном и Петером. Сам он в какой-то мере был доволен, что Макаи вернулся. Ведь в Вереше, от которого он получал деньги,— залог его счастья; он видел хозяина и думал: «То, что хорошо для Вереша, хорошо и для меня».

Иштван быстро шагал к машинно-тракторной станции, находившейся за озером. Была еще ночь, неспокойная ночь с взлохмаченными космами дождя и лунного света.

Золтан, узнав новости от Иштвана, сказал:

— Он возвращается? Об этом не может быть и речи.

И он разбудил двух молодых трактористов. Они только понаслышке знали, кто такие помещики. Но в Форгаче и Антале они чувствовали барское высокомерие. И после того, как выбрали в комитет этих господ, они кое-что уже смекнули: господа не скупились на обещания, а через неделю, когда им удалось прийти к власти, так же не скупились на команды и приказы.

Тем временем отец Петера сходил к своему соседу Шимону Немету, тому самому, который каждый день должен был ездить через поле Эгреша, после того как вышел из кооператива. Вражда Эгреша и Немета возникла после судебного спора их отцов из-за участка леса. Этот лесной участок, который далеко еще не был признан собственностью Эгреша, последний уступил Санто за право пользоваться его оросительной канавой. Чтобы Немет ничего не заметил, Эгреш всегда дружески с ним здоровался, даже помогал ему инвентарем и часто хвалил его за то, что тот вовремя вышел из кооператива. Сам Эгреш всегда ругал кооператив на чем свет стоит.

Он испугался, когда ночью, перед рассветом, к нему громко постучались. Совесть у него была нечиста, хотя он толком и не знал, почему. Он насторожился. Что нужно сейчас этому Шимону Немету, который через час все равно должен был к нему зайти? Не пронюхал ли он о его сделке с Санто?

У Немета был такой отчаянный и мрачный вид, что Эгреш покрепче сжал спрятанный за спиной топор. Но через дверную щель до него донесся хриплый шепот: «Сейчас приедет Макаи, он уже на пути сюда».

Сыновья Эгреша удивились: почему отец вдруг стал тяжело вздыхать? А Эгреш думал: «Если это правда, то у нас ничего не останется. Санто, может быть, еще сумеет заплатить в рассрочку. Но что он сделает с нами, если мы не сможем заплатить, с нами, кого Макаи вытеснил четырнадцать лет тому назад, у кого отнял лесной участок, потому что он мешал ему? Я должен буду опять стать поденщиком. И жена и ребята».

Последние слова он произнес вслух. Жена сказала:

— Этого допустить нельзя.

Муж ответил:

— Бог его знает, что можно допустить.

Балинт сидел с Кароем Шебешем в сарае, который они называли конторой, под охраной крестьянских парней из кооператива. Хорват молча их слушал. Карой был в России еще в первую мировую войну. Вместе с русскими во время Октябрьской революции воевал против помещиков. После возвращения в Венгрию он в родной деревне вместе со своим отцом и крестьянами-бедняками воевал против аристократов. После поражения Венгерской советской республики он четыре года просидел в тюрьме.

Позднее, в тридцатые годы, доставать деньги для уплаты за аренду стало невозможно. Никто не принимал его на работу. Отец умер. Все имущество пошло с молотка, даже одеяло. Поскольку в деревне никто не мог купить его целиком, одеяло разрезали на три части, чтобы каждый купил себе кусочек. Когда резали одеяло, мать рыдала. Она заболела. Потом Карой перебивался случайной работой в городе, батрачил в чужих деревнях. После второй мировой войны, во время раздела земли, он остался бобылем, без жены, без матери. Он знал несколько фраз по-русски. Всегда помогал солдатам и крестьянам. После его советов дело всегда решалось по справедливости. Он завоевал доверие и гордился этим. Когда в нем нуждались, он всегда был готов помочь.

Вот и сейчас он пришел. Он сказал Балинту, что однажды ему пришлось участвовать в таком деле. На Украине. Это было, когда объявился гетман.

— Что же вы с ним сделали?

Карой засмеялся и сказал:

— Мы покончили с ним. Чтобы он больше не возвращался.

В это время крестьянин Кёвеш подходил к своему полю. Дорога была каждая минута: наконец-то пошел дождь. Он встретил трех крестьян из кооператива, которые, к его удивлению, бежали сломя голову по полю. Они закричали:

— Кёвеш! Куда ты идешь?

Кёвеш в ярости ответил:

— Разве вы забыли, что вот уже четыре года заставляете меня каждый день ходить этим путем?!

Хорват сказал:

— Ах, Кёвеш, разве ты забыл, как жили мы в одной комнате, во флигеле для прислуги, вместе с женами и детьми?! Вот он опять здесь, этот Макаи, барин!

Кёвеш смотрел на трех крестьян, бежавших в деревню. Он думал: «Если это правда, то Макаи никогда в жизни не посчитается с моим клином. Он погонит меня на работу в свое имение. Нет, этого не может быть! Этого не должно больше быть!»

Он решил сам посмотреть, что здесь правда, а что нет.

Макаи сказал Яношу:

— Сворачивай здесь!

Шоссейная дорога перешла в проселочную. Во время осенних дождей она служила как бы бродом между двумя редкими рядами домов. Из-за тяжелой тучи приоткрылся краешек луны. То, что мерцало в просветах между домами, было совсем не озеро, а первый проблеск наступившего дня над полосой равнины. Из окон выглядывали старики и молодые. Но Макаи не видел выражения их глаз: было еще слишком темно.

Машина, беспомощно урча, захлебываясь в болоте, трижды пыталась свернуть в сторону. Запели петухи. Макаи вздрогнул. Янош обернулся и засмеялся. Он прибавил газу и, провожаемый взглядами, еще раз, словно слепой, попытался повернуть, пока мотор не осилил грязь.

Машина рванулась с места. Поле Эгреша здесь кончалось, и поэтому Янош выехал в самый конец клина. Дороги он не заметил, да здесь и не было настоящей дороги. Каждый год во время дождей школьники шли здесь вброд через поле, огибая этот участок.

Сабо постучался к Санто.

— Это правда, что он приезжает?

— Он уже здесь.

Сабо испугался, сжал кулаки. Санто сказал жене:

— Скоро опять будут делить землю. Для Макаи. Новый раздел. Кое-кто останется с носом.

Почти все жители деревни были уже на ногах.

— Отец! Мать! — кричал Петер, притащивший из кузницы Иштвана шкворень.— Немет уже на улице! Эгреш тоже! Выходите и вы!

Золтан прибежал в правление с машинно-тракторной станции. Еще недавно в этом доме находился сельсовет, а двенадцать лет назад — контора имения. Золтан включил свет. Но свет сразу же погас, и Золтан снова повернул выключатель.

— Вереш! Ты что здесь делаешь?

— Берегись, Золтан! Ты знаешь, кто приехал?

Два стихотворения

Марк ШЕХТЕР

ТОМИК ЕСЕНИНА

Томик с березками русскими
С полочки книжной достань!..
Тропками-стежками узкими
В гости нас кличет Рязань.

Будешь по легким следам идти
В мяту, гречиху и лен...
Будешь влюбляться без памяти,
Если еще не влюблен.

Каждую девушку встречную,
Домик с резным петухом,
Радость и рану сердечную
Встретишь ты звонким стихом.

К людям не знающий зависти
Нам полюбился навек
Полный веселой лукавости,
Чистой души человек.

...Томик с березками русскими
С полочки книжной достань!..
Тропками-стежками узкими
В гости нас кличет Рязань.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Сначала природа сияла и мокла,
Потом неожиданно грянул морозец,
Украсив серебряным кружевцем стекла,
Поэзию бросив на выручку прозе.

Любуйтесь могуществом русской природы,
Влюбленные пары, поэты, юннаты!
Веселые сосенки — белобороды,
Дубы в полотняных сорочках — усаты.

Горят на пеньках голубые шеломы,
Как войско, стоят подмосковные чащи;
Вот-вот из колхоза по тропке знакомой
Добрыня Никитич пройдет настоящий.

Ты лыжи готовишь, красой восторгаясь,
Но так белизны нестерпимо сиянье,
Что первым снежком не промчится и заяц,
Как исстари ведомо всем россиянам.

Но знаю: испуганный ветром и стужей,
В наушниках, в шубе медвежьей широкой
Найдется какой-нибудь критик досужий
И ткнет указующий перст в эти строки.

Прочтя, он напишет в журнал иль в газету,
Конечно, безрадостно, незадушевно:
«Увы, актуальнейших образов нету,
Зима, к сожалению, незлободневна!»

Бог с ним, с «человеком в футляре» и хуже,
Нас Чехов еще познакомил с ним лично!..
Мы любим снега, мы приучены к стуже,
А в зимних пейзажах свое есть величье.

— Я! — закричал Золтан.— Я приехал!

Он уже успел заметить лист бумаги, которым Вереш шуршал в темноте. И он схватил Вереша за глотку.

Подручный Иштвана, который известил Вереша, тихонько вернулся в кузницу, думая, что, может быть, его никто не заметит. Он, как одержимый, уже раздувал там меха.

— Этот Форгач,— говорил Сабо,— сразу же получит свое старое место. Вот и будет у Макаи сборщик налогов лучше не надо.

— Если бы это зависело только от него!..— сказала жена.

— Если ему позволят,— отозвался Сабо.

— Если... Чего он только тогда не станет творить, если...

— Все уже на улице! — крикнул сын Сабо.— Я тоже пойду, чего мне еще здесь ждать?

— Никто тебя и не держит! — проворчал Сабо.

Жена сказала:

— Если вы пойдете, я пойду с вами.

Янош уже заметил свет в помещичьем доме и сказал вслух то, о чем думал все время:

— Нам надо бы сначала туда поехать.

— Нет,— сказал Макаи,— сначала мне нужно было сюда.— Он спросил: — Что теперь здесь?

— Кажется, школа,— ответил Янош.

Они вылезли из машины. Дверь была не заперта. Но учитель — его звали Киш — уже натягивал брюки. Одним прыжком он очутился на пороге. Его никто не предупредил. В эти смутные дни школа не работала. Он только пытался иногда собрать свою группу, как гамельнский крысолов.

Между тем за спиной приезжих вокруг автомобиля собиралась толпа крестьян с топорами и лопатами. К удивлению Киша, впереди всех стояли Балинт и Кёвеш, за ними — Сабо. Казалось, сумерки слили воедино многие лица, ясно различимые днем.

Учитель Киш недоумевал: «Что же здесь происходит?» Он спросил Макаи:

— Что вам надо?

Бела Макаи повторил с улыбкой:

— Чего мне здесь нужно?

— Теперь мы здесь! — крикнул Янош.

— Вот как! — сказал Киш.— Кто же это мы?

Киш был еще очень молод и походил на школьника со своими растрепанными волосами. Но он так решительно шагнул вперед, что Макаи и Янош отступили на шаг от двери. Толпа за их спиной росла. Трактористы тоже пришли. Они были так же молоды, как учитель, а может быть, еще моложе.

Макаи сказал Кишу:

— Перемени-ка свой тон!

И он оттолкнул учителя в сторону, не будучи в силах вынести его уверенного взгляда. Медленно, шаг за шагом подступала толпа; дети с горящими глазами следили за тем, что происходит у порога их школы. Бела Макаи и Янош так же мало обращали внимания на людей, стоящих за их спиной, как и раньше.

Киш закричал своим зычным голосом:

— Стойте! Чего вам здесь надо?

Макаи потерял самообладание.

— Вот чего мне надо! — крикнул он и ударил Киша кулаком в грудь.

Киш бросился на Макаи, но его схватил Янош и отшвырнул с такой силой, что голова учителя ударилась о ступеньки лестницы. Немет и Хорват первыми оказались в доме. Они увидели кровь на голове учителя. Схватили Яноша, но тот был сильнее их обоих. Янош отстранил своего хозяина и, прислонившись спиной к стене, прикрыл его собой, стоя лицом к крестьянам. Когда крестьяне бросились вперед, он выхватил револьвер. Но Хорват уже поднял топор и ударил Яноша по ключице: тот был выше его ростом. Удар оказался недостаточно сильным: жена Хорвата повисла на его вытянутой руке, и тяжесть ее тела сдержала размах.

Остальные крестьяне, стоявшие на улице, ворвались в дверь и скрутили Яноша и его хозяина. Они потащили их обратно к машине и втиснули в нее так, что у приезжих хрустнули кости. Потом крестьяне попытались сдвинуть машину с места, но она застряла в болоте. Золтан принес с машинно-тракторной станции трос, и теперь одни могли тянуть машину, другие толкать ее. На крутом повороте автомобиль перевернули.

Терез и Иожеф тем временем добрались до бывшего поместья Серени, того самого, которое было впятеро обширнее, чем бывшее имение Макаи. Они остановились в Шарошхаза. Было уже светло. Крестьяне выходили на поля. Иожеф объявил крестьянам из Шарошхаза, что сегодня, может быть, через час, вернутся помещики. На вопрос, кто он такой и откуда знает об этом, Иожеф назвал свое имя и рассказал обо всем, что ему довелось увидеть. Он не знал здесь ни одного человека и ждал, какое впечатление произведут его слова. Терез стояла, тесно прижавшись к Иожефу. Потом она направилась к женщинам, державшимся вдалеке.

Балинта Ковача здесь знали. Многие слышали о его усилиях сохранить кооператив в Бёлёни. Одни радовались его упорству, другие приходили в ярость, заслышав его имя. Но другое имя — Серени — было ненавистно всем. Чтобы подготовиться к предстоящей встрече с помещиком, времени у них было не много, но все же больше, чем у крестьян Бёлёни...

Шоферу Яношу удалось вылезти из машины через разбитое окно и вытащить своего хозяина. Он взвалил его на спину и перенес в прибрежные кусты. Прислушавшись, он уловил шум приближавшегося грузовика Серени. От ярости у него колотилось сердце, он скрипел зубами.

Вскоре они явились, хмельные после попойки в Дороге, с песнями и с ревом. Рассказ Яноша и вид окровавленного Макаи привели их в неистовство. Но грузовик их налетел на тот самый трос, который притащил Золтан. Крестьяне Шарошхаза и Бёлёни, посоветовавшись между собой, натянули трос поперек шоссе.

Пал Серени, ехавший в машине Комлоша, наскочил на перевернутый грузовик. Когда он узнал, что произошло, он разразился проклятиями по адресу крестьян из Бёлёни, обвинив их во всех случившихся за день неудачах и в гибели своего имения. Он продолжал осыпать их бранью при каждой неудаче во время своего бегства в Вену.

В конце концов и в этих краях, где поздно прошли дожди, собрали урожай. Это были кровавые дожди. Даже снег еще кровоточил. В кооператив вернулись не только те семьи, которые из него вышли. В кооператив неожиданно вступили и новые люди; они не испугались писем, содержавших угрозы. Суровой зимой, чтобы сберечь дрова, они собирались, тесно прижавшись друг к другу, в избе у Балинта, или Немета, или Хорвата и засиживались до поздней ночи. Иногда волнуясь, иногда спокойно обсуждали они, где и что им лучше посеять и посадить, чтобы никогда больше не пришлось собирать урожай для Макаи.

О всех этих событиях рассказал бывший учитель из Бёлёни, который учится теперь в Будапеште. Он узнал о них от одного своего ученика.

Перевел с немецкого **В. СТЕЖЕНСКИЙ.**

«По месту службы»

(ОБЗОР ПИСЕМ)

В № 12 «Огонька» был напечатан рассказ Бориса Зубавина «По месту службы». Рассказ этот вызвал много откликов. Читателей взволновала судьба героев рассказа — простой и мужественной семьи капитана Заичкина.

«Мне очень понравился рассказ Бориса Зубавина «По месту службы». Передайте ему большое спасибо за доставленное удовольствие от меня и от всего женского коллектива нашей части», — пишет нам тов. Стеценко. Продолжая свое письмо, она говорит, что у нас еще очень мало, к сожалению, произведений, описывающих жизнь семей военных, их трудовые будни. Эту же мысль подтверждает и С. Морев из Ворошиловграда:

«Мало, очень мало можно встретить в наших художественных журналах литературных произведений об офицерах.

Спасибо вам за хороший, правдивый рассказ».

Многие офицеры и солдаты Советской Армии пишут нам о том, что в рассказе Зубавина они, как в зеркале, увидели свою собственную жизнь.

«Когда мы читали ваш рассказ, то вспомнили невольно всю свою жизнь, так похожую на жизнь Заичкиных,— пишет нам «от себя и от семьи» полковник запаса Хапланов из Краснодара.— Действительно, вся жизнь «на колесах».

Офицер запаса Паркаев (Москва) подчеркивает, что «судьба офицера Заичкина похожа на судьбу, которую я прошел за 19 лет службы».

В своих письмах наши читатели-военные рассказывают о своей жизни, делятся своими радостями и заботами.

«Меня этот рассказ очень тронул,—пишет Мария Ивановна Демидова из Запорожья.— То, что я прочла в рассказе, такая же история произошла и в нашей семье и еще у наших знакомых... Вот, например, взять нашу семью. Мы с мужем ездили 20 лет (конечно, и дети у нас есть)». Об этом же рассказывают нам Рулькова (Москва), инженер-майор Першуков (Тамбов) и многие другие.

«Близко моему сердцу то, что вы отобразили в этом прекрасном рассказе, — пишет полковник Палий из города Горького.—Хорошо вы знаете жизнь офицера и его семьи! Так мог написать только человек, который сильно любит своих героев, переживает за них. Аня удивительно хороша. Она действительно олицетворяет жен офицеров нашей Советской Армии — мужественных и великодушных друзей своих мужей-командиров».

Подполковник Ситниченко просит журнал почаще печатать на своих страницах рассказы о жизни военных.

С ВЫСТАВКИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Камил Рессу.

ПОДПИСАНИЕ ВОЗЗВАНИЯ О МИРЕ.

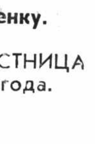
Иосиф Изер.

ДУНАЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ.

Александру Чукур

АННА ИПЭТЕСКУ, УЧАС
РЕВОЛЮЦИИ 1848

...енку.

...СТНИЦА
...года.

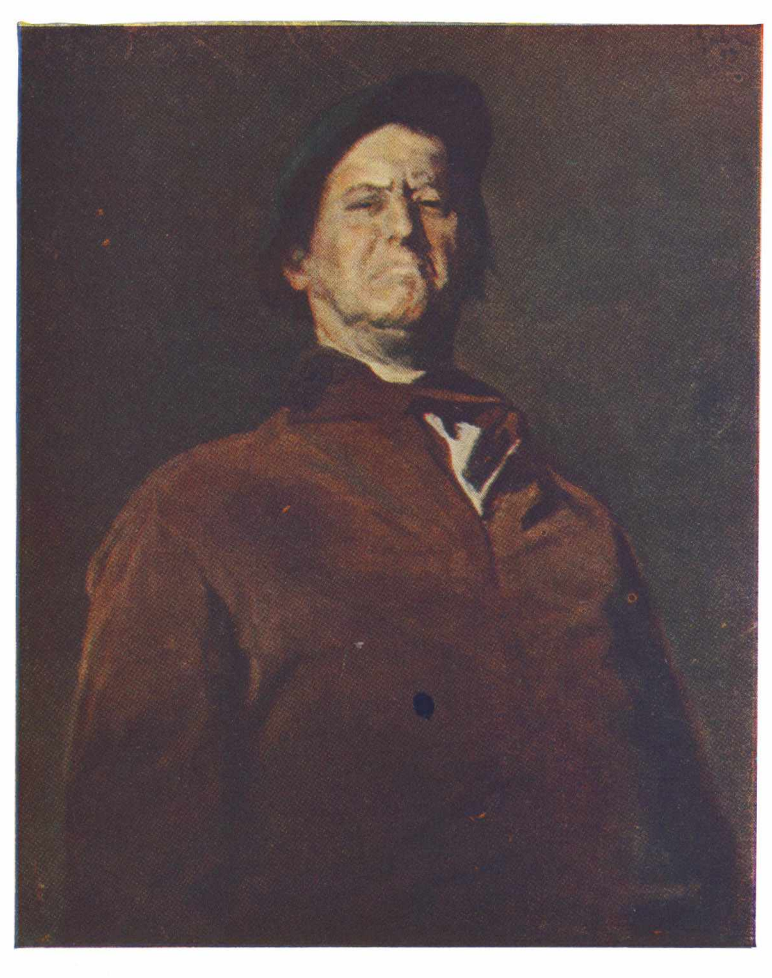
Мариус Бунеску.

ЛОДКИ В СУЛИНЕ.

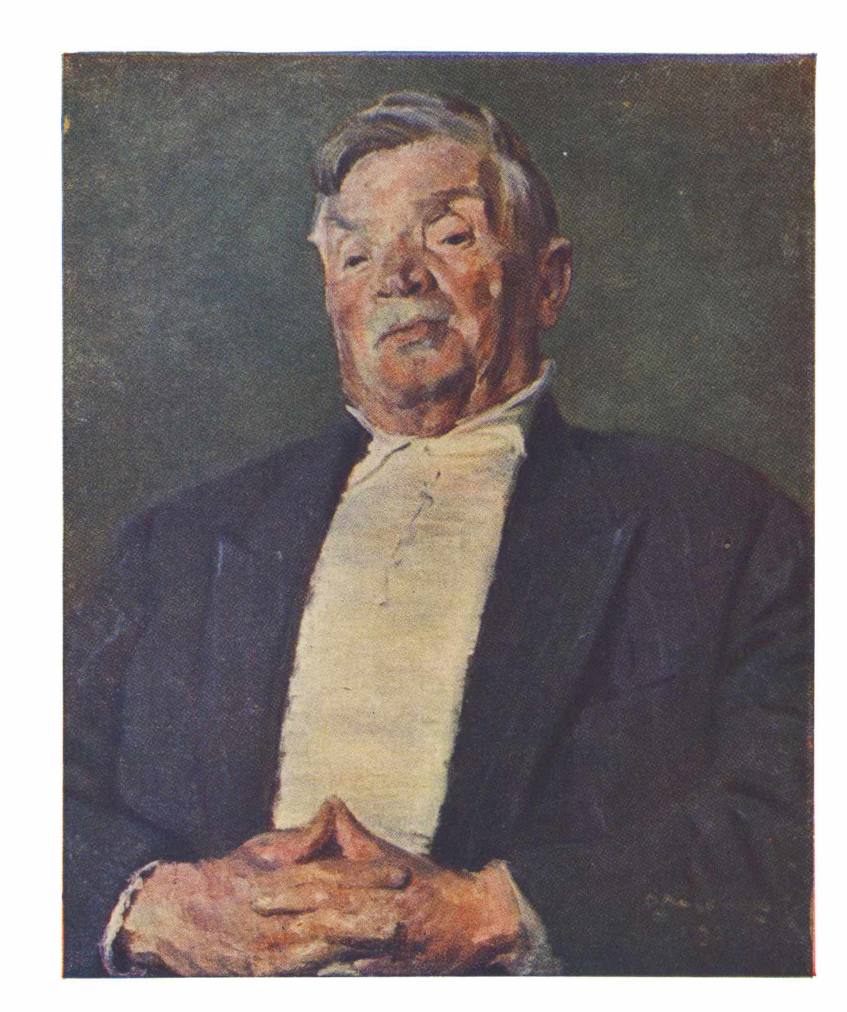

Александру Зифер.

УЛИЦА В БАЯ-МАРЕ.

Корнелиу Баба. АВТОПОРТРЕТ.

Октавиан Ангелуцэ. ДЕД.

Корнелиу Баба.
ОТДЫХ В ПОЛЕ.

ДОБРЫЕ КАРЛИКИ

Александр МИХАЛЕВИЧ

Вот уже долгое время среди деятелей и специалистов садоводства то разгорается, то затухает спор о «карликах». Собственно говоря, настоящего предмета для спора здесь нет.

Карликовые, то есть привитые на особых, низкорослых подвоях и отличающиеся скороплодностью, яблони, груши когда-то часто можно было встретить на юге, например, в Крыму, в Армении, под Одессой, в Молдавии, особенно в помещичьих, княжеских садах. Сейчас в этих местностях «карликов» меньше, но они есть. За рубежом, например, во Франции, в Голландии, карликовые сады, особенно в последнее время, очень распространились. Наш великий Мичурин предвидел большое будущее «карликов» для Советской страны, считал карликовое плодоводство экономически выгодным, прогрессивным делом, прямо связывал его с перспективой механизации работ в садах. Кроме того, Мичурин и сам стремился заложить основы селекции «карликов» для более северных районов...

Да, здесь, по сути, нет предмета для спора. Но, конечно же, ленивому уму легче сеять «некоторые сомнения», высказывать «опасения», предостерегать против «излишних увлечений», вести будто бы ученые споры, чем «ввязываться» в новое большое культурное дело. Вот почему в некоторых «садоводческих кругах» вам могут сказать о «карликах» примерно так:

— Да, знаете ли, горячие головы там-то и там-то разводили «карлики», а они у них взяли и вымерзли.

Или вас могут довольно грозно спросить:

— Вы что же, хотите отказаться от сильнорослых деревьев? Отказаться от нынешних насаждений?

Как будто у вас в руках топор и вы замахиваетесь на цветущие колхозные сады!

А один деятель и такое глубокомысленно изрек:

— Думать, что можно поднять садоводство с помощью «карликов»,— это все равно, что решать мясную проблему разведением... кроликов.

Но этот аргумент оказал, например, на меня, совершенно обратное, чем предполагал товарищ, действие. Мне кажется, что хорошие хозяева, решая мясную проблему, еще положат на чашу весов и замечательное скороплодие кроликов, и высокие качества кроличьего мяса, и нежный кроличий мех.

Ну, а скороплодные «карлики»? Если не оставаться на почве невежества и лени, то сейчас никто не сможет отрицать, что:

«карлики» позволяют получать плоды в саду на третий год, ну, самое большее — на четвертый, в то время как обычные сильнорослые деревья дают урожай через 5—7 и даже 10 лет;

«карлики» при нормальном уходе за садом дадут с единицы площади урожай не меньший, чем обычный сад, хороших по качеству плодов;

«карлики», если придерживаться правил агротехники, плодоносят ежегодно;

«карлики» позволят получать более дешевую продукцию, меньше затрачивать труда на тонну яблок или груш.

Прямо-таки добрые и могучие «карлики»!

Яблоня «папировка» посадки 1951 года. Цветущие деревья — на карликовом подвое. Большие деревья привиты на дикой яблоне, они не цветут.

И не выдумывайте, пожалуйста, товарищи горе-спорщики, «противопоставления» одних садов другим. Пока-то — не в споре, а на колхозных и совхозных землях,— как правило, и противопоставлять нечего! Не можете, не решаетесь, не считаете нужным закладывать сразу большой карликовый сад? Начните хотя бы так: подсадите изреженный сад скороплодными яблонями или посадите у себя приусадебный сад. Испытывайте! Пробуйте!

Слышали про Андрееву Евгению Ивановну, председателя колхоза «Коминтерн», Мичуринского района, Тамбовской области? В этом колхозе я видел 12 гектаров нового участка сада, посадки 1955 и 1956 годов. И на каждом гектаре размещено по 156 обычных деревьев и по 156 скороплодных «карликов» с роскошным набором сортов. Пока сильнорослые деревья успеют войти в плодоношение, сад благодаря «карликам» уже с лихвой окупит себя. Колхоз на этом выиграет 5—7 лет. Уже в ближайшие годы каждое карликовое дерево даст килограммов по пяти яблок. Вот вам и первые тысячи рублей дохода с каждого гектара сада! Стоит игра свеч?

А как же с посадочным материалом? С надежными подвоями? С питомниками? С кадрами, знающими карликовое плодоводство? Увы, всего этого у нас еще не хватает. Вот тут-то и лежат еще главные преграды на пути скороплодных садов. Вот тут-то и должна проявиться по-настоящему организующая роль наших сельскохозяйственных министерств, вот тут-то и нужно им и их органам на местах проявить хоть немножко... мичуринского характера! Ведь народ-то торопит! Народ говорит: дорогу карликовым скороплодным садам! Может быть, не все это еще знают, не все слышат?

Поэтому мне и хочется познакомить читателей с «Делом № 14», которое не так давно я много часов изучал в Мичуринске на кафедре плодоводства. Ведает ею в институте профессор Валентин Иванович Будаговский.

Но сначала надо сказать об этом человеке.

Валентин Иванович — специалист по карликовому садоводству. При всей любви к «карликам» он никогда не теряет трезвого подхода, отнюдь не спешит навязать «карлики» «всем, всем, всем»; наоборот, Будаговский не забывает подчеркнуть, что в скороплодном садоводстве есть свои трудности, что у «карликов» есть свой «норов»: они чувствительнее и к лучшему и к худшему уходу: плохо относишься к саду — первыми «подведут», дал необходимый уход — самым щедрым образом отблагодарят.

Новый сорт — «первенец» — на новом карликовом подвое — «парадизке краснолистной», выведенной В. И. Будаговским. Дерево плодоносит на третий год после посадки.

И до войны и после войны, участвуя во многих научных экспедициях и исследованиях, Будаговский изучал сады Армении, Подолии, крымские и молдавские, дагестанские и многие другие. Перед его глазами прошли и были им апробированы тысячи и тысячи низкорослых деревьев, изучены все существующие виды подвоев, маточные плантации, питомники.

А «Дело № 14» — это несколько явно перегруженных папок, содержащих переписку по вопросам карликового плодоводства.

Читаешь послания из уральской Губахи, а потом — из Армении, и тут же — из Подмосковья, Дагестана, с Волыни, из Балахны, Чувашии, Ленинграда, и т. д., и т. д.— письма от колхозников и академиков, из школ и опытных станций, от старых любителей садоводства и от бывших фронтовиков. И чем дальше, тем больше воспринимаешь эти голоса «снизу», из гущи жизни, не только как свидетельства огромного интереса к карликовым садам. Тут просятся выводы шире.

Вот как будто бы «только» любительское письмо:

«...Мы видели на выставке карликовые яблони, которые выдержали суровую зиму. Заинтересовались и узнали, что это ваша «парадизка», ваши труды, давшие такие хорошие результаты.

Являясь юными садоводами (мы работаем в авиационной промышленности, нам вместе 102 года), мы имеем очень большое желание посадить и вырастить ваши карликовые яблони. Помогите получить хоть 20 саженцев, выращенных под вашим руководством.

Новожилов, Николаев».

А когда товарищи получили саженцы, благодарят и сразу же предлагают:

«...Если это полезно, будем охотно периодически сообщать о своих наблюдениях за поведением деревцев».

И из Золотоноши Б. Романенко, узнав о новом подвое, предлагает:

«Может быть, вы доверите мне доиспытывать выведенный вами подвой?»

Вот еще совершенно конкретная, квалифицированная точка зрения:

«В 1952 году вместе с другими тимирязевцами я слушал ваш рассказ о «карликах». Сейчас заведую Ульяновским госсортоучастком. Хотелось бы поработать с «карликами» в Ульяновской области».

Содержание некоторых писем как будто повторяется — люди просят посадочный материал, но будет чрезвычайно полезно присмотреться, кто, как, откуда, для чего просит. Тогда яснее станут и некоторые, не всегда замечаемые человеческие черточки у наших советских людей и, с другой стороны, правильнее можно будет определить тот новый государственный размах, который надо дать «Делу № 14».

«...Мне, как агроному-садоводу, колхозы района предъявляют справедливые требования — иметь в колхозных садах яблони с более ранним плодоношением и не ожидать урожая яблонь, привитых на лесной дичке, 8—10 лет.

Евгения Ивановна Андреева в колхозном саду.

И вдруг узнаю, что у вас выведен интересный подвой. Помогите достать хотя бы сто штук».

Это еще повезло автору письма, агроному Ободовской МТС Винницкой области Соболевскому: на его просьбе отметка — «выслать 10 штук». Но на всех-то не хватает! А письма — одно настойчивее другого.

Письмо из Киева от Ивана Антоновича Бондаря:

«Ваша помощь будет неоценимой, так как я работаю не в личных интересах, а в тесной связи с колхозом имени Ватутина (пригородная зона), где до этого был председателем.

Я агроном, в данный момент — пенсионер. С 1914 года работал в разных местах по садам и огородам — от Сталинабада до Тулы и Киева. Сейчас на производственном участке занимаюсь опытами. Во имя моего прежнего знакомства с И. В. Мичуриным, у которого я был в 1933 году, обращаюсь с просьбой выслать саженцы или черенки «парадизки», «дусена», а также айвы, ирги...»

Хозяйский, убежденный голос из Нарыма:

«Мне кажется, что самый верный способ сломить консервативное отношение к плодоводству — это дать колхозам скороплодные, высокодоходные сады. А это можно сделать с помощью карликов».

Колхозник-опытник Медведев из Костромской области получил из Мичуринска желанные черенки и вновь пишет:

«Благодарю за честное, мичуринское отношение к запросам колхозников... Четырехтомник Мичурина заканчиваю читать второй раз, но еще бы хотел специальную книгу о карликах».

Но ведь вместо черенков многие и многие получают и такие ответы из Мичуринска:

«На ваше письмо сообщаем, что отводки карликовых подвоев были все реализованы с осени, а потому в весенний период мы не имеем возможности удовлетворить вашу просьбу».

А чем дальше, тем напор писем становится все нетерпеливее. Несколько лет назад шли единичные письма. Потом стали поступать десятки. Сейчас идут сотни.

«Стучусь во все питомники, ответа не имею. Вы — последняя надежда. Я читал, что вы вывели морозоустойчивые подвои. Хотя бы получить 20 саженцев! Член садоводческого общества гор. Горького Н. Гусов».

Работники нефтепромысла с горечью констатируют: «Два года ищем карликовые подвои, но делом никто не отвечает».

Пишут учитель из Челябинска, заместитель председателя Тамбовского облплана, гвардии полковник из Харькова, завком сахарного завода, юннаты из Башкирии. Академик Благонравов очень просит «не отказать в любезности выслать хотя бы 8 штук саженцев карликовой яблони». Кто сердечностью, кто хитростью, кто красноречием стремится подкрепить свою настойчивость. «Обращаюсь к вам, как к свету...», «Пишет ваш пламенный сторонник...», «Я по национальности латыш, узнал то, что давным-давно искал,— это то, что вы выводите карликовые подвои...», «Поздравляю из Чувашии вас с праздником Октября и опять к вам с просьбой — вышлите подвоев...», «Поймите меня, крымчанина,— сколько времени я ищу, где бы можно было выписать «парадизку»...», «Уверен, что письма, адресованные к вам с подобными просьбами,— явление частое. Но если вы меня переадресуете — это будет очень печальный результат. Ведь у нас, вокруг Борисоглебска, карликовых подвоев не найдешь...», «В вашей власти казнить или миловать. Хотя это шутка, но в каждой шутке есть доля правды. Имейте меня в виду хотя бы на осень — прислать новых подвоев. Не судите меня строго за некоторую навязчивость. Но как же потерять целый год!».

Сколько свежих сил на местах готово принять еще более активное участие в великом деле обновления, украшения земли! Как красноречивы эти письма! Они наталкивают на важные выводы, яснее открывают некоторые новые стороны в запросах наших людей и еще и еще раз показывают, какой поистине многорукой может быть наука в Советской стране, если мы научимся везде по-новому ценить и уважать людей на местах.

Люди стучатся на кафедру к Будаговскому, шлют письма, запросы, требования. Он действительно энтузиаст «карликов» и их знаток, но все же это только учебная кафедра вуза, которая занимается «карликами» наряду со многими другими делами, и она не имеет ни людей, ни достаточной экспериментально-производственной базы, чтобы вести работу по скороплодным садам с размахом, достойным времени. И уж, конечно, кафедра не в силах заменить разветвленную сеть питомников.

Медленно, по-кустарному, полюбительски еще движется дело с «карликами». Даже у нас, на Украине, даже в Крыму, где к садам, по традиции, больше любви, больше привычки. И это обидно! Особенно если учесть, какую беседу о скороплодных садах хотя бы в приведенных письмах уже давно ведет с наукой множество советских людей.

Так бы и кончить мне этот разговор на «обидной» ноте, да вдруг хорошая новина из Симферополя: Крым поворачивается лицом к скороплодным садам!

Почин в данном случае сделали журналисты областной газеты «Радянський Крим». Долгое время они собирали материалы по истории «карликов» в Крыму, переписывались с профессором Будаговским, советовались со старейшим селекционером-плодоводом, которого высоко ценил Мичурин, профессором Л. М. Ро. А затем пригласили Будаговского в Крым, собрали при редакции совет опытных плодоводов и во всеоружии фактов и аргументов выступили со специальным номером: «Дорогу «карликам».

В Крыму — большой поход за сады, кипит молодежь, растревожены старики, много настойчивости проявляют партийные организации, и очень разумно в этой обстановке прозвучал голос газеты:

— Давайте не только считать гектары посадок, давайте больше думать, что́ мы сажаем, когда и какую отдачу будем от этого иметь! Прежде всего заложим, отберем, возьмем под наблюдение хорошие маточные насаждения карликовых подвоев при питомниках! Поведем соревнование за то, чтобы урожай в скороплодных садах иметь уже на третий год посадки!

Газета очень кстати извлекла из истории такие факты. Когда-то в Крыму, в Бельбекской долине, 85 процентов урожая замечательного яблока «кальвиль зимний белый» давали «карлики».

В летописи крымского плодоводства зафиксированы факты, когда вес одной груши «бередиль» доходил до 1 900 граммов, а «анжуйской красавицы» — даже до 2 700 граммов. Одна груша — без малого три килограмма! Такие плоды были сняты с деревьев, привитых на карликовых подвоях.

Деревья-то карлики, а плоды именно на них бывают вкуснейшими «великанами».

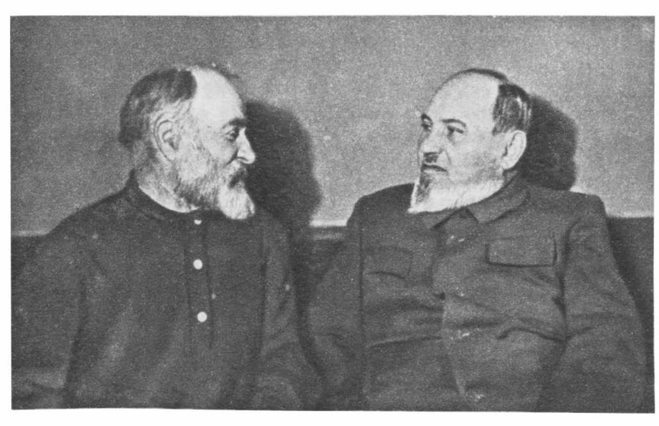
Хочется подумать вместе с читателями, вместе с уважаемыми профессорами, вместе с руководителями садоводства в наших республиках вот над чем. Очевидно, для ускорения развития скороплодных, истинно культурных садов мало горячего профессорского слова с институтской кафедры, мало эпизодических критических замечаний ученых в адрес сельскохозяйственных органов. Где сейчас главный узел трудностей, где больше всего не хватает квалифицированного научного подхода, чтобы поднять на новую ступень наше садоводство, прочно овладеть исходными позициями для развития скороплодных садов, для быстрого внедрения истинно лучших сортов? По общему признанию, это питомники. Если в питомнике нет научной строгости в работе, если в питомнике косные, случайные, невежественные люди,— годами будет расплачиваться за это садоводство. И наоборот. Если сюда прежде всего понести всю науку лучших сортов и скороплодных садов, то неизмеримо быстрее преобразится наше садоводство.

А что, если бы наши профессора-садоводы, конечно по доброму приглашению министерских работников, пришли в главные наши питомники для радикальной научно-производственной помощи, так, как в свое время профессор Патон пришел непосредственно на танковые заводы,— щедро, практически поделиться своей наукой электросварки и действительно, вопреки любым неувязкам, внедрить ее в жизнь полной мерой? Вряд ли при этом пострадают кафедры, вряд ли остановка может быть за тем, чтобы придумать форму наделения профессоров «соответствующими полномочиями».

Может быть, действительно поторопиться с этим?

Пора!

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Пятнадцатилетняя дружба связывает дважды Героя Советского Союза заместителя Председателя Президиума Верховного Совета УССР Сидора Артемовича Ковпака и речника-пенсионера семидесятивосьмилетнего Николая Васильевича Байдака. Первая их встреча состоялась в грозном военном 1942 году. Партизанские отряды Ковпака, совершая смелые рейды по вражеским тылам, дошли до Лоева, Гомельской области. Днепр, на правом берегу которого раскинулся белорусский городок, явился серьезной преградой на пути дальнейшего продвижения партизан.

Нужно было организовать переправу через Днепр.

— Если доверите, возьмусь за переправу, места мне знакомые, а речник я старый, — заявил Николай Васильевич Байдак партизанскому командиру.

Презирая опасность, Н. В. Байдак с группой товарищей помог партизанам переправиться через Днепр.

Тов. Ковпак горячо поблагодарил лоевцев и особенно старого речника Николая Васильевича Байдака за его находчивость и смелость. С тех пор командир партизанских отрядов не порывал связи с лоевским речником: они переписывались. Недавно друзья встретились в Киеве, в Верховном Совете УССР. Н. Байдак, приехав в Киев по личным делам, решил первым делом навестить своего командира.

Эта встреча произошла незадолго до того, как С. Ковпак получил письма и телеграммы от таких же, как Н. Байдак, боевых друзей. Они поздравляли его с 70-летием и награждением орденом Ленина.

М. ЛЕБЕДИНСКИЙ

На снимке: С. Ковпак и Н. Байдак в здании Верховного Совета УССР.

Фото Б. Антонова.

Встреча с солнцем

Рассказ

А. ШАХОВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Рассказ Александра Алексеевича Шахова «Встреча с солнцем» является последним его художественным произведением и написан всего за четыре дня до кончины.

В нем с большой силой не только отражена та особая близость к природе, которая так свойственна автору, но найдена и высшая точка этого сближения.

Нечто подобное бывает только в любви: глаза открываются как бы по-новому и видят то, чего не видели раньше и что недоступно обычному взору.

Это слияние с солнцем дает возможность человеку и самому излучать свет.

Таких творческих лучей и полно это предсмертное, но яркожизнеутверждающее произведение поэта в прозе А. А. Шахова.

Иван НОВИКОВ

Зима, зима, стужа, маленькие серенькие дни, напряженная работа, усталость... И вот конец апреля. Дни больше, облака высокие. Их все чаще гонит теплая волна с юга.

Пора на свидание!

Недели две я исподволь собираюсь в дорогу, с каждым днем мои мысли все больше с ней. Она уже снится по ночам, она овладевает моими мыслями. Замечаю, как от нетерпения у меня иногда пробегает что-то, похожее на нервную дрожь. Я делаюсь немного сумасшедшим.

В первых числах мая я в обществе одного — двух спутников с большим количеством багажа сажусь с Курского вокзала на скорый поезд и еду на юг. В Курске пересаживаюсь на рабочий поезд, с рабочего поезда — на попутную машину, которая меня довозит до хутора Комаровки, на берег тихой, глухой реки.

В Москве я оставил заботы, перестаю думать о работе, о газетах, не беру с собой даже ни одной книги, потому что та книга, которая меня ожидает, самая увлекательная. И у меня никогда не хватает времени дочитать ее до конца.

В хуторе Комаровке машина подъезжает к крайнему дому, что на обрыве над рекой. Там живет старая колхозница Дарья Андреевна. Беру свои вещи, и, хотя она просит нас посидеть, поесть, мы сносим вещи под гору, грузим их в старенькую плоскодонку и — сразу же в путь.

Маленькое путешествие на лодке по извилистой реке кажется чудесным. На левой стороне — луга с кустарниками, озерами, болотами, на правой, у самой воды, — стена леса, болотистого дремучего леса. Река тихая, течения почти нет. Она то широкая, как Днепр, то узкая, как ручей. Над водой наклонились деревья. Один поворот реки, другой, третий... И за каждым поворотом все приятнее сердцу.

Безмолвие, глушь. Все гляжу и гляжу по сторонам и замираю от весны и от того чувства, что несет она. Еще поворот — и песчаная коса, перед ней узкая среди кустов бухточка. Я вгоняю в нее лодку, выхожу на золотистый луг, прислушиваюсь к гудению пчел на берегу, ставлю палатку. Дед Ермолай, пасечник, копошится поблизости среди ульев; слышится стук топора. Он с черной сеткой на лице поворачивается в нашу сторону, потом медленно идет навстречу.

Как только мы подъехали к своей стоянке и вылезли на берег, пасечник подошел к нам.

— Живой? — спросил он.

— Живой.

— Приехал?

— Приехал, да только на этот раз рановато. Холодище такой! И на весну не похоже.

— Все равно она о себе дает знать.

Весь день мы просидели в палатке, а когда наступила темнота, легли спать.

Холодным утром я не мог оторвать глаз от неба.

По лазурному безбрежному полю тучи и облака шли полчищами, но каждое поодиночке, не соприкасаясь друг с другом. Большие чередовались с маленькими, округлые — с длинными.

Это шествие облаков в вышине было величественно. Оно напоминало о грандиозности просторов во вселенной.

Прошел полдень, а облака все шли по всему небу. С утра их прошли тысячи, они казались нескончаемыми.

Но вот пространства — озера между облаками — понемногу увеличились, они стали не лазурными, а ярко-голубыми. Под вечер озера превратились в моря, среди которых островками были серовато-белые облака. Когда солнце пряталось за них, ветер дул сильнее. Становилось холодно.

Солнце опустилось к земле, последние облака то ли ушли на юг, то ли растаяли, и вместо множества небесных морей образовался голубой океан, спокойный и величественный.

Тогда на землю спустилась тишина, вместе с ней пришло тепло, и по лесу прошел раскат грома — с такой силой вдруг запели соловьи.

У меня стало на душе так, будто и я прилетел вместе с птицами на родину. И до полночи я облегченно вздыхал, и радость с тихой грустью все трепыхалась и трепыхалась.

Пришло новое утро, теплое и прекрасное, такое утро, которому никогда не нарадуешься. Я встал спозаранку и гляжу на лес. Он попрежнему бурый, светлый, весь проглядывается.

Луг под солнцем, трава всюду пробивается, среди нее, темно-зеленой, синие лужи, и на синем — ярко-желтые калужницы. Кое-где они сплошь заполнили синь, и по лугам будто раскинулись полоски золотого блеска.

Все было не как вчера. Вокруг весело, и не налюбуешься лесом. Солнце пригревает, и лес с каждым часом изменяется, изменяется на глазах. На буром фоне вдруг появилась нежная кудрявая зелень ив. У осин — у одних почки еще тугие, у других появились уже чуть заметные листочки. Толстые стволы дубов среди тонких и серых осин кажутся особенно мощными и черными.

А река? Прислушиваясь к лесу и к соловьям, от счастья вся сияет.

Я не мог не отдаться ей и пошел к лодке.

По пути я обратил внимание на куст черемухи, стоявший на берегу. Он был уже в листьях, очень ярких и пышных. Первые листья, которые были на деревьях! И кто знал, что этот куст черемухи через некоторое время осветит мои мысли по-новому!

В лодке от дождей была вода. Я набрал ее в ковш и выплеснул за борт. По реке раскатился звон, будто о гладь шлепнулось расплавленное серебро. От этого звона даже соловей в ближайшем кусту замолк.

Выезжая на середину реки, я заметил у противоположного берега под водой что-то зеленовато-бурое; я хотел было подъехать туда, рассмотреть, и я это сделал бы, если бы поблизости не громыхнула щука. Я приготовил спиннинг и направился к ней. Щуку я не поймал, а о таинственном под водой забыл.

Я поплыл вверх по течению и долго пробыл на реке. Утренняя тишина скоро кончилась, опять подул слабый северный ветер, и хотя солнце проглядывало весь день, было холодно. Только в затишье сохранилось тепло.

Но все равно — и на холоде и в тепле — все вокруг менялось ежечасно. В полдень лес стал другим: из бурого он превратился в пестрый, разноцветный, как осенью, ибо поразному выглядели дуб, клен, осина, липа, ива. Одни еще были совсем зимними, другие побурели оттого, что почки набухли, третьи пустили мелкие, только что показавшиеся липкие листочки.

К вечеру ветер стих, тепло наступило всюду, и чувствовалось, что землей, еще недавно мерзлой, ежеминутно овладевает жизнь. Она давала о себе знать на все лады: и голосом, и запахом, и цветом.

Снова загремели соловьи. Но среди этого грома слышались новые голоса. Черный дрозд кричал. Куличок-перевозчик, перелетая с берега на берег, попискивал. Откуда-то появилась кукушка, первая в этом году, села на сук голого дуба и долго сидела молча, а как только солнце скрылось за лес, приподняла хвост и несмело два раза прокуковала. И с этим кукованием стало еще веселей.

Я возвратился на свою стоянку, вышел на луг, где меня встретил не очень громкий, но беспрерывный гул. Это на болотах гудели лягушки. В воздухе танцевали комары-толкучики.

Идя к палатке, я поглядел на куст черемухи, на тот, который утром поражал ярко-зелеными пышными листьями. Взглянул на него и не узнал. Он был словно обрызган белыми каплями. Появились первые бутоны. Как скоро!

Я полюбовался, наклонился понюхать эти бутоны и ушел, не задумываясь: цветет кустарник. Обычное явление! Но все же, вероятно, какая-то неуловимая мысль у меня шевельнулась, потому что, хотя вечер и ночь были богаты впечатлениями, эту черемуху я вспоминал не раз.

Чем больше вечерело, тем громче и дружнее буйствовали соловьи.

По обе стороны палатки у нас оказалось два соседа: справа — совсем рядом с палаткой — не очень умелый соловей, слева — тоже совсем рядом, за желтой каймой лютиков — коростель-дергач.

Среди гула лягушек раздавались то чоканье правого соседа, то резкий скрип левого соседа. Иногда их голоса соединялись, и тогда заглушался рокот леса и шум луга.

Всю ночь было так: то лес затихал, луг просыпался, то наоборот; только дергач, не умолкая всю ночь, «дергал» так громко, что я иногда открывал глаза.

Однажды после длительной тишины за рекой в лесу загремели тысячи соловьев. И с каждой минутой все громче и громче. Я понял, что до зари недалеко. И вдруг, перекрывая соловьиную трель, раздалось густое «ку-ку». Это началась заря. Я встал в разгар

птичьего песнопения, повозился с удочкой, привел в порядок лодку, а когда с востока брызнули теплые лучи и все заиграло, я, влекомый какой-то неясной мыслью, подошел к черемухе. Бутоны раскрылись. Лепестки приподнялись и откинулись. Я глядел на них и, поразившись новой мыслью, встрепенулся. Нет, это не обыкновенное явление, а чудо. Эти цветы появились в мире впервые. Да, впервые. До этого на этих же ветках появлялось тоже много цветов, но это были другие цветы, лепестки их опали и давно сгнили, а те цветы, что я вижу, впервые показались свету.

«Откуда ты появился?» — спросил я мысленно. Цветок раскрылся, встретился с солнцем, первый раз встретился... Может быть, для солнца он и открылся и, встретившись с солнцем, зацвел.

Встреча с солнцем — это неповторимое, это величайшее событие для каждой появляющейся на свет жизни.

После этого я долго твердил: «Встреча с солнцем. Встреча с солнцем! Какое чудо!»

Я опять поплыл по реке.

На лесном берегу, там, где он смотрел на север, кусты черемухи оставались еще зелеными, а на южной стороне они были в бутонах и кое-где зацветали.

К полудню опять подул северный холодный ветер. Дымчато-белые кучевые облака плыли высоко, между ними виднелось большой чистоты прозрачно-голубое небо, тоже холодное. Облака плыли медленно, иногда закрывая солнце. И тогда на луг и на лес ложилась серая тень и становилось так — в пору шубу надевай. Когда же солнце выглядывало вновь, зеленый луг казался особенно ярким, и лютики горели, как желтые огоньки. Сразу делалось жарко, я снимал фуфайку.

Может быть, в эти теплые минуты деревья спешили нарядиться. С каждым часом лес хотя и был еще пестрый, но становился все темнее, между стволами уже не просвечивалось. Там и сям появлялись листья, всюду зеленые, но на разных деревьях разных оттенков.

Поздним теплым вечером сквозь многоголосое соловьиное пение с луга донесся монотонный длинный рев. Это прилетела выпь — водяной бык, птица ростом с утку.

Теплая заря делала свое дело. Наступило утро, ясное, без облаков, а потом с юго-запада потянуло ласковым, теплым ветром. Небо сделалось двухэтажным — в верхнем, как вчера, высокие кучевые облака, а в нижнем — бесформенная полоса серой мути, протянувшейся с запада. И стало ясно: дело пошло на тепло. Это сразу сказалось на всем: лес еще больше потемнел, его уже нельзя было назвать просто бурым; раскаты соловьиных трелей сделались совсем оглушительными, и из леса пошел густой дух черемухи.

И наступили незабываемые, прекрасные черемуховые дни. Кустов черемухи оказалось в лесу очень много, они, будто невесты в белых платьях, стояли сотнями в отдельности, а иногда вместе; разошлись по лесу и застыли в ожидании неведомого.

От кустов черемухи шел тяжеловатый, приятный до одурения запах. Черемухи много, ее запахом пропитан не только лес, но и река, и луг, соловьиное пение, и даже мысли. Он всюду преследует, расслабляет тело, разнеживает душу.

И от черемухи, и от тепла, и от пения птиц, и от всей великой благодати стало так чудесно, что на следующее утро (15—16 мая) в теплой пахучей тишине земля совсем разомлела, сама земля полюбила: она стала настолько обаятельна, что без слез невозможно было слушать, вдыхать и смотреть.

И даже цапле, этой безобразной болотной птице, захотелось полюбоваться ею. Вдыхая лесной май, она взобралась в небо высоко-высоко, туда, куда поднимаются только орлы, и, как орел, паря по небу на неподвижных крыльях, стала делать круг за кругом.

Несомненно, ей стало так хорошо, что она несколько раз издала удовлетворенный крик, не какой-нибудь обычный, а торжествующий.

И снова я поехал на лодке по реке.

Лес уже стал непроницаемым; в зеленой чаще то там, то сям белела черемуха. Она в полном цвету, кисти ее похожи на цветы каштанов и белой акации. Порой встречаются целые рощи черемухи — кусты и высокие деревья. Эти высокие деревья остались бы незаметными, если бы они не побелели, будто покрылись белыми шапками.

Иногда прибрежная черемуха протянет белую ветку над самой водой. Красиво!

Запах идет не только от черемухи, но и от нежных листочков ольхи, осины, вяза, от почек дуба, от луговых цветов, от реки, от каждого дерева, от каждой травинки, даже от самой земли, лесной и луговой.

Запахи самые разнообразные — от тончайших до грубых, тяжелых. Они, насыщая воздух, преображают его, волнуют и даже пьянят. Это — сплошное опьянение, и, вдыхая его, все: и птицы, и звери, и люди — ведут себя по-особенному. И кукушка кукует жарче, страстнее. Иногда она не просто кукует... Скажет «ку-ку», на следующий раз запнется, выйдет только «ку-к», и вдруг раздастся ее смешок.

Всевозможных запахов столько, что если бы люди обладали чутьем животных, то о запахах этих появилось бы множество чудесных поэм.

В те дни и я был взбудоражен и ошеломлен тем торжеством жизни, которое происходило вокруг меня.

Я ехал по тихой зеркальной реке совершенно бесшумно, так осторожно и незаметно, как пробираешься в храме среди молящихся.

На каждом шагу передо мной открывалась многоликая певучая жизнь. Свистели и чокали тысячи и тысячи соловьев. В болотах среди отцветших желтых калужниц тоже беспрерывно и тоже во множестве раздавалось мелодичное и тихое гудение, похожее на отдаленный звон. Горлинка, совсем недавно прилетевшая с юга, села на верхушке клена и, распустив веером серый хвост с белым кружевом, томно заворковала. Впереди меня с берега на берег переплывал уж с ярким ободком на голове. Вот раздался первый красивый крик желто-золотистой иволги; цветистый зимородок пронесся над водой. Вся природа будто совершает гимн. Все поет. Отражение леса и неба утонуло в реке, и вода от этого стала оливковой.

И вдруг с неожиданным шумом, и таким сильным, что я вздрогнул, из затопленных кустов ивы взлетели два селезня. Они были так ослепительно красивы, что я чуть не закричал от восторга. Густо-сизые, с ярко-зеленой бархоткой, птицы летели над оливковой водой, над серо-зелеными деревьями и делали мир еще прекраснее. Это солнце и земля их сделали такими красивыми.

На каждом шагу было не так, как накануне.

Жизнь с каждым днем становилась красивее и полнее. Она, как музыка, набирала силу. Каждый день она преображается, и думаешь, что это предел совершенства, а на следующий день лес и вообще вся жизнь становятся еще краше. И выходит, что совершенству нет предела.

И там, где накануне не было ничего, распустились ландыши. И, глядя на них и на множество цветов черемухи, появившихся и появляющихся на прибрежных кустах, я спрашивал:

— Откуда вы?

Я сидел в лодке. С виду ничего примечательного во мне не было, я такой же, как и все, а душа была натянута, как струна, она пела. И я, опьяненный, не раз мысленно восклицал: «Осанна жизни!»

Моя душа, убаюканная пением земли, надышалась опьяняющим воздухом и, подобно цветку черемухи, раскрылась. Я испытывал то прекрасное чувство, которое называется наслаждением. Я полон всем этим: то без конца восторгаюсь, то замолкаю, то прислушиваюсь к музыке, что вокруг меня и во мне самом. Я сам почти излучаю счастье.

Это высшее состояние души человека, это почти экстаз. Порой кажется, что душа, забыв о теле, взлетает, подобно цапле, над лесом.

Я все думаю: отчего это? И вдруг догадываюсь. Да ведь я сам, подобно цветку, встретился с солнцем и расцвел. Не в счет, что я несколько десятков лет тому назад впервые

взглянул на солнце. Тогда я взглянул глазами, а душой — только теперь. Это первая моя встреча с солнцем. Только теперь я понял и ощутил, что такое жизнь. И эту встречу с солнцем я воспринимаю как небывалое торжество. И это чувство не оставляло меня в течение всего пути в деревню, куда я ехал за продуктами.

Когда Дарья Андреевна вынесла мне из избы хлеб, яйца и молоко, я спросил, что за писк доносится из окна.

— Да цыплята,— ответила она.— Ноне утречком вылупились, я их поставила в лукошке на печь сушиться. А может, котята пищат. Рыжка недавно окотилась.

Дарья Андреевна вынесла глубокую корзину с цыплятами, накрытую тряпицей. Я засунул руку под тряпку и вытащил три теплых мягких комочка. Попискивая, они уселись у меня на ладони и заморгали от яркого света. И сразу замолкли. И как не замолкнуть, когда они увидели необычайное, увидели первый раз солнце!

С необыкновенным любопытством я наблюдал эту встречу. Примолкнув, цыплята сидели, как оцепенелые, и беспрестанно открывали и закрывали глаза. Потом пискнули, один поднял крылышко, другой встал на ноги, третий сунулся в сторону, упал с ладони и жалобно запищал. Здравствуй, земля! Здравствуй, жизнь! Мы пришли. Принимай гостей. Показывай, что есть у тебя. Все наше.

— А котят покажете? — спросил я Дарью Андреевну.

— Да они еще слепые.

Подождем, когда они откроют глаза. И они обязательно взглянут на солнце. Без этого никому живому не обойтись.

Возвращался я опять по реке. Прибрежные ольха и ивы во множестве роняли на воду сережки и чешуйки почек, и все это шло по узкой струе нескончаемым зеленым потоком, среди которого беспрерывно плескались рыбешки.

Я вошел в этот поток и отдался ему на волю. Он медленно тащил лодку вниз по реке. Я снял шляпу и, не двигаясь, глядел по сторонам и слушал...

По берегам тысячи деревьев, и кажется, что на каждом из них по соловью, потому что пение их сливается в одно целое. К этому пению привыкаешь и отдельных голосов уже не различаешь. И вдруг с наклоненного над рекой дуба среди сплошного чоканья и гортанного «трр-трр» раздалось «чох-чох», настолько музыкальное и звучное, что замерло сердце. Все остальные соловьи для меня как бы перестали существовать. Я слушал только его одного. Это было как любимая девушка среди миллиона девушек, бриллиант среди неотшлифованных алмазов. Я слушал соловья и под его пение разглядывал цветы черемухи и трав. Некоторые из них, несомненно, появились совсем недавно, час — два тому назад. И снова я мысленно спрашивал их, как и тех цыплят, что недавно видел, и всех живых существ, которые появляются на земле: «Откуда вы?»

Их было так много, что если бы они ответили мне, то своими голосами заглушили бы все звуки земли и неба.

«Из неизвестности, из тьмы вновь пришли мы, — ответили бы они, если бы умели говорить. — Пришли и стали жизнью. Мы на мгновение остановились на земле, чтобы продолжить жизнь, существовавшую до нас, украсить землю и снова уйти в вечность».

Я поднял глаза к солнцу и подумал о себе: «И я тоже гость на земле, гость на миг».

Я тоже пришел из вечности и уйду в вечность. Эта встреча с солнцем неповторима для нас, и этой встречей надо как можно больше насладиться. Слишком короток этот миг. И слава тем, кто его сумеет удлинить.

Встреча с солнцем — это чудо из чудес. И она настолько прекрасна, что ее ничто не должно омрачать.

Лишь бы солнце от меня не закрывали. Потому что оно даст мне жизнь, пищу, красоту. Я хочу любоваться солнцем и всем тем, что оно рождает, и, любуясь, творить, ибо человек и рожден для творчества.

Человек встречается с солнцем для того, чтобы творить, прежде всего творить свою жизнь. Не просто жить, а творить светлую жизнь. Человек и возник из вечной тьмы, чтобы творить себя, творить мир и благо. Для себя и для всех.

И соловей словно был согласен со мной. В его песне было столько чудесной музыки, что казалось, только он, он, маленький, серый, незаметный, вбирал в себя красоту весны, красоту мира и, переполнившись ею, своим чоканьем, свистом, страстью, почти в пьяном угаре рассказывал об этом вселенной. Слушая его, весну, я продолжаю думать, постепенно отрешаюсь от своего «я» и начинаю смотреть на себя как на постороннего. Я и не я... И тогда я становлюсь чище, выше и будто ближе к солнцу. Порой мне казалось, что я превращаюсь в музыку, — так во мне все звенело.

Когда я подъезжал к палатке, то глянул на буро-желтое, что видел в первый день моего приезда и чего я не мог понять. Теперь это буро-желтое показалось из воды. Это были большие округлые листья, и среди них белел большой красивый цветок лилии. Он раскрывался.

— Здравствуй! И ты оттуда же! Из тьмы времен. Солнце ждет тебя. Встречайся с ним и наслаждайся.

Дни становились все теплее. Седьмой день от начала цвета черемухи был совсем жарким.

Черемуха стояла пышная, роскошная, во всей своей красоте, но благоухала меньше.

Лес оделся почти полностью, даже у ярового дуба появились желтовато-зеленые листочки. Только зимний дуб стоял еще черным. А спустя четыре дня (на одиннадцатый после начала цветения черемухи) благоухание черемухи исчезло и лепестки стали облетать.

В полдень заиграл горячий воздух, поднялся сильный ветер, сорвал с черемухи лепестки, закружил их, и над рекой, над лесом и полянами поднялась белая метель.

Лепестки падали на землю, на воду, — черные обрывы берегов и тихая река сделались белыми.

Кончились черемуховые дни, кончилась встреча черемуховых цветов с солнцем.

Там, где был цветок, осталось пять пожелтевших чашелистиков, и среди них рождался плод. Встреча с солнцем не прошла даром.

И я встретился с солнцем. И если раньше я его ощущал только физически, то теперь я не только ощущаю, но и понимаю. Я понял смысл этой встречи, и она тоже должна дать плод.

Кончились черемуховые дни. В тот день я уехал. Уехал с ощущением такого прекрасного тихого счастья, какого не испытывал прежде.

В ГОСТЯХ У АМЕРИКАНСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА

Профессор Г. А. МИТЕРЕВ,

председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца

Многочасовое однообразие Атлантического океана, мерный гул моторов самолета, тихое покачивание мягких кресел — все навевает дремоту. Но мы, четверо представителей советского Красного Креста, направляющиеся с ответным визитом в Соединенные Штаты, бодрствуем. Скоро Нью-Йорк, идут последние минуты далекого путешествия.

Пока самолет делает традиционный круг над аэродромом, по радио сообщают, что первыми на землю должны сойти американские граждане, а лишь потом остальные. Все хранят молчание, но по выражению лиц своих товарищей я угадываю, что им, как и мне, этот «порядок» не кажется образцом вежливости.

Сидящий неподалеку высокий, грузный американец в широкополой шляпе, услышав объявление, недовольно жует губами, откашливается и, укоризненно покачав головой, сердито машет рукой. Всем своим видом он словно хочет сказать: «Ну что с них возьмешь? Не обращайте, ради бога, внимания!»

Вырвавшись из цепких рук представителей прессы, пробираемся за ограду аэродрома в сопровождении молчаливо следующих за нами полицейских. Здесь нас очень приветливо встречают деятели американского Красного Креста во главе с его тогдашним президентом мистером Банкером, незадолго до этого побывавшим в Москве.

При 167-миллионном населении в США 41 миллион членов Красного Креста.

В какой-то мере это объясняется своеобразным «коммерческим» подходом к вербовке американских граждан в ряды общества. Членом Красного Креста считается всякий, кто в марте (это месяц ежегодного сбора средств) уплатил вступительный взнос — 1 доллар. В своем подавляющем большинстве лица, занесенные таким образом в списки, никакой работы в обществе не ведут, даже не помышляют о ней. Руководители до марта следующего года тоже забывают о большинстве вновь вступивших членов.

В значительной своей части средства общества составляются из пожертвований бизнесменов, ворочающих миллионами. Щедрый взнос—хорошая реклама для фирмы, а в Америке реклама — родная мать прибыли.

Нам показывали кабинет мультимиллионера Гарримана, который числится почетным председателем правления Красного Креста, демонстрировали даже невысохшие чернила в его письменном приборе. Говорят, что раза два в год он заглядывает ненадолго в резиденцию общества. Игра стоит, видимо, свеч!

Машина Красного Креста на месте бедствия.

Значительная доля бюджета Красного Креста расходуется на оказание помощи населению, пострадавшему при стихийных бедствиях. Помощь обычно оказывают на месте. Умелая реклама дополняет картину и выставляет в хорошем свете щедрых покровителей, оказавших помощь людям, попавшим в беду.

Интересно и другое начинание, делающее Красный Крест весьма популярным. Служба связи общества ведет большую работу, особенно среди военнослужащих. Стоит какому-нибудь солдату забеспокоиться о судьбе своих родных и заявить об этом представителю Красного Креста, как сразу же придет в движение сложный механизм связи. Уже через 2—3 часа солдат получит сведения о том, что дома все в порядке, жена ушла в гости, а детишки с бабушкой обедают или тоже отправились гулять. О размахе работы службы связи говорит такая цифра: каждую минуту через нее проходят в среднем две телеграммы.

Помнится, в Москве мистер Банкер и его спутники с интересом и одобрением наблюдали за очень слаженной и умелой работой санпостовцев на одном из наших столичных предприятий. Воображение гостей поразили тогда и цифры, свидетельствовавшие о том, что почти на каждом советском заводе, в каждом колхозе или совхозе есть группа хорошо подготовленных санпостовцев, умеющих квалифицированно оказать первую доврачебную помощь.

Очевидно, нашим заокеанским друзьям тоже захотелось показать, что и в США Красный Крест проводит работу в этом направлении. Нам предложили поехать на завод в город Сент-Луис. Мы с радостью согласились, тем более, что давно лелеяли мысль как-нибудь попасть в гости к американским рабочим.

Увы, нас провели, минуя цехи, прямо в заводской клуб. Там все уже было подготовлено для демонстрации работы санитарной дружины. Однако вместо показа первой медицинской помощи получился сплошной конфуз.

Когда действующие лица вконец зарапортовались и начали нагромождать одну элементарную медицинскую ошибку на другую, я не выдержал и вопреки правилам этикета начал вежливо их поправлять. Устроители представления поняли, что все члены советской делегации — врачи, и поспешно его закончили.

Больше нас на предприятия не возили...

Заболеть для рядового гражданина Соединенных Штатов — сущее несчастье, прямо-таки первый шаг к разорению. Таково мнение не только рядового американца, но и работников здравоохранения. Руководительница департамента просвещения, здравоохранения и обеспечения США Оветта Хоби писала, что Америка еще не нашла верного пути, чтобы спасти «любую среднюю американскую семью от разорения, вызываемого катастрофическими заболеваниями». А сотрудник «Фонда по изучению здоровья» некий К. Уильямсон подсчитал, что в течение одного года 6 миллионов американских семей затратили на медицинское обслуживание от 10 до 19 процентов своего дохода, 3 миллиона — от 20 до 90 процентов, 500 тысяч семей израсходовали больше, чем заработали, и 8 миллионов семей задолжали врачам свыше 1 миллиарда долларов.

Нетрудно догадаться, почему руководители Американской медицинской ассоциации, объединяющей почти четыре пятых частнопрактикующих врачей, упорно противятся «социализации» медицины — так называют они предложение ввести государственную систему медицинского обслуживания.

Поставить пломбу на зуб стоит в Америке 15—20 долларов. За операцию по поводу аппендицита надо уплатить хирургу 150—160 долларов, да еще по счету за больничную койку, за лекарства и т. д.

Роды в стационарных условиях обходятся обычно в 400—500 долларов. «Поднять» такой расход, понятно, не под силу многим рабочим и мелким служащим.

Попробуем нарисовать картину того, что претерпевает заболевший рядовой житель США. Убедившись, что в его кошельке есть 10—15 долларов, он отправляется к частнопрактикующему врачу. Но ведь самый опытный специалист подчас не может поставить правильный диагноз без рентгеновского снимка, анализов крови, желудочного сока и т. д. За них надо отдать в лаборатории и у рентгенолога минимум долларов двадцать пять.

Но вот дело обернулось плохо, и надо лечь в больницу. К вашим услугам сколько угодно лечебниц, а в них любые палаты — на одного, на двоих, на пятерых, на двадцать человек. Цена тоже разная: от 40 до 70 и больше долларов в неделю. Прежде чем выбрать, куда лечь, опять надо заглянуть в кошелек.

Но и в больнице часто бывает нужно вызвать какого-нибудь специалиста. Уходя, он выпишет рецепт (ох, эти дорогостоящие лекарства!) и учтиво спросит: надо ли прийти еще и когда: завтра, через день, через неделю?

Даже на больничной койке средний американец предается мрачным размышлениям о том, хватит ли его скромных сбережений на оплату больничного счета, где не забудут скрупулезно, до цента, вычислить стоимость ухода, еды, лекарств, клизмы, банок, даже марки, которую наклеили на посланное врачу письмо.

Горе, если еще надо сделать операцию! Тут расходы возрастают в геометрической прогрессии.

Не случайно средний срок пребывания больного в американских частных лечебницах не превышает 5—7 дней. Лечиться дольше бюджет не разрешает! Едва восстановив хоть сколько-нибудь силы, больной уходит из стационара.

Члены делегации советского Красного Креста В. П. Похвалин, профессор Г. А. Митерев, Н. И. Чикаленко в одной из школ города Торонто (Канада) среди юных членов канадского общества Красного Креста.

Мы часто слышали о том, что в США существует и бесплатная медицинская помощь. Порядок ее таков: если болезнь заставила вас лечь на больничную койку, а скудного заработка не хватает на оплату счетов за лечение, родственники могут обратиться за помощью в местный муниципалитет. Следует довольно унизительная процедура проверки вашего имущественного положения — и наконец муниципалитет соглашается принять расходы на свой счет. Изменятся соответствующим образом и уход и обслуживание.

В большинстве своем американские врачи — довольно обеспеченные люди. Один молодой специалист, практикующий в сельской местности, доверительно сообщил мне, что зарабатывает до 1 000 долларов в месяц. Он мечтает через несколько лет скопить тысяч 20—25 и... купить себе хорошую практику в каком-нибудь городе.

— А в науку вас не тянет? — спросили мы у другого врача.

— Я ведь человек семейный, семью надо содержать, — развел руками наш собеседник.

Профессора в медицинских колледжах получают гораздо меньше, чем может заработать частнопрактикующий врач.

Впрочем, стать врачом в США не так просто, особенно для необеспеченных. Сначала надо кончить 12 классов средней школы и последние 5 лет платить за обучение. Потом поступить в высшую школу и 6 лет сюда также вносить плату. Окончив обучение, молодой врач 3 года должен бесплатно стажировать в больнице. И только потом он получает диплом, разрешающий самостоятельную практику.

Но ведь практику надо еще купить! Снять квартиру, обзавестись инструментарием, мебелью!

Да, тернист в США путь к врачебной специальности, хотя двери колледжей формально открыты для всех желающих!..

Во всякой стране — свои патриоты. В США тоже очень много людей, горячо любящих свою страну, гордящихся ее достижениями. Я хорошо понимал, сердцем понимал наших внимательных и весьма радушных хозяев, которые искренне хотели показать нам все самое лучшее, все то, о чем можно спросить: «Ну как?» — и заранее знать, что последует одобрительный ответ.

Но, кроме этого яркого, огромного, что выставлено всем на удивление, мы увидели и другую, пользуясь крылатыми словами Ильфа и Петрова, одноэтажную, будничную Америку. И, может быть, именно она — простая — наполнила нас теплым, дружеским чувством к талантливому, трудолюбивому и, наверняка, миролюбивому американскому народу. Мы увидели, что за рекламным блеском и суетой бизнеса скрываются свои горести, трудности и свои надежды. Там такие же, как и в любой другой стране, любящие и озабоченные матери, хлопочущие с утра до вечера по дому; такие же чудесные детишки, приносящие в дом веселый лепет и... страх за их будущее; такие же заботы о здоровье близких, о счастье вышедшей замуж дочери, о спокойствии и мире на земле.

Американские ученые-медики, как и мы, настойчиво работают над жгучими проблемами борьбы за человеческое здоровье. И при всей разнице в подходе к этим проблемам, движимые подчас очень несхожими побуждениями, они своими путями идут к решению тех же задач.

Я помню, как после многочасового ознакомления с одним из блестяще оснащенных институтов, в лабораториях которого представлены едва ли не все новинки медицинской техники, мы вместе с хозяевами, немножко уставшие и возбужденные, заговорили о полиомиэлите, о раке. И как-то сразу растаял холодок официальной строгости, все наперебой заговорили о тяжелых утратах, которые приносят эти болезни, о еще не увенчавшихся успехом поисках радикальных средств против них.

— Ни у нас, ни у вас нет еще пока претендента на золотой памятник за победу над этими недугами! — задумчиво и грустно сказал один седой профессор.

И стало ясно, как, в сущности, хорошо бы покрепче объединить усилия двух больших наших народов в борьбе за лучшее завтра на земле.

БИОГРАФИЯ ПЕСНИ

Ему 57 лет. Для человека это не мало. Его песням — 50 лет. У песен нет возраста, а поэтому иногда 50 лет для песни — дряхлость, иногда — зрелость. Его песни, песни молодости его поколения, обретают молодость с каждым последующим поколением.

Об этом, как раз об этом, о вновь приходящих революционных поколениях, которые нуждаются в его песнях, написали недавно немецкие комсомольцы Эрнсту Бушу.

Ровно 50 лет назад на маевке в Киле вперед вышел семилетний сын местного штукатура и спел одну строфу «Интернационала». С того дня ни одна стачка, ни одна рабочая демонстрация не обходились без звонкого голоса Буша. Он и в профессиональный театр пришел из рабочих колонн: молодого запевалу услышал на улице режиссер Кильского театра и пригласил к себе. В то время Эрнст Буш был рабочим судостроительной верфи. И куда бы ни посылала Буша жизнь, песня шла с ним.

Эрнст Буш — человек очень разностороннего таланта. Театральные подмостки знают его как драматического актера, как певца, как импровизатора. Однажды писатель Эгон Эрвин Киш пошутил: «Из одного этого Буша можно собрать целый театр». Тогда еще Киш не знал, что позднее встретит Эрнста Буша и его песню совсем на других дорогах, отнюдь не театральных. А дороги песен Буша были трудны.

Он подружился с поэтом Бертольтом Брехтом и композитором Гансом Эйслером, и втроем они создали песни, которые сами по себе стали бойцами в пикетах стачечников, в колоннах узников концлагерей, в рядах антифашистов.

Те, кто помнит Москву 30-х годов, Москву — сердце рабочего интернационализма, не могут не помнить Эрнста Буша и его песен, ибо они олицетворяли братскую солидарность. Тогда, после фашистского переворота на его родине, после эмигрантских скитаний по Европе, Эрнст Буш приехал в Москву. И тоже надолго запомнил ее дружеское участие, многие встречи и знакомства, беседы с новыми друзьями о судьбах мира.

А потом, когда шли сражения за судьбы мира на берегах испанской реки Тахо, статьи Кольцова и Эренбурга плечом к плечу вместе с песнями Эрнста Буша и Поля Робсона выходили в бой против фашизма. Тогда Эгон Эрвин Киш, который тоже был в те годы в Испании, писал о песнях Буша: «Когда в госпиталях или окопах запевают Робсон и Буш,— им подпевают сотни».

В Испании Буш пел и сражался. И как бойцы Интернациональной бригады бережно и скупо собирали оружие, которого не хватало,— Буш собирал песни: в них тоже была нужда. В Барселоне Буш выпустил пять сборников песен народов, сражающихся с фашизмом.

Мы знаем, что песни умеют стоять в пикетах, умеют воевать, умеют врачевать раны. Но песни и предстают перед судом. И приговор песне — это или позор певца или его бессмертие. Во время войны с гитлеризмом вишистские правители Франции после заключения Буша в лагере Интербригады выдали его гитлеровцам. Он был посажен в одиночную камеру Моабитской тюрьмы с обвинением «в распространении коммунизма в Европе с помощью песен». Таким приговором можно было гордиться. И здесь, в застенках Моабита, не умерла его песня. Она жила, перестукиваясь морзянкой заключенных с несгибаемой песней Мусы Джалиля. Песни помогали людям выстоять, ибо, по словам Буша, «их поддерживали два витамина — ненависть и месть».

Еще в лагере Буш сложил песню, которая называлась «Между морем и колючей проволокой» — о жизни узников концентрационных бараков, зажатых между морем и лагерной оградой. От них ветер и песок пытаются заслонить небо и солнце, но не могут этого сделать, ибо тот, кто познал пафос борющейся Испании, не может потерять надежды.

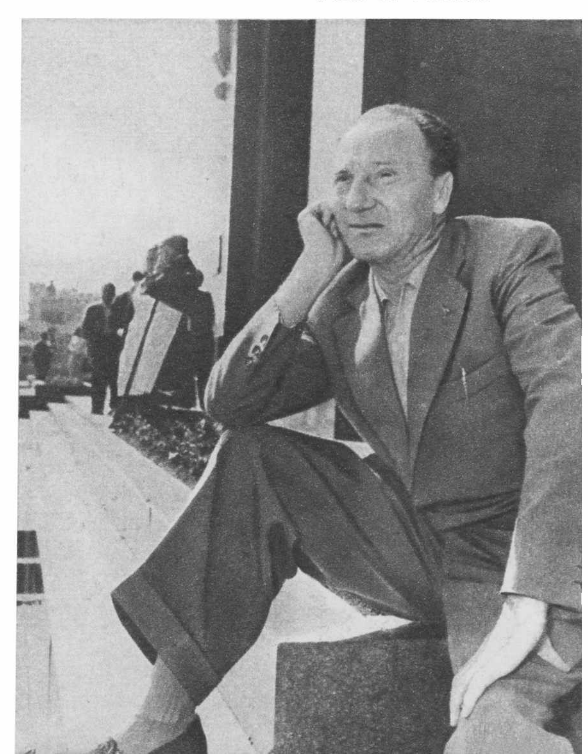
Что значили эти песни для людей, можно понять, прочтя письма к Бушу десятков жертв фашизма. Недавно он получил письмо из Риги от 62-летней Марии Кузнецовой. «Я слепая,— писала эта женщина.— Слепая с войны. Фашисты сожгли мой дом в Либаве и заживо похоронили всех моих близких. Сейчас я живу одна, и когда мне особенно тяжело, я играю на рояле Ваши песни, дорогой Буш. Приезжайте в Ригу — мой дом и мое сердце открыты для Вас, сын мой!»

Буш не погиб чудом. Но и чудо было жестоким: во время американской бомбежки Буш был тяжело ранен в камере. Десять дней в мертвецкой Моабита, тюремный лазарет, но он все-таки выжил. И тогда снова встретился с Советской страной: она пришла на танках, освободительница и победительница их давнего общего врага — фашизма.

А недавно Москва увидела его опять: со сцены гастролирующего театра «Берлинский ансамбль» звучал голос Буша. Вместе с театром, основанным его другом и соратником Бертольтом Брехтом, Буш снова сражается за гуманизм, зовет к бдительности, которая не даст возродиться фашизму. Сражаясь искусством драматического актера, он сражается и песней. Песней с биографией пропагандиста и солдата.

ГАЛИНА ШЕРГОВА

Эрнст Буш в Москве.
Фото Е. Умнова.

ЖИВОПИСЬ „ГОХУА"

Мартын МЕРЖАНОВ

Когда смотришь на витиеватый рисунок раскидистых крон, острые, ломаные линии гор, нежные, расплывчатые краски лотоса, кажется, что в китайской живописи много нарочито стилизованного. Но это — лишь первое и очень обманчивое впечатление. В действительности же в основе китайской живописи лежит реальная жизнь — жизнь родной природы, которую художники отображают очень тонко, притом не впадая в натурализм и не делая свои произведения похожими на фотографии.

Формы изобразительного языка китайских художников весьма разнообразны, но все они, несомненно, являются реалистическими в самом широком понимании слова. Можно сказать, что здесь применимо изречение древней народной мудрости: «Смотря на внешний мир, изучай природу, но ключ успеха ищи в своем сердце».

Реализм в изобразительном искусстве Китая — вековая традиция, бережно охраняемая и по сей день.

Народный художник Ци Бай-ши по-своему и очень метко определяет отношение к формализму и натурализму: «В живописи мастерство находится на грани сходства и несходства; полное сходство слишком вульгарно, несходство — обман».

Это определение может быть отнесено не только к методу творчества самого Ци Бай-ши, но и большинства современных живописцев Китая. На формуле Ци Бай-ши сходятся многие видные художники Пекина, Шанхая, Ханчжоу, хотя они, быть может, и по-разному выражают и отражают реальную действительность.

Обо всем этом я невольно вспоминал в залах Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина — на выставке современной китайской живописи «Гохуа». Здесь можно было увидеть произведения разных творческих стилей и убедиться в том, что художники, воспитанные на блестящих образцах народного искусства, сумели найти такие реалистические формы, которые не стали ни вульгарной копией, ни искажением увиденного.

Прежде всего об этом говорят произведения самого Ци Бай-ши, представленные пятью свитками, исполненными на бумаге. Ци Бай-ши принадлежит к тем художникам, которые по праву могут сказать, что они учились у природы. Ци Бай-ши любит природу, познал ее в тончайших деталях и предлагает свое видение окружающего мира. Он рисует с таким мастерством, которое делает манеру его письма незабываемой. Художнику удается с поразительной правдоподобностью передать покой уток под лотосом или тревогу орла, сидящего на сосне, посвоему увиденные краски пиона, тыквы, бамбука, лимона...

Мне однажды довелось побывать у Ци Бай-ши и видеть, как этот мудрый старец, живущий без малого сто лет, твердо держит в руках кисть. Он придает даже своим иероглифам художественную форму и гордится этим. Както Ци Бай-ши сказал французскому писателю Клоду Руа:

— Я не уверен в своем таланте живописца, но уверен, что потомство воздаст мне должное за красоту письмен...

Ци Бай-ши создал свою школу. Это легко было заметить, побывав в мастерских китайских живописцев, в выставочных залах, в классах китайского художественного института.

Но ученики Ци Бай-ши — не слепые его подражатели. И если внимательно посмотреть на работы более чем 90 художников, экспонированные в Москве, то легко можно убедиться, что каждый из них имеет свою творческую манеру и стиль, присущий только ему.

Художники «Гохуа», традиционной национальной живописи, обычно рисуют картины без фона. Это никак не уменьшает реалистичности произведения, но зато обращает внимание на главное и дает простор воображению.

В прошлом китайские художники, учась у природы, увлекались изображением цветов и птиц. В этом они достигли большого совершенства. Художник Юй Фэйань, работы которого показаны на выставке, рассказывал мне, что старый педагог учил его не тому, как держать кисть и делать мазки на бумаге или шелку.

— Он требовал, — говорит художник, — чтобы я сам сажал и растил цветы, следил за меняющейся их формой. Он требовал пристального наблюдения за поведением птиц... Тридцать лет разводил я голубей, ухаживал за ними, изучал их облик, навыки, повадки. Теперь мне приятно и легко писать...

Многие современные художники ищут пути изображения человека. В Шанхае я встречался с Хэ Тянь-цзянем — автором многих замечательных картин, написанных цветной тушью. Он показал свои работы, в которых поражало умение найти и показать ясные, простые линии гор, мягкие полутени ущелий, прочерченные стволы деревьев и черноту листвы, будто случайно брошенную на бумагу кистью художника. Подчас его картины пленяли суровым величием природы, и в каждой присутствовал человек, маленький человек в сравнении с громадами, нависшими над ним. Но художник рисует всегда человека в движении, в смелом порыве, идущего вверх, побеждающего высоту, покоряющего природу.

Эту замечательную особенность живописца можно наблюдать и в картинах, привезенных в Москву.

Но если говорить о человеке в современной национальной живописи «Гохуа», то следует особо сказать о замечательном, своеобразном художнике Цзян Чжао-хэ, чьи работы привлекли всеобщее внимание. Я имею в виду огромную картину «Беженцы», или, как она иначе называется, «Национальное бедствие».

Картина написана около пятнадцати лет назад, в годы, когда китайский народ изнемогал под японской пятой. Страдания людей переданы с исключительной силой. Их много: старики, женщины, дети. Они голодны и худы. Видимо, была бомбежка. Глаза людей полны ужаса. Есть среди них уже мертвые...

Художнику удалось взволнованно рассказать о переживаниях людей, попавших в беду. Каждый человек — характер. Рисунок выразителен, линии словно оживают.

Картину эту Цзян Чжао-хэ писал много лет. Получился длин-

Деталь картины Цзян Чжао-хэ.

НА ВЫСТАВКЕ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ

Цзян Чжао-хэ. МАЛЕНЬКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА.

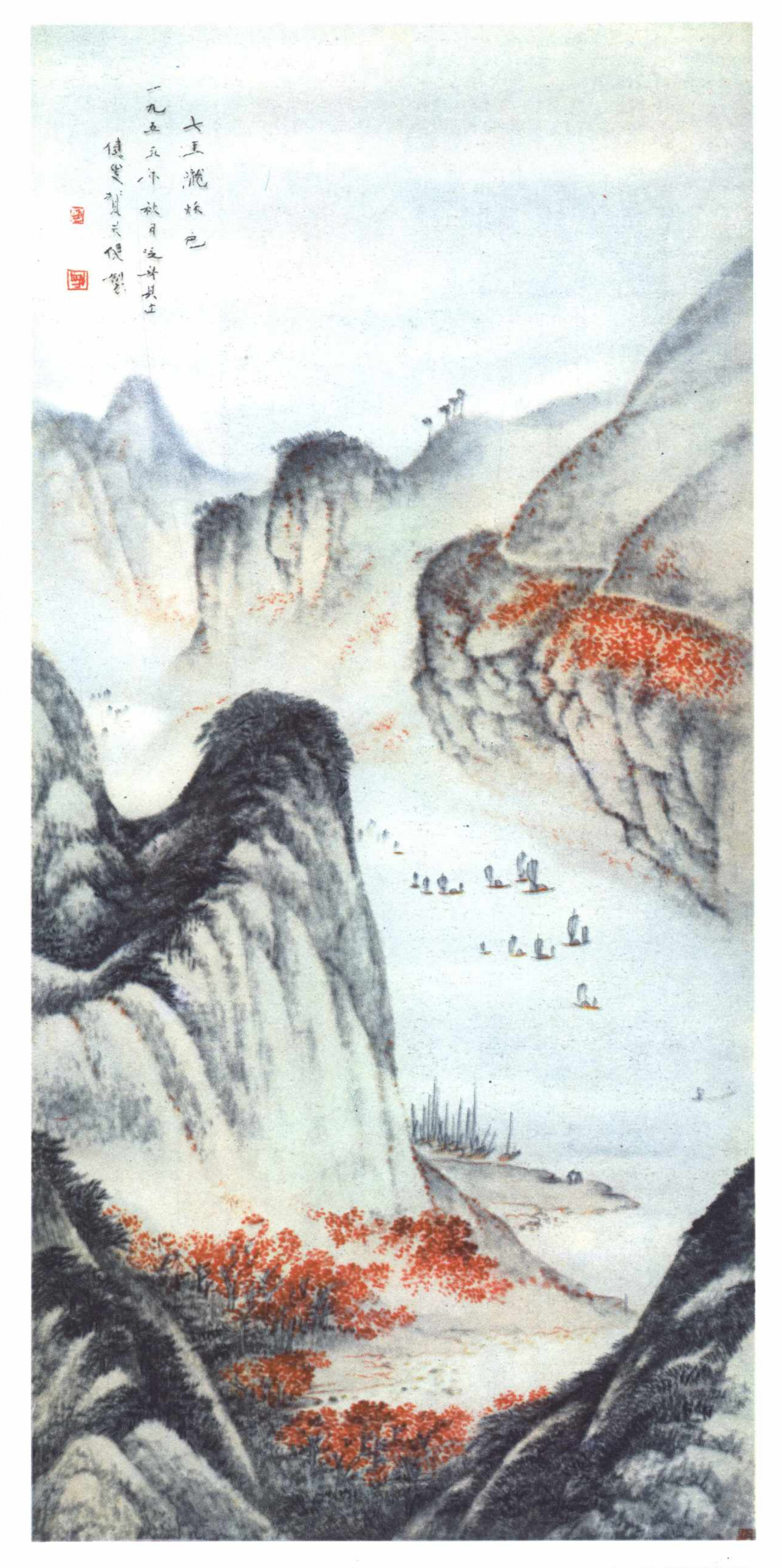
Ци Бай-ши. ЛОТОС И УТКИ «ЮАНЬЯО».

Лян Хуан-чжоу. СВИДАНИЕ

Чжоу Чан-гу. НА ПУТИ ДОМОЙ.

Хэ Тянь-цзянь. ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ В ЦИЛИЛУ.

Юй Фэй-ань. МАГНОЛИЯ И ИВОЛГИ

ный свиток. Разложив его на полу своей мастерской в Пекине, художник постепенно открывал перед нами трагедию китайского народа. Мы стояли, зачарованные картиной, ясностью и духовным величием изображенных на ней людей. На всех присутствующих она произвела сильное впечатление и надолго осталась в памяти.

Помню, я обратил внимание на повреждения картины: подтеки, рваную бумагу, помятости. Огромный этот свиток направлялся в Москву, но художник и не пытался реставрировать его. На недоуменный взгляд он ответил:

— Пусть она останется такой. Картина много пережила, и зрители должны видеть ее раны...

Затем в задушевной беседе Цзян Чжао-хэ поведал историю свитка.

Задумал он его давно. Судьбы бедных людей с юношеских лет привлекали его внимание. В молодости Цзян жил в Шанхае и увлекался рисованием. Ему изредка удавалось покупать репродукции работ великих художников: Рембрандта, Микельанджело, Леонардо да Винчи. Большое впечатление на молодого художника произвели «Бурлаки» И. Репина.

Находясь под впечатлением репинского творения, Цзян Чжао-хэ написал первую свою картину маслом. Называлась она «Семья рикши». На берегу реки Хуанпу, на фоне огромных, многоэтажных зданий и красивой зеленой улицы, на асфальтовом тротуаре расположился рикша с семьей. Он оборван, почти гол. Жена и дети тоже. Перед ними пустая посуда — консервные банки. Ничего нет. Тележка брошена в стороне.

Это полотно, написанное с большим настроением, попало на выставку и привлекло внимание бедного люда. Художник увидел толпу у своей картины и задумался. Теперь он знал, что ему писать. «Семья рикши» была началом, определившим творческий путь художника.

Эта и другие его картины были подготовкой к большому полотну «Беженцы», которое как бы завершило тему. Японская интервенция давала слишком много поводов для того, чтобы живописец не отступил от вдохновлявших его сюжетов. Он писал «Беженцев» с волнением. В картине чувствуется горение творческого труда художника, любовь к народу, горечь за судьбу бедноты.

И когда свиток был готов, Цзян Чжао-хэ выставил его в Доме культуры в Пекине. По существу, это был вызов японским властям. Картина взволновала пекинцев и встревожила полицейские власти. Тысячи людей шли в Дом культуры, наряды полиции усиливались. Наконец было объявлено: «Картина разлагает японских солдат, ее нужно снять». Цзян бережно скатал тридцатиметровый свиток и привез его домой. Картина, начавшая свою политическую жизнь, была запрещена.

Когда страсти несколько улеглись и полиция забыла об инциденте в Доме культуры, художник весной 1945 года отвез ее в Шанхай. Власти насторожились: что за картина? И только после того, как художник пожертвовал весь сбор в пользу сирот, градоначальник разрешил выставить свиток, но не больше чем на неделю. Он вскоре пожалел об этом и понял, что просчитался. Рабочие шанхайских предприятий повалили к выставочному залу. У картины возникали групповые беседы, которые походили на митинги. Полиция испугалась.

В эти дни к художнику пришел некий Ван Дзун-тау и сказал:

— Ваша картина производит глубокое впечатление. Ее хочет посмотреть генерал. Нужно отправить свиток ему на квартиру.

— Но ведь генерал мог бы приехать на выставку, — заметил художник.

— Не может, — последовал ответ.

Картину увезли.

Цзян Чжао-хэ думал, что свиток вскоре вернут. Ждал. Нервничал. Потом ему намекнули, что свиток он не получит, а лучше бы подумал о том, как убрать ноги из Шанхая.

Художник уехал с болью в сердце. Картина пропала.

Спустя десять лет, когда и японцы и гоминдановцы были изгнаны из Китая, кто-то, роясь на одном из шанхайских складов, обнаружил свиток. Он пролежал в сыром подвале больше десяти лет и был в ужасном состоянии. В таком виде Цзян увидел свою картину. Слезы показались на его глазах. Бóльшая часть картины — почти 18 метров — исчезла, оставшаяся же часть изранена. Тогда художник подумал, что и свиток его сражался с японскими интервентами наравне с бойцами Народной армии.

Доставленная в Москву, эта картина-солдат красноречиво рассказывает нам о национальном бедствии, а раны ее свидетельствуют об участии в боях.

Произведение Цзян Чжао-хэ, полное страстного волнения, хотя написанное с предельным лаконизмом, пользуется огромным успехом у посетителей выставки. Об этом говорят многочисленные записи в книге отзывов.

Но теперь Цзян Чжао-хэ пишет уже не о горе народном. Освобождение Китая — это и его освобождение. Он видит новую жизнь и ищет новые темы. На пути к ним он сделал несколько свитков, полных оптимизма и радости. Это «Письмо на фронт», «Маленькая учительница» и, наконец, картина «Ребенок и голуби». Она символизирует мирное будущее народного Китая.

Трудно рассказать о всех произведениях, привезенных в Москву. Но хочется отметить стремление художников коснуться современной жизни, увидеть новое в человеческих отношениях. В этом смысле обращают на себя внимание картины: Фан Цзэн-сянь «Дорожить каждым зерном!»; Чжоу Чан-гу «На пути домой»; Ду Чжун-хуа «На базар»; Хуан Цзы-си «Вступление в кооператив» и, наконец, лирическое полотно Лян Хуан-чжоу «Свидание». Не все они равноценны по уровню исполнения, но все свидетельствуют, что у художников, работающих в традициях «Гохуа», появился интерес к познанию новой жизни.

Высокое мастерство показали художники Фу Бао-ши, Ху Жо-сы, Мэй Сюэ-фын, Ван Гэ-и, Дун Юнь-хуэй, У Цзо-жэнь и другие.

Изобразительное искусство Китая, в частности живопись «Гохуа», переживает новый этап своего развития. Художники ищут новые формы изображения, развивая, однако, славные традиции «Гохуа».

БРАТ

Аржан АДАРОВ

Мой брат — кузнец.
Он — чародей у горна.
Ты, друг, таких умельцев
не видал.
Тяжелый молот
мягко и проворно
Послушней воска делает
металл.

Поет металл...
И песня льется в небо.
Рождает молот зубья,
лемеха̀...
Я, наблюдая, думаю:
«И мне бы
Вот так ковать детали
для стиха!»

Но слово тверже всякого
металла.
Не гнется слово...
Этакий сырец!
— Ты стих, видать,
накаливаешь мало! —
Сказал мне, улыбаясь,
брат-кузнец.

Перевел с алтайского
Иван ФРОЛОВ.

Из какой тучи гром?

Есть люди, которые на весь окружающий мир взирают с кислым видом: все плохо, все не так!

Появляется новая поэма. Сейчас же брезгливая мина:

— А! Это не Пушкин.

Появляется новый рассказ. Та же мина:

— А! Это не Тургенев.

Создается новая театральная постановка:

— А! Это не Художественный театр.

Жить таким людям тяжело, а смотреть на них со стороны скучно.

В 1956 году появилась в нашем журнале поэма Алексея Маркова «Михайло Ломоносов» — плод многолетнего труда молодого поэта. Дать поэтический портрет великого Ломоносова, чей светлый гений озарил Россию бессмертной славой,— дело нелегкое. И поэт, поставивший перед собой такую благородную цель, заслуживает уважения и поддержки.

Поэма «Михайло Ломоносов» произвела впечатление труда большого и искреннего не только на редакцию журнала «Огонек», предоставившего Алексею Маркову свои страницы. О поэме после появления ее в нашем журнале положительно отозвались газеты «Известия», «Труд», «Комсомольская правда», «Литературная газета». Признали ее и читатели. Редакция «Огонька» получила много писем, в которых простые советские люди тепло приветствовали рождение поэмы и творческое становление молодого автора.

Однако патриотическая поэма эта вызвала ожесточение у товарища Е. Вентцель. Можно было не обратить внимания на это обстоятельство, если бы редакция журнала «Звезда» не предоставила любезно свои страницы для громовой статьи Е. Вентцель, в которой автор поспешил излить свое ожесточение и в адрес А. Маркова и в адрес «Огонька».

Не затрудняя себя доказательствами, Е. Вентцель награждает поэта и его произведение эпитетами, взятыми из лексикона мастеров критической дубинки. Если поверить Е. Вентцель, то вся поэма состоит из «исторических нелепостей», «грамматических ошибок», «языкового сумбура», «сумбура логического»; автор сочинил стихи «пародийные», «курьезные», «комические», «тривиальные», «беспомощные», представив читателю вместо литературного произведения «словесное месиво», «словесные нагромождения», «рекорд нелепости», «немыслимые обороты». При этом бедняга А. Марков утерял «всякое чувство языка» и продемонстрировал «полное незнакомство с азами церковнославянского и древнерусского языков».

Словом, как у А. К. Толстого в его поэме «Поток-богатырь»:

Шеромыжник, болван, неученый
холоп!
Чтоб тебя в турий рог
искривило!
Поросенок, теленок, свинья,
эфиоп,
Чертов сын, неумытое рыло!
Кабы только не этот мой девичий
стыд,
Что иного словца мне сказать
не велит,
Я тебя, прощелыгу, нахала,
И не так бы еще обругала!

В поэме Алексея Маркова 2 346 строк. По мнению Е. Вентцель, все они решительно никуда не годны. «Возьмем любое место в поэме...» — утверждает Вентцель. В ослеплении запальчивости Е. Вентцель ничтоже сумняшеся авторские ремарки приписывает Ломоносову, чтобы было смешнее и ядовитее. Возмущаясь тем, как А. Марков излагает учение Ломоносова, Е. Вентцель столь же саркастически, сколь неуклюже, сравнивает это с попыткой описать в стихах «теоремы Пифагора или периодическую таблицу Менделеева». Для того, чтобы изничтожить поэта и пригвоздить его к позорному столбу невежества, Е. Вентцель приводит в виде доказательства отдельные строфы поэмы, отбрасывая в сторону ее идею, чувства автора, строй его мысли — отбрасывая все, что взволновало читателей. «Все плохо, все никуда не годно в поэме Маркова!»— таков приговор Е. Вентцель!

Мы не склонны утверждать, что в поэме все хорошо: есть в ней неудачные строки и образы, длинноты. И если бы критик деловито и спокойно, без злопыхательства и ожесточения подверг бы разбору (а не ругани!) поэму, и автор и редакция «Огонька» были бы только признательны. Но Е. Вентцель с усердием, достойным лучшего применения, спешит вместе с водой выплеснуть и ребенка. Намерение не из почтенных!

Разделавшись начисто с А. Марковым, критик принялся за редакцию журнала «Огонек». В чем же мы провинились в глазах Е. Вентцель? Во-первых, конечно, в том, что нам понравилась поэма А. Маркова, во-вторых, в том, что мы ее напечатали, а самое главное,— что мы присудили А. Маркову премию «Огонька»!..

Каемся! Верно пишет Е. Вентцель. Понравилась нам поэма «Михайло Ломоносов». И, по нашему убеждению, для этого имеются должные основания.

Что касается премии, то редакция, следуя традициям журнала, присуждает ее ежегодно тем авторам, чьи произведения получили наилучшие отзывы.

В заключение позволим себе привести несколько читательских откликов на поэму А. Маркова. «Главное, что волнует в поэме,—это вера в талантливый русский народ, который, несмотря на все трудности своей судьбы, идет вперед и несет светоч лучшей жизни для всех народов мира»,— писала нам Н. Александрова. «Поэма хороша. В ней чувствуется творческое волнение (то, чего так не хватает ряду наших поэтов), тот самый внутренний огонек, без которого невозможно создать что-то ценное»,— писала севастопольская учительница Динабурская.

Поэма А. Маркова — прежде всего поэма о русском народе, о его величии и громадных испытаниях, о его трудолюбии и многогранной одаренности. Такую оценку дают в своих письмах инженер Сметанников, академик Терпигорев и многие, многие другие.

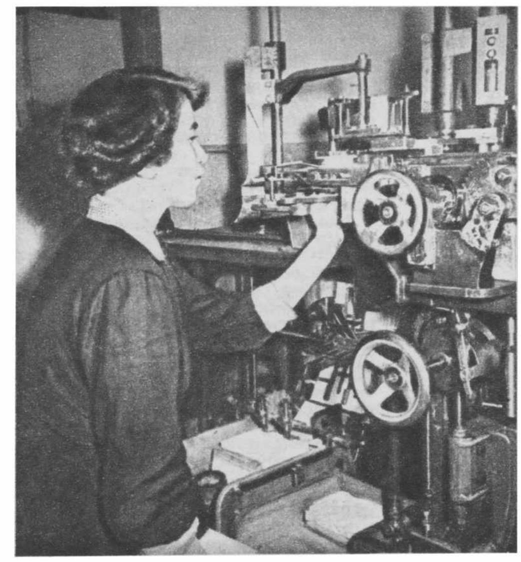
Но эти качества поэмы остались незамеченными Е. Вентцель.

Ничего не поделаешь! Каждый видит то, что он хочет видеть.

Спортсмены комбината имени В. Кингисеппа на тренировке.

ЗАВОДСКИЕ ЧЕМПИОНЫ

Легкоатлетка Виви Райд работает на машине, производящей конверты.

Лууле Калдвее тренируется на велосипеде. С ней занимается чемпион завода Х. Юхтсалу.

Фото С. Розенфельда.

На целлюлозно-бумажном комбинате имени В. Кингисеппа в Таллине много хороших спортсменов. Это и не удивительно. Здесь работает восемнадцать спортивных секций, а в них занимается больше трехсот физкультурников. Есть среди них способные спортсмены, достигшие высоких результатов.

Ян Роотс работает на лесопилке. Он увлекается борьбой и начал заниматься у опытного Ю. Лооару — слесаря целлюлозного цеха. Уже в июле прошлого года Роотс участвовал в матчах со спортсменами Ленинграда и Белоруссии и одержал победу над мастерами спорта Ольдиным и Коршуновым. Он вышел также победителем над восемнадцатью борцами-перворазрядниками. Теперь Ян Роотс — член сборной команды республики, руководит на комбинате секцией борьбы. Он стал мастером спорта.

Лууле Калдвее пока не установила ни республиканских, ни заводских рекордов. Она еще не выбрала определенного вида спорта. Лууле увлекается легкой атлетикой, волейболом, художественной гимнастикой, велосипедом. Она тренируется круглый год. Зимой в одной из комнат клуба на роликах установлен велосипед. И Лууле, не двигаясь с места, «мчится» на нем.

На комбинате есть удивительная машина, делающая конверты. Она кажется многоруким живым существом. Металлические «руки» намазывают конверты клеем, складывают их, прессуют, сушат, собирают в стопки и даже отсчитывают в пачки. И все же эта умная машина нуждается еще в быстрых руках и внимательных глазах девятнадцатилетней Виви Райд.

Легкая атлетика — второе призвание Виви. Она пришла на завод в прошлом году, сразу же по окончании средней школы, и уже в августе участвовала в соревновании. Виви Райд показала хороший результат по прыжкам в высоту и сразу стала в шеренгу лучших спортсменок республики.

Хороших показателей добился штангист Эндель Ясси. Он же увлекается и легкой атлетикой. Его успехи по толканию ядра и метанию диска зафиксированы в республиканской таблице рекордов.

Хельви Вейноя — абсолютная чемпионка завода по плаванию, чемпионка по лыжам, играет в волейбол.

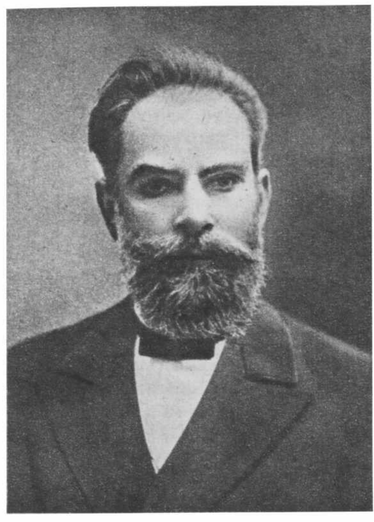
Жаль, что у этого хорошего физкультурного коллектива нет своего стадиона.

Горисполком вручил коллективу спортсменов свое знамя, но земли под стадион до сих пор не отвел.

Физкультурники завода говорят: была бы земля, мы стадион сами быстро построим.

Н. ХРАБРОВА

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ МАТЕМАТИК

Трех сыновей, прославившихся в различных областях отечественной культуры, дала семья русского астронома, директора Демидовского лицея М. В. Ляпунова. Младший сын, Борис, внес немалый вклад в славяноведение и историю русского языка; средний сын, Сергей, известен как видный композитор, пианист и дирижер; старший из сыновей, Александр, столетие со дня рождения которого отмечается 6 июня, вошел в историю науки как выдающийся математик и механик.

Воспитанник Петербургского университета, он унаследовал лучшие традиции математической школы, созданной великим П. Л. Чебышевым. В 1885 году А. М. Ляпунов успешно защитил в университете магистерскую диссертацию «Об устойчивости эллипсоидальных форм равновесия вращающейся жидкости», которая сразу обратила на себя внимание русских и зарубежных ученых. Эта работа А. М. Ляпунова была посвящена очень важной задаче небесной механики.

А семь лет спустя молодой исследователь в Москве защищал вторую диссертацию, докторскую, на тему «Общая задача об устойчивости движения», принадлежащую к числу первоклассных достижений математической мысли XIX века. Небезынтересно напомнить, что оппонентами его были Н. Е. Жуковский и Б. К. Млодзиевский.

Именно этот гениальный труд А. М. Ляпунова явился основополагающим для всего дальнейшего развития теории устойчивости движения. Ценность исследования не только в полученных результатах, но и в тех новых оригинальных математических методах, которые даны в нем. Все работы по теории устойчивости движения отечественных и зарубежных ученых, выполненные после смерти А. М. Ляпунова, основаны на его идеях и методах.

Обе диссертации ученого были переведены на французский язык.

В 1900 году А. М. Ляпунов был избран членом-корреспондентом Академии наук, а через год — ординарным академиком по кафедре прикладной математики, оставшейся вакантной в течение семи лет после смерти П. Л. Чебышева. Нельзя было найти более достойного преемника по академической кафедре для основателя и главы петербургской математической школы. В 1902 году Ляпунов переехал в Петербург и целиком посвятил себя научным исследованиям.

Вплоть до смерти, в 1918 году, Ляпунов занимался теорией фигур равновесия вращающейся жидкости, части которой взаимно притягиваются по закону всемирного тяготения. Чтобы судить о той колоссальной работе, которую проделал Александр Михайлович в этой области, достаточно указать, что серия мемуаров, посвященных этому вопросу, содержит более тысячи страниц большого формата, причем многие формулы дают лишь окончательные результаты вычислений, а все промежуточные выкладки не вошли в печатный текст.

Работы Ляпунова по фигурам равновесия вращающейся жидкости вызвали длительную дискуссию с английским ученым Дж. Дарвином, которая закончилась полной победой русского математика. Впрочем, на западе еще продолжали сомневаться, на чьей стороне истина. Только в 1917 году, после опубликования работы Джинса, зарубежные ученые признали правоту Ляпунова. Джинс обнаружил дефект в вычислениях Дж. Дарвина.

А. М. Ляпунов осуществил также ряд ценных работ в области математической физики и теории вероятностей.

Ученые заслуги А. М. Ляпунова получили широкое признание. Он состоял почетным членом Петербургского, Харьковского и Казанского университетов, иностранным членом Академии наук в Риме, членом-корреспондентом Парижской академии и членом ряда научных обществ.

А. ГРИГОРЬЯН,
кандидат физико-математических наук

Сербия. Курортное место Златибор.

2 июня исполняется два года со дня подписания Белградской декларации СССР и ФНРЮ

НА ДОРОГАХ ШУМАДИИ

Сергей КРУШИНСКИЙ

Шумадия — сердцевина сербской земли,— часто говорят в Югославии. На карте административного деления такого края не существует. Зато в народных преданиях и легендах, в истории страны, в сердцах людских для Шумадии всегда есть место. Шум — значит лес. Здесь, среди лесов, раскинулись первые станы пришедшего с востока славянского племени.

На северной границе Шумадии, у слияния Савы и Дуная, расположен Белград с его многочисленными предприятиями машиностроительной и легкой промышленности.

Расходясь лучами, от Белграда шоссейные дороги ведут к многочисленным старым и новым индустриальным центрам. Красивейшая дорога идет на юго-восток. Она вьется по невысоким, но крутым холмам и то взлетает вверх — и тогда перед тобой открываются бесконечные дали, тонущие в мягкой синеве осеннего дня, то опять ныряет в долину, в тесноту садов и виноградников, скользя меж ними.

Крестьянские дома в этом крае прячутся в садах, так что не вдруг и поймешь, в большом ты находишься селе или в маленьком.

Но вот впереди, выстроившись вдоль по Дунаю, встают старинные крепостные башни и заводские трубы. Они как будто смотрятся в затуманенное зеркало могучей реки. За ними теснятся улицы города Смедерево.

Смедерево — один из типичных городов Сербии. Есть у города своя древняя история. Полтысячелетия тому назад при завоевании Сербии турками здешняя крепость пала последней (в 1459 году). Есть и своя новая история. Прологом к ней был взрыв колоссальной силы.

Весной 1941 года, разоружая сербскую армию, гитлеровцы свезли в Смедерево и укрыли в стенах старинной крепости огромную массу боеприпасов — патронов, снарядов, авиабомб. Работали в арсенале военнопленные сербы. Вдвойне должна быть тяжелой неволя на собственной земле. В первых числах июня гитлеровское командование распорядилось транспортировать боеприпасы на восток, в направлении советских границ, а 5 июня арсенал взлетел на воздух.

Тайна взрыва до сих пор не раскрыта полностью, но никто не сомневался, что он грянул, как грозное предупреждение о том, что югославский народ не смирится с рабством.

Новая история Смедерева отмечает также, что это был один из первых югославских городов, освободившихся от оккупации в 1944 году. На здешнем металлургическом заводе ремонтировались пострадавшие в бою суда советского военного флота.

Превращение небольшого сербского городка в промышленный центр составляло главное содержание жизни Смедерева и смедеревцев в течение последнего десятилетия.

Тысячи новых жителей пришли из ближних и дальних селений. Они приходили с заплечными мешками, в пастушеской обуви и меховых жилетках. Приходили и воздвигали новые дома, а потом учились жить в них.

В здешней гимназии меня пригласили на урок русского языка в 7-м классе. Вдохновенно говорили смедеревские юноши и девушки о Горьком, читали стихи Пушкина и Лермонтова. Здешняя молодежь учится также в средней технической и в средней индустриальной школах, которые готовят квалифицированных рабочих для местных заводов.

Технический директор смедеревского металлургического завода Слободан Гргурович показывает мне производство — мартены, прокатку листового железа. Он из рабочих. Образование получил лишь после войны, в Чехословакии.

С жизнью города, его заботами, планами меня знакомили секретарь горкома Союза коммунистов Югославии Мома Драгович, председатель срезского комитета Социалистического союза трудового народа Иован Игнатович, оргсекретарь срезского комитета партии Драголюб Арсич. Разговор вышел дружеский и откровенный. Люди, которые каждое утро просыпаются с мыслью о делах города и района, говорили не только о достижениях, хотя они и есть. Они познакомили меня и с трудностями, с нерешенными вопросами.

— У нас в Смедереве острый квартирный голод,— говорили они.— Со времени освобождения построено около тысячи домов, но тем самым лишь возмещен ущерб, нанесенный городу войной. Только теперь начинаем строить «на рост». Только теперь сооружаются водопровод, канализация, оттого-то и изрыты все улицы...

Округлые холмы Шумадии сплошь распаханы, они не сокращают, а увеличивают площадь полей и садов. Но чем дальше на юг, тем отчетливей проступают, сгущаются синие тени над холмами: встают массивы настоящих гор. Наконец дорога подходит к ним вплотную. Здесь, на последнем взлобье перед горной грядой, расположен Крагуевац, промышленный узел и важный центр национально-освободительного движения. Разговор путешественника с местными жителями в Крагуеваце непременно склоняется к октябрьской трагедии 1941 года, когда эсэсовцы казнили здесь около 7 тысяч югославских патриотов. Почтительно склоняешь голову перед памятниками, отмечающими бессмертный подвиг учащейся молодежи. Бунт молодежи против оккупационного режима начался с того, что во всех здешних школах юноши и девушки отказались при встречах с оккупантами вскидывать вытянутую руку. Угрозы не помогали оккупантам. И вот однажды утром, когда классы наполнились детьми, вокруг школ появились эсэсовские патрули. Вслед за тем школьники, начиная с учеников четвертых классов, были согнаны на окраину города. Отсюда их большими группами выводили в балку и расстреливали: 33 группы — 33 залпа. Каждую новую группу вели дальше первой, так что обреченные на казнь видели окровавленные тела своих товарищей.

Теперь вдоль всей балки белеют каменные надгробные плиты с высеченными на них надписями. Вот одна из надписей: «Злодейство, совершенное фашистами над патриотами нашего города, вписано кровью в историю мира».

О крагуевацких учителях следовало бы написать в школьных хрестоматиях всех стран мира. Нам рассказали историю последних минут жизни директора учительской школы Мило Михайловича. Он пришел к месту казни. Фашист, из числа предателей, хвастливо заявил, что от него теперь зависит, останется ли учитель в живых. «В таком случае я не желаю остаться в живых,— отвечал старый учитель.— Это мои дети, и я предпочитаю умереть вместе с ними».

Чуть поодаль от балки смерти стоит обелиск. Высеченная на нем надпись с эпической суровостью рассказывает: «Здесь похоронены бойцы Советской армии, которые 21 октября 1944 года отдали свою жизнь, борясь вместе с частями народно-освободительной армии Югославии за изгнание оккупантов из нашего свободолюбивого города, за светлые идеалы свободы, независимости и равноправия народов». Обелиск воздвигнут в 1950 году.

Скоро мы расстаемся с Шумадией. Делиград, Алексинац, названия множества других городков и селений Южной Сербии напоминают об освободительной войне сербов против владычества турецких пашей. Как известно, одной сербской армией командовал тогда русский генерал Черняев. В составе этой армии дрался за освобождение братских славянских народов корпус русских добровольцев. Проезжая памятными местами, я все время был под впечатлением одного документа, показанного мне еще в Белграде в редакции «Борбы». То был большой фотоальбом, запечатлевший эпизоды войны 1876 года. Альбом составлен из подлинных фотографий, наклеенных на картонные листы. Фотографии же эти были сделаны на месте событий русским фотографом И. В. Громанном.

34 редчайших фотодокумента! Тут засняты и передовые дозоры русских добровольцев, и полевые закусочные, и обмен военнопленными, и отправка раненых русских солдат на родину, и занесенные снегом кости павших в бою... С силой истинного художника и правдивостью страстного репортера рассказывает И. Громанн о славных подвигах и горьких утратах русских добровольцев на сербской земле.

Подолгу рассматривал я поля давно отгремевших боев. В некоторых случаях мне, кажется, удалось узнать места, снятые неистовым военным фоторепортером. Всюду и всегда находились среди местных жителей охотники поговорить о событиях старины, сообщить те или иные их подробности, память о которых бережно передается из поколения в поколение.

Разговор незаметно переходит к делам сегодняшним, к строительству новой жизни, к истории последних лет, к событиям, которые легли краеугольными камнями в фундамент советско-югославской дружбы. Насколько можно судить по многочисленным разговорам, общее желание сводится к тому, чтобы дружба между нашими народами, так глубоко укрепившаяся своими корнями в событиях прошлого, развивалась успешно и впредь, а затруднения, встречающиеся тут, как и во всяком большом деле, успешно преодолевались...

Е. К. ФЕДОРОВ,
член-корреспондент Академии наук СССР, Герой Советского Союза

За границей, особенно в Соединенных Штатах Америки, все чаще говорят о «метеорологической войне».

Поджигателям войны мало атомной и водородной бомб, мало химических и бактериологических средств уничтожения: они мечтают о более страшном оружии — о «метеорологической бомбе». По их словам, «метеорологическая бомба» способна вызвать на чужой территории засухи или жестокие ливни, уничтожить на огромной площади урожай, причинять и иной вред.

Один из крупных американских ученых, недавно умерший фон Нейман, не так давно заявлял о том, что человечество через несколько десятилетий сможет вмешиваться в атмосферные и климатические явления, причем это будет происходить в такой мере, что появится возможность «вызывать губительные последствия в некоторых районах земного шара». По мнению Неймана, страшные возможности атомной войны уступят куда более страшным возможностям «метеорологической войны».

Еще ранее, в 1953 году, некий делец Гарри Гугенхейм, издатель и коммерсант, неизвестно за какие заслуги награжденный Американским метеорологическим обществом золотой медалью, заявлял, что «атомная бомба сейчас является наивысшей возможностью уничтожения жизни, контроль над погодой может стать наивысшей возможностью уничтожения средств к жизни».

Гарри Гугенхейм изложил свои соображения о том, как вызвать в СССР засуху или залить нашу страну дождями. Для этого, по мнению Г. Гугенхейма, «достаточно» заслать из Соединенных Штатов в СССР «подходящие реактивы». Транспортировка губительных реактивов, по мнению Г. Гугенхейма, должна производиться воздушными потоками, движущимися в определенных слоях атмосферы с запада на восток. При этом Г. Гугенхейм пытался доказать, что распространение подобных же реактивов из СССР в США через Тихий океан будто бы не даст такого же эффекта.

Нужно сказать, что сейчас нет никаких серьезных научных оснований для утверждения возможности ведения «метеорологической войны».

В основе всех разговоров о «метеорологической войне» лежат характерные для определенных воинствующих кругов Америки преждевременные выводы из некоторых научных исследований, посвященных одной из самых интересных геофизических проблем, стоящих на грани фантазии и действительности,— проблеме активного воздействия на метеорологические процессы.

Дело в том, что в последнее время ученым в разных странах удалось активно воздействовать на некоторые стихийные метеорологические процессы; вмешательство это по своему размеру очень невелико и происходит на малой площади, но этого оказалось достаточным, чтобы дельцы типа Гарри Гугенхейма попытались использовать первые научные достижения в новой области для разжигания военного психоза. Несколько лет тому назад в Соединенных Штатах были созданы широко разрекламированные организации по производству «искусственных дождей». Многие фермеры внесли свои доллары, уповая на то, что «искусственные дожди», вызываемые с неба по первому требованию хлеборобов, сторицей вернут им затраты. Как и следовало ожидать, авантюристические организации, обогатив бизнесменов, лопнули.

Подцепив на удочку рекламы доверчивых фермеров, бизнесмены решили поискать простаков и в политике: начались разговоры о «метеорологической бомбе». Пропаганда этой «бомбы» явно рассчитана на слабое представление о важных метеорологических процессах в природе.

В чем трудности и где лежат возможности воздействия человека на метеорологические процессы?

Прежде всего нужно отметить, что метеорологические процессы обладают огромной энергией и человечество сегодня не в состоянии противопоставить такую же гигантскую энергию для их изменения или прямого преодоления.

В самом деле, летом, после полудня, вы не раз наблюдали образование кучевых облаков, разрастающихся в мощные грозовые тучи. При возникновении и развитии нескольких самых обычных кучевых облаков за каких-нибудь три — четыре часа расходуется около 30 миллионов киловатт-часов энергии. Такое количество энергии может выработать за это же время несколько грандиозных гидроэлектростанций, равных Куйбышевской. Другой пример: энергия ветра, дующего несколько часов со скоростью 20 метров в секунду по фронту всего в 200 километров, равна нескольким миллионам киловатт-часов.

Главный источник энергии метеорологических процессов — солнце. Оно нагревает земную поверхность и атмосферу. На 1 квадратный километр земли за день падает в среднем столько тепла от солнца, сколько нужно для производства (без потерь) около полумиллиона киловатт-часов электроэнергии. Огромная энергия атмосферных процессов является основным препятствием в активном воздействии человека на погоду.

Однако еще в 30-х годах советские ученые тт. Оболенский, Федосеев и другие указали на возможность использования другой важной стороны метеорологических процессов — их необычайной чувствительности в некоторых условиях. Они провели первые научно обоснованные опыты по воздействию на облака и осадки в натуре. В чем тут дело? Движения масс воздуха, их нагревание и охлаждение, испарение и конденсация влаги находятся обычно в состоянии относительного равновесия. Иногда это равновесие становится неустойчивым, и тогда достаточно ничтожного толчка, чтобы равновесие было нарушено и процессы большого масштаба, подобно лавине, рожденной комком снега, «пошли» в ту или иную сторону.

Чтобы образовались облака, кроме водяного пара, нужны так называемые ядра конденсации — микроскопические частицы, на которых начинается образование капель. Этих частиц нужно очень немного: всего лишь несколько килограммов,— чтобы образовались десятки тысяч кубических километров облаков. Столь же чувствителен к ничтожным примесям и процесс кристаллизации переохлажденных облачных капель, играющий большую роль в образовании дождя и снега. Именно чувствительность атмосферных процессов и открывает возможность воздействовать на метеорологические явления, в частности на облака и осадки. После работ в этом направлении советских ученых Оболенского, Федосеева и других ряд широких экспериментальных исследований провели американские ученые Лангмюр, Шефер, Воннегат.

Воздействие человека на развитие облаков сейчас достигло такого уровня, что в советской авиации уже внедряется рассеивание низких облаков и туманов над аэродромами в зимнее время. Известно, что зимой облака при температурах до минус 30° чаще всего состоят из водяных капелек, которые в силу некоторых физических явлений даже при низких температурах не замерзают. Однако такие облака можно заморозить — перевести в кристаллическое состояние. Для этого их посыпают сверху твердой углекислотой — сухим льдом. В виде снега влага выпадает на землю, и облако рассеивается.

При рассеянии облаков образуются осадки, и ученым, впервые воздействовавшим сухим льдом на переохлажденные облака, казалось, что так можно получить искусственный снег и дождь. Осадки действительно получаются, однако в крайне незначительном количестве и настолько слабые, что испаряются в воздухе, не достигнув земли.

Можно ли думать о более серьезном вмешательстве человека в метеорологические процессы — об изменениях не только некоторых особенностей погоды в данный момент на территории небольшого района, но и о создании устойчивых перемен в климате на больших территориях? Это пока остается фантазией.

Советские люди уже сейчас меняют лицо земли. Осушая болота, создавая крупные водохранилища, насаждая леса, советский народ воздействует, пока, правда, в очень небольшой степени, на климатические особенности крупных районов.

Можно представить в будущем и другие пути воздействия на метеорологические процессы в крупном масштабе. Однако если так, то почему же невозможна «метеорологическая война», вправе спросить читатель. Почему же нельзя в будущем изменить — «испортить» — погоду у противника на долгий срок, действуя с большого расстояния?

Конечно, всякое достижение науки может быть использовано во вред людям, однако метеорологические явления всего менее пригодны для этой цели. Метеорологические и гидрологические процессы, определяющие погоду и климат в любом месте, представляют собой весьма сложный комплекс взаимно связанных и быстро протекающих явлений, охватывающих весь земной шар. Если какая-либо страна попытается искусственно вызвать дожди или засуху у своего противника, она может получить все это сторицею обратно.

Заявления о «метеорологической войне», уже не раз делающиеся в США, представляются мне несерьезными.

Миру нужны сейчас не угрозы «метеорологической бомбой», а сосуществование и тесное научное содружество всех стран.

Изучение геофизических явлений, разыгрывающихся на пространстве всего земного шара, испытывает, пожалуй, наибольшую необходимость в таком сотрудничестве. Геофизики многих стран не раз проводили по единой программе серии сложных исследований; примером такой единой и дружной работы ученых является Международный геофизический год, начинающийся 1 июля 1957 года.

Я глубоко убежден, что предотвращение войны и мирное сотрудничество ученых различных стран помогут скорее решить многие крупные научные проблемы, в том числе и проблему управления погодой, на благо человечества.

Граф Средиземский

Илья ИЛЬФ, Евгений ПЕТРОВ

Рисунки К. РОТОВА

Этот рассказ Ильфа и Петрова был найден мной в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР в фонде журнала «30 дней». Ни сам рассказ, ни папка, в которой он хранится, не датированы. Но из особенностей его стиля следует, что рассказ — ровесник «Золотого теленка» (1929—1931). И даже точнее, он написан в первой половине 1930 года. Некоторые из выражений, попавших в него («подбородок, как кошелек», «бронзовый свет», «свежий пароходный ветер»), мы встречаем в записях Ильфа, относимых к 1930 году, другие — в тексте «Золотого теленка», главным образом в главах, написанных во второй половине 1930 года («тепло и темно, как между ладонями», «маринованный судак в круглой железной коробочке», имена Талмудовского и Пружанского и прочее). Нет сомнения, что когда Ильф и Петров обратились к этим главам, «Граф Средиземский» был уже написан: «Золотой теленок» вобрал в себя многие более ранние произведения сатириков, обратного же явления — использования образов романа в последовавших за ним рассказах Ильфа и Петрова — мы не встречаем.

Рассказ «Граф Средиземский» публикуется впервые.

Лидия ГУРОВИЧ

Старый граф умирал.

Он лежал на узкой грязной кушетке и, вытянув птичью голову, с отвращением смотрел в окно. За окном дрожала маленькая зеленая веточка, похожая на брошь. Во дворе галдели дети. А на заборе противоположного дома бывший граф Средиземский различал намалеванный по трафарету утильсырьевой лозунг: «Отправляясь в гости, собирайте кости». Лозунг этот давно уже был противен Средиземскому, а сейчас даже таил в себе какой-то обидный намек. Бывший граф отвернулся от окна и сердито уставился в потрескавшийся потолок.

До чего же комната Средиземского не была графской! Не висели здесь портреты екатерининских силачей в муаровых камзолах. Не было и обычных круглых татарских щитов. И мебель была тонконогая, не родовитая. И паркет не был натерт, и ничто в нем не отражалось. Перед смертью графу следовало бы подумать о своих предках, среди которых были знаменитые воины, государственные умы и даже посланник при дворе испанском. Следовало также подумать и о боге, потому что граф был человеком верующим и исправно посещал церковь. Но вместо всего этого мысли графа были обращены к вздорным житейским мелочам.

«Я умираю в антисанитарных условиях,— бормотал он сварливо,— до сих пор не могли потолка побелить».

И, как нарочно, снова вспомнилось обиднейшее происшествие. Когда граф еще не был бывшим и когда все бывшее было настоящим, в 1910 году, он купил себе за 600 франков место на кладбище в Ницце. Именно там, под электрической зеленью, хотел найти вечный покой граф Средиземский. Еще недавно он послал в Ниццу колкое письмо, в котором отказывался от места на кладбище и требовал деньги обратно. Но кладбищенское управление в вежливой форме отказало. В письме указывалось, что деньги, внесенные за могилу, возвращению не подлежат, но что если тело месье Средиземского при документах, подтверждающих право месье на могильный участок, прибудет в Ниццу, то оно будет действительно погребено на ниццском кладбище. Причем расходы по преданию тела земле, конечно, целиком ложатся на месье.

Доходы графа от продажи папирос с лотка были очень невелики, и он сильно надеялся на деньги из Ниццы. Переписка с кладбищенскими властями причинила графу много волнений и разрушительно подействовала на его организм. После гадкого письма, в котором так спокойно трактовались вопросы перевозки графского праха, он совсем ослабел и почти не вставал со своей кушетки. Справедливо не доверяя утешениям районного врача, он готовился к расчету с жизнью. Однако умирать ему не хотелось, как не хотелось мальчику отрываться от игры в мяч для того, чтобы идти делать уроки. У графа на мази было большое склочное дело против трех вузовцев — Шкарлато, Пружанского и Талмудовского, квартировавших этажом выше.

Вражда его к молодым людям возникла обычным путем. В домовой стенгазете появилась раскрашенная карикатура, изображавшая графа в отвратительном виде — с высокими ушами и коротеньким туловищем. Под рисунком была стихотворная подпись:

В нашем доме номер семь
Комната найдется всем.
Здесь найдешь в один момент
Классово чуждый элемент.
Что вы скажете, узнав,
Что Средиземский — бывший граф?!

Под стихами была подпись: «Трое».

Средиземский испугался. Он засел за опровержение, решив, в свою очередь, написать его стихами. Но он не мог достигнуть той высоты стихотворной техники, которую обнаружили его враги. К тому же к Шкарлато, Пружанскому и Талмудовскому пришли гости. Там щипали гитару, затягивали песни и боролись с тяжким топотом. Иногда сверху долетали возгласы: «...Энгельс его ругает, но вот Плеханов...» Средиземскому удалась только первая строка: «То, что граф, я не скрывал...» Опровергать в прозе было нечего. Выпад остался без ответа. Дело как-то замялось само по себе. Но обиды Средиземский забыть не мог. Засыпая, он видел, как на темной стене, на манер валтасаровых «мене, текел, фарес», зажигаются три фосфорических слова:

ШКАРЛАТО, ПРУЖАНСКИЙ, ТАЛМУДОВСКИЙ.

Вечером в переулке стало тепло и темно, как между ладонями. Кушеточные пружины скрипели. Беспокойно умирал граф. Уже неделю тому назад у него был разработан подробный план мести молодым людям. Это был целый арсенал обычных домовых гадостей: жалоба в домоуправление на Шкарлато, Пружанского и Талмудовского с указанием на то, что они разрушают жилище, анонимное письмо в канцелярию вуза за подписью «Друг просвещения», где три студента обвинялись в чубаровщине и содомском грехе, тайное донесение в милицию о том, что в комнате вузовцев ночуют непрописанные подозрительные граждане. Граф был в курсе современных событий. Поэтому в план его было включено еще одно подметное письмо — в университетскую ячейку с туманным намеком на то, что партиец Талмудовский вечно практикует у себя в комнате правый уклон под прикрытием «левой фразы».

И все это еще не было приведено в исполнение. Помешала костлявая. Закрывая глаза, граф чувствовал ее присутствие в комнате. Она стояла за пыльным стеклянным шкафом. В ее руках мистически сверкала коса. Могла получиться скверная штука: граф мог умереть неотмщенным.

А между тем оскорбление надо было смыть. Предки Средиземского всевозможные оскорбления смывали обычно кровью. Но залить страну потоками молодой горячей крови Шкарлато, Пружанского и Талмудовского граф не мог. Изменились экономические предпосылки. Пустить же в ход сложную систему доносов было уже некогда, потому что графу оставалось жить, как видно, только несколько часов.

Надо было придумать взамен какую-нибудь сильно действующую быструю месть.

Когда студент Талмудовский проходил мимо дома, озаренный жирной греческой луной, его окликнули. Он обернулся. Из окна графской комнаты манила его костлявая рука.

— Меня? — спросил студент удивленно.

Рука все манила, послышался резкий павлиний голос Средиземского:

— Войдите ко мне! Умоляю вас! Это необходимо.

Талмудовский приподнял плечи. Через минуту он уже сидел на

кушетке в ногах у графа. Маленькая лампочка распространяла в комнате тусклый бронзовый свет.

— Товарищ Талмудовский,— сказал граф.— Я стою на пороге смерти. Дни мои сочтены.

— Ну, кто их считал! — воскликнул добрый Талмудовский.— Вы еще поживете не один отрезок времени.

— Не утешайте меня. Своей смертью я искуплю все то зло, которое причинил вам когда-то.

— Мне?

— Да, сын мой! — простонал Средиземский голосом служителя культа.— Вам. Я великий грешник. Двадцать лет я страдал, не находя в себе силы открыть тайну вашего рождения. Но теперь, умирая, я хочу рассказать вам все. Вы не Талмудовский.

— Почему я не Талмудовский? — сказал студент.— Я Талмудовский.

— Нет. Вы никак не Талмудовский. Вы Средиземский, граф Средиземский. Вы мой сын. Можете мне, конечно, не верить, но это чистейшая правда. Перед смертью люди не лгут. Вы мой сын, а я ваш несчастный отец. Приблизьтесь ко мне. Я обниму вас.

Но ответного прилива нежности не последовало. Талмудовский вскочил, и с колен его шлепнулся на пол толстый том Плеханова.

— Что за ерунда? — крикнул он.— Я Талмудовский! Мои родители тридцать лет живут в Тирасполе. Только на прошлой неделе я получил письмо от моего отца Талмудовского.

— Это не ваш отец,— сказал старик спокойно.— Ваш отец здесь, умирает на кушетке. Да. Это было двадцать два года тому назад. Я встретился с вашей матерью в камышах на берегу Днестра. Она была очаровательная женщина, ваша мать.

— Что за черт! — восклицал длинноногий Талмудовский, бегая по комнате.— Это — просто свинство!

— Наш полк,— продолжал мстительный старик,— гвардейский полк его величества короля датского, участвовал тогда в больших маневрах. А я был великий грешник. Меня так и называли — Петергофский Дон Жуан. Я соблазнил вашу мать и обманул Талмудовского, которого вы неправильно считаете своим отцом.

— Этого не может быть!

— Я понимаю, сын мой, ваше волнение. Оно естественно. Графу теперь, сами знаете, прожить очень трудно. Из партии вас, конечно, вон! Мужайтесь, сын мой! Я предвижу, что вас вычистят также из университета. А в доме про вас будут стихи сочинять, как про меня написали. «Что вы скажете, узнав, что Талмудовский бывший граф?» Но я узнаю в вас, дитя мое, благородное сердце графов Средиземских, благородное, смелое и набожное сердце нашего рода, последним отпрыском коего являетесь вы. Средиземские всегда верили в бога. Вы посещаете церковь, дитя мое?

Талмудовский взмахнул рукой и с криком «К чертовой матери!» выскочил из комнаты. Тень его торопливо пробежала по дворику и исчезла в переулке. А старый граф тихо засмеялся и посмотрел в темный угол, образованный шкафом. Костлявая не казалась ему уже такой страшной. Она дружелюбно помахивала косой и позванивала будильником. На стене снова зажглись фосфорические слова, но слова «Талмудовский» уже не было. Пылали зеленым светом только две фамилии:

ШКАРЛАТО, ПРУЖАНСКИЙ.

В это время во дворике раздался веселый голос:

— По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там! По моря-ам, морям, морям, морям!

То возвращался домой с карнавала на реке веселый комсомолец Пружанский. Его узкие белые брюки сверкали под луной. Он торопился. Дома ждал его маринованный судак в круглой железной коробочке.

— Товарищ Пружанский! — позвал граф, с трудом приподняв к окну свою петушиную голову.— А, товарищ Пружанский!

— Это ты, Верка? — крикнул комсомолец, задрав голову.

— Нет, это я, Средиземский. У меня к вам дело. Зайдите на минуточку.

Через пять минут пораженный в самое сердце Пружанский вертелся в комнате, освещенной бронзовым светом. Он так суетился, словно на него напали пчелы.

А старый граф, придерживая рукой подбородок, длинный и мягкий, как кошелек, плавно повествовал:

— Я был великий грешник, сын мой. В то время я был блестящим офицером гвардейского его величества короля датского полчка. Мой полк участвовал тогда в больших маневрах у Витебска. И там я встретил вашу мать. Это была очаровательная женщина, хотя и еврейка. Я буду краток. Она увлеклась мною. А уже через девять месяцев в бедной квартире портного Пружанского зашевелился маленький красный комочек. И этот красный комочек были вы, Пружанский.

— Почему вы думаете, что этот красный комочек был именно я? — слезливо спросил Пружанский.— То есть я хочу спросить, почему вы думаете, что отцом этого красного комочка были именно вы?

— Эта святая женщина любила меня,— самодовольно ответил умирающий.— Это была чистая душа, хотя и еврейка. Она рассказала мне, кто настоящий отец ее ребенка. Этот отец — я. И этот сын — вы. Вы мой сын, Яша. Вы не Пружанский. Вы Средиземский. Вы граф! А я великий грешник, меня даже в полчку так и называли—Ораниенбаумский Дон Жуан. Обнимите меня, молодой граф, последний отпрыск нашего угасающего рода!

Пружанский был так ошеломлен, что с размаху обнял старого негодяя. Потом опомнился и с тоской сказал:

— Ах, гражданин Средиземский, гражданин Средиземский! Зачем вы не унесли этот секрет с собой в могилу? Что же теперь будет?

Старый граф участливо смотрел на своего второго единственного сына, кашляя и наставляя:

— Бедное благородное сердце! Сколько вам еще придется испытать лишений! Из комсомола, конечно, вон. Да я надеюсь, что вы и сами не останетесь в этой враждебной нашему классу корпорации. Из вуза — вон. Да и зачем вам советский вуз? Графы Средиземские всегда получали образование в лицеях. Обними меня, Яшенька, еще разок! Не видишь разве, что я здесь умираю на кушетке?

— Не может этого быть! — отчаянно сказал Пружанский.

— Однако это факт,— сухо возразил старик.— Умирающие не врут.

— Я не граф! — защищался комсомолец.

— Нет, граф.

— Это вы граф!

— Оба мы графы,— заключил Средиземский.— Бедный сын мой. Предвижу, что про вас напишут стихами: «Что вы скажете, узнав, что Пружанский просто граф?»

Пружанский ушел, кренясь набок и бормоча: «Значит, я граф. Ай-ай-ей!»

Его огненная фамилия на стене потухла, и страшной могильной надписью висело в комнате только одно слово:

ШКАРЛАТО.

Старый граф работал с энергией, удивительной для умирающего. Он залучил к себе беспартийного Шкарлато и признался ему, что он, граф, великий греш-

ник. Явствовало, что студент — последний потомок графов Средиземских и, следовательно, сам граф.

— Это было в Тифлисе,— усталым уже голосом плел Средиземский.— Я был тогда гвардейским офицером...

Шкарлато выбежал на улицу, шатаясь от радости. В ушах его стоял звон, и студенту казалось, что за ним по тротуару волочится и гремит белая сабля.

— Так им и надо,— захрипел граф.— Пусть не пишут стихов.

Последняя фамилия исчезла со стены. В комнату влетел свежий пароходный ветер. Из-за славянского шкафа вышла костлявая. Средиземский завизжал. Смерть рубанула его косой, и граф умер со счастливой улыбкой на синих губах.

В эту ночь все три студента не ночевали дома. Они бродили по фиолетовым улицам, в разных концах города, пугая своим видом ночных извозчиков. Их волновали разнообразные чувства.

В третьем часу утра Талмудовский сидел на гранитном борту тротуара и шептал:

— Я не имею морального права скрыть свое происхождение от ячейки. Я должен пойти и заявить. А что скажут Пружанский и Шкарлато? Может, они даже не захотят жить со мной в одной комнате. В особенности Пружанский. Он парень горячий. Руки, наверно, даже не подаст.

В это время Пружанский в перепачканных белых брюках кружил вокруг памятника Пушкину и горячо убеждал себя:

— В конце концов я не виноват. Я жертва любовной авантюры представителя царского, насквозь пропитанного режима. Я не хочу быть графом. Рассказать невозможно, Талмудовский со мной просто разговаривать не станет. Интересно, как поступил бы на моем месте Энгельс? Я погиб. Надо скрыть. Иначе невозможно. Ай-ей-ей! А что скажет Шкарлато? Втерся, скажет, примазался. Он хоть и беспартийный, но страшный активист. Ах, что он скажет, узнав, что я, Пружанский, бывший граф! Скрыть, скрыть!

Тем временем активист Шкарлато, все еще оглушаемый звоном невидимого палаша, проходил улицы стрелковым шагом, время от времени молодецки вскрикивая:

— Жаль, что наследства не оставил! Чудо-богатырь! Отец говорил, что у него имение в Черниговской губернии. Ох, не вовремя я родился! Там теперь, наверно, совхоз. Эх, марш вперед, труба зовет, черные гусары! Интересно, выпил бы я бутылку рома, сидя на оконном карнизе? Надо будет попробовать! А ведь ничего нельзя рассказать. Талмудовский и Пружанский могут из зависти мне напортить. А хорошо бы жениться на графине! Утром входишь в будуар...

Первым прибежал домой Пружанский. Дрожа всем телом, он залег в постель и кренделем свернулся под малиновым одеялом. Только он начал согреваться, как дверь раскрылась, и вошел Талмудовский, лицо которого имело темный, наждачный цвет.

— Слушай, Яшка,— сказал он строго.— Что бы ты сделал, если бы один из нас троих оказался сыном графа?

Пружанский слабо вскрикнул.

«Вот оно,— подумал он,— начинается».

— Что бы ты все-таки сделал? — решительно настаивал Талмудовский.

— Что за глупости? — совсем оробев, сказал Пружанский.— Какие из нас графы!

— А все-таки? Что б ты сделал?

— Лично я?

— Да, ты лично.

— Лично я порвал бы с ним всякие отношения!

— И разговаривать не стал бы? — со стоном воскликнул Талмудовский.

— Нет, не стал бы. Ни за что! Но к чему этот глупый разговор?

— Это не глупый разговор,— мрачно сказал Талмудовский.— От этого вся жизнь зависит.

«Погиб, погиб»,— подумал Пружанский, прыгая под одеялом, как мышь.

«Конечно, со мной никто не будет разговаривать,— думал Талмудовский. — Пружанский совершенно прав».

И он тяжело свалился на круглое, бисквитное сиденье венского стула. Комсомолец совсем исчез в волнах одеяла. Наступило длительное нехорошее молчание. В передней раздались молодцеватые шаги, и в комнату вошел Шкарлато.

Долго и презрительно он оглядывал комнату.

— Воняет,— сказал он высокомерно.— Совсем как в ночлежном доме. Не понимаю, как вы можете здесь жить. Аристократу здесь положительно невозможно.

Эти слова нанесли обоим студентам страшный удар. Им показалось, что в комнату вплыла шаровидная молния и, покачиваясь в воздухе, выбирает себе жертву.

— Хорошо быть владельцем имения,— неопределенно сказал Шкарлато, вызывающе поглядывая на товарищей.— Загнать его и жить на проценты в Париже. Кататься на велосипеде. Верно, Талмудовский? Как ты думаешь, Пружанский?

— Довольно! — крикнул Талмудовский.— Скажи, Шкарлато, как поступил бы ты, если бы обнаружилось, что один из нас тайный граф?

Тут испугался и Шкарлато. На лице его показался апельсиновый пот.

— Что ж, ребятки,— забормотал он.— В конце концов нет ничего особенно страшного. Вдруг вы узнаете, что я граф. Немножко, конечно, неприятно... но...

— Ну, а если бы я? — воскликнул Талмудовский.

— Что ты?

— Да вот... оказался графом.

— Ты, графом? Это меня смешит.

— Так вот я граф... — отчаянно сказал член партии.

— Граф Талмудовский?

— Я не Талмудовский,— сказал студент.— Я Средиземский. Я в этом совершенно не виноват, но это факт.

— Это ложь! — закричал Шкарлато.— Средиземский — я.

Два графа ошеломленно меряли друг друга взглядами. Из угла комнаты послышался протяжный стон. Это не выдержал муки ожидания, выплывая из-под одеяла, третий граф.

— Я ж не виноват! — кричал он.— Разве я хотел быть графским сынком? Любовный эксцесс представителя насквозь прогнившего...

Через пятнадцать минут студенты сидели на твердом, как пробка, матраце Пружанского и обменивались опытом кратковременного графства.

— А про полчок его величества короля датского он говорил?

— Говорил.

— И мне тоже говорил. А тебе, Пружанский?

— Конечно. Он сказал еще, что моя мать была чистая душа, хотя и еврейка.

— Вот старый негодяй! Про мою мать он тоже сообщил, что она чистая душа, хотя и гречанка.

— А обнимать просил?

— Просил.

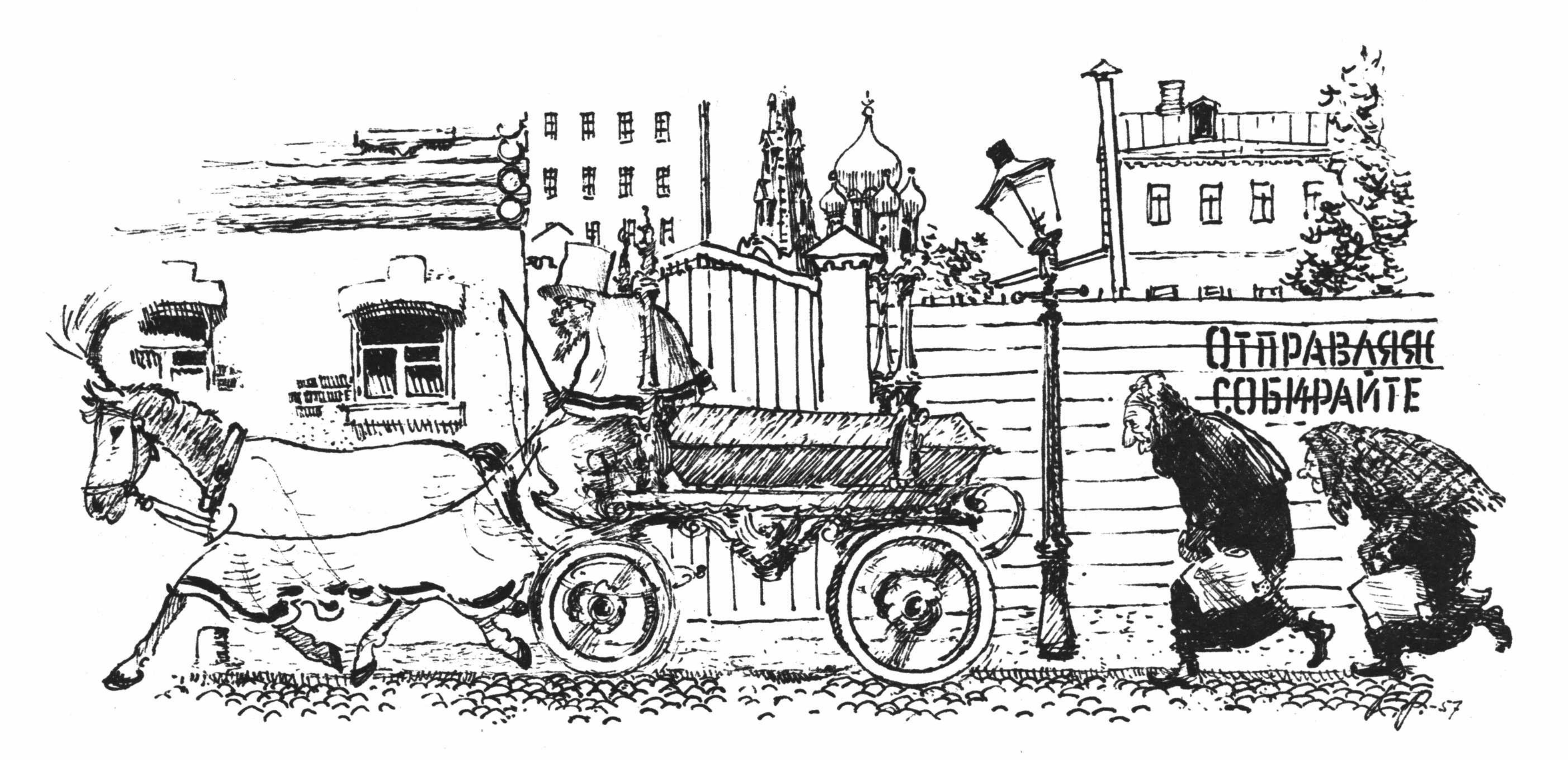
— А ты обнимал?

— Нет. А ты?

— Я обнимал.

— Ну и дурак!

На другой день студенты увидели из окна, как вынесли в переулок желтый гроб, в котором покоилось все, что осталось земного от мстительного графа. Посеребренная одноконная площадка загремела по мостовой. Закачался на голове смирной лошади генеральский белый султан. Две старухи с суровыми глазами побежали за уносящимся гробом. Мир избавился от великого склочника.

ЛАКСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Будешь двигаться — через хребет перевалишь, будешь сидеть — в яму скатишься.

Совесть — тысяча свидетелей.

Если говорящий глуп, то хотя бы слушатель должен быть умным.

Кто ест соль, тот пьет воду.

От быстрого бега осел не станет джейраном.

Ослу нравится его рев.

Воткнул иголку, хочет вытащить шило.

Где есть вода, там и лед может быть.

Овечий язык ешь, а человеческого берегись.

Аркан хорош длинный, а речь — короткая.

У стен древнего Термеза

Издавна караванные тропы приводили купцов к древней крепости Термеза, у стен которой шла шумная, кипучая жизнь большого восточного торжища. А после удачно завершенных сделок купцы направлялись в мавзолей Махаммада Хакима ал Термези, ученого-богослова IX века.

Разрушенный в XIII веке монголами, Термез возродился уже на новом месте, но исстари обжитое людьми место славится по-прежнему. Здесь, у развалин крепости древнего Термеза, сохранился один из замечательных памятников средневековой архитектуры Средней Азии — ансамбль у Мазара Хакими Термези. Наибольший интерес представляет мавзолей, построенный в IX или начале X века.

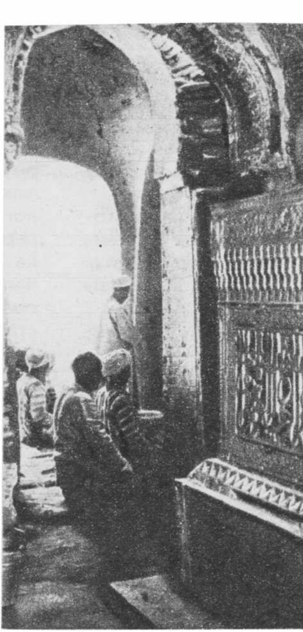
Недавние пробные раскопки принесли много интересных открытий. Оказалось, что под четырьмя слоями позднейшей штукатурки стены мавзолея покрыты тем же резным узором из трилистников. Дальнейшие работы показали, что часть резьбы была сбита и на полосе, опоясавшей стены, труднейшими почерками «цветущего куфи» и «несхи» вырезана какая-то надпись.

Прочтенная профессором М. Е. Массоном надпись дала имя Абу-л-Музаффара Ахмед Тига — тегина, по распоряжению которого, по-видимому, в XI или XII веке купол и единое обрамление стен и арок были покрыты сложным геометрическим и стилизованным растительным орнаментом.

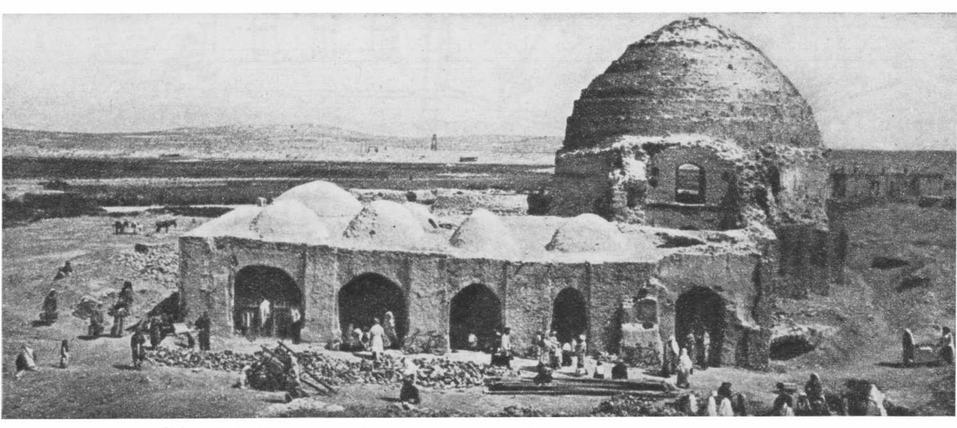
В XV веке рядом был возведен более обширный мавзолей в честь Хакима ал Термези и в нем установлено беломраморное надгробие, украшенное народными мастерами тончайшим резным орнаментом с резной надписью. Позднее надгробие перенесли в древний мавзолей.

По проекту архитектора В. М. Филимонова началась реставрация зданий. По сохранившимся образцам восстанавливается полностью древняя резьба на стенах мавзолея, реставрируются фасад и интерьер мечети, южный портал большого купольного помещения.

Н. СОЛОВЬЕВА

В мавзолее.

Общий вид ансамбля, где идут реставрационные работы.

«СЛУХОВЫЕ ОЧКИ»

«Слуховые очки» похожи на обычные. Но предназначены они для людей со слабой и средней потерей слуха. Используя полупроводниковые приборы, группе инженеров Московской фабрики глазных протезов и слуховых аппаратов удалось разместить в заушниках все детали схемы и электропитание, получаемое от аккумулятора в виде небольшой таблетки. На одном из заушников установлен регулятор громкости, на другом — регулятор тембра. Новый аппарат удобен и тем, что в нем не возникают посторонние шумы. «Слуховые очки» снабжены простыми

стеклами, которые при необходимости могут быть заменены соответствующими линзами или светофильтрами.

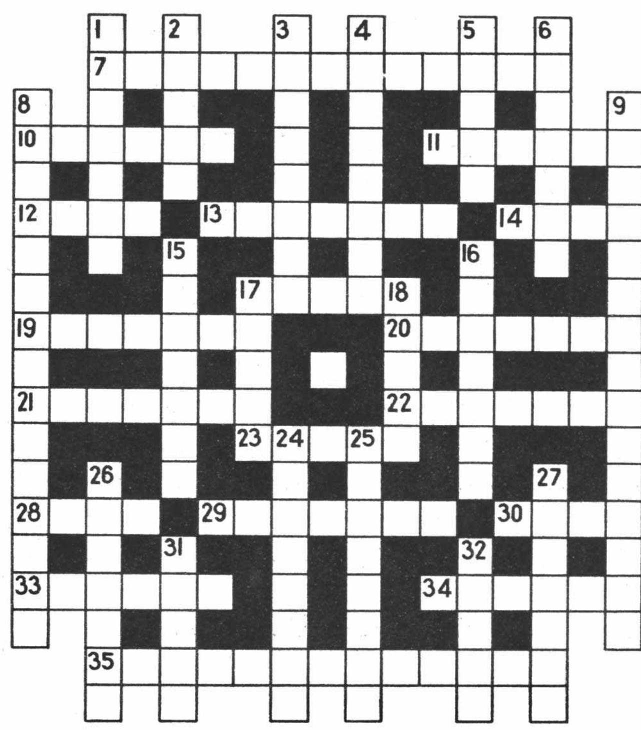
Во время чтения, прогулок источник питания может быть выключен. Если это забыли сделать, то при снятии очков отключение происходит автоматически. Аккумулятор обеспечивает нормальную работу в течение недели, после чего может быть заряжен от сети переменного тока с помощью небольшого зарядного устройства, входящего в комплект прибора.

«Слуховые очки» прошли лабораторные и эксплуатационные испытания в различных производственных условиях, в театрах, на улицах города и показали хорошие результаты. В IV квартале этого года Московская фабрика глазных протезов и слуховых аппаратов пустит «слуховые очки» в серийное производство.

А. ЧЕРНЯК

На вкладках этого номера: четыре страницы репродукций картин современных румынских художников, две страницы работ китайских художников и две страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Отрасль сельского хозяйства. 10. Химический элемент. 11. Испанский танец. 12. Награда. 13. Грандиозный амфитеатр в Риме. 14. Цифровая отметка. 17. Деньги, выдаваемые под отчет. 19. Прямая линия, проходящая через центр окружности. 20. Город в Грузинской ССР. 21. Русская пианистка и педагог. 22. Обозначенная цена. 23. Загадка. 28. Мысль. 29. Народный музыкальный инструмент. 30. Французский композитор XIX века. 33. Режущий инструмент. 34. Вымерший слон. 35. Машина для погрузки и разгрузки.

По вертикали:

1. Роман Д. Олдриджа. 2. Описание морей и побережий. 3. Герой обороны Севастополя в Крымской войне. 4. Русский драматург и просветитель XVIII века. 5. Покатый спуск. 6. Специальность рабочего. 8. Город на Украине. 9. Коллективность. 15. Металлический барометр. 16. Род стрелкового оружия. 17. Дикий баран. 18. Зверек с ценным мехом. 24. Старинное название некоторых артиллерийских орудий. 25. Музыкальное вступление к театральному представлению. 26. Река в Африке. 27. Птица семейства овсянковых. 31. Плоскогорье. 32. Сложноузорчатая ткань.

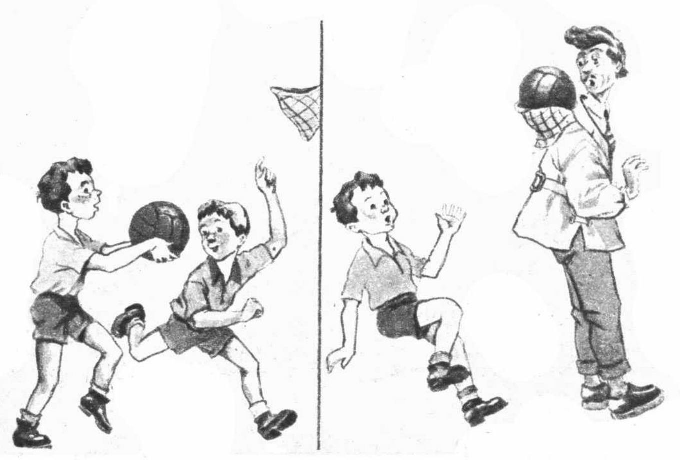
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

4. Культиватор. 8. «Иоланта». 9. Центавр. 10. «Овод». 11. Прокофьев. 12. Фриз. 16. Агрегат. 19. Такелаж. 20. Глетчер. 21. Кисловодск. 22. Комплимент. 25. Драйзер. 27. Стеатит. 28. Токарев. 31. Ржев. 32. Трактриса. 33. Толь. 36. Теорема. 37. Ординар. 38. Кульминация.

По вертикали:

1. Плутарх. 2. Динамометр. 3. Стрепет. 4. Кран. 5. Рота. 6. Полонез. 7. «Квартет». 10. Организатор. 13. Знаменатель. 14. Дарование. 15. Кабельтов. 17. Слесарь. 18. Феномен. 23. Эйнштейний. 24. Варенец. 26. Каботаж. 29. Примула. 30. Устрица. 34. Урюк. 35. Гиря.

СЛУЧАЙ НА СПОРТПЛОЩАДКЕ...
Изошутка А. Брусиловского (Харьков).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05218. Подписано к печати 29/V 1957 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 597. Заказ № 1352.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Колхоз имени Ленина, Чадыр-Лунгского района, Молдавской ССР, закончил 1956 год с общим доходом в 15,5 миллиона рублей. Более 2 миллионов рублей колхоз получил от свинофермы. На снимке: одна из откормочных площадок свиноводческой фермы.

Фото А. Шапиро.

Цена номера 3 руб.